

ISSN 2312-7899 (print)
ISSN 2408-9176 (online)

ПРАЭНМА

проблемы визуальной семиотики

2 0 2 5

№ 4 (46)

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ПРАЭНМА

ПРОБЛЕМЫ ВИЗУАЛЬНОЙ СЕМИОТИКИ

Научный журнал

2025

№ 4 (46)

ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2025. № 4 (46) [18+]

Главный редактор

А. Н. Макаренко (Томский государственный педагогический университет)

Заместители главного редактора

С. С. Аванесов (Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого)

И. В. Мелик-Гайказян (Томский государственный педагогический университет)

Научный редактор номера

А. В. Курьянович (Томский государственный педагогический университет;

Цзилиньский университет иностранных языков)

Ответственный секретарь

М. С. Горбулёва (Томский государственный педагогический университет)

Редакционная коллегия

Е. В. Афонасин (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск)

М. Н. Вольф (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск)

И. Н. Инишев (Высшая школа экономики, Москва)

С. Б. Куликов (Томский государственный педагогический университет)

А. М. Лидов (Научный центр восточнохристианской культуры, Москва)

М. Моравчикова (Грнавский университет, Словакия)

К. Е. Осетрин (Томский государственный педагогический университет)

О. В. Рыбчинский (Национальный университет «Львовская Политехника», Украина)

В. В. Савчук (Санкт-Петербургский государственный университет)

Н. И. Сазонова (Томский государственный педагогический университет)

В. А. Суровцев (Томский государственный университет)

В. А. Суханов (Томский государственный университет)

П. Я. Ференски (Вроцлавский университет, Польша)

А. И. Щербинин (Томский государственный университет)

Редакционный совет

Т. Андина (Туринский университет, Италия)

О. А. Донских (Новосибирский гос. университет экономики и управления)

И. Т. Касавин (Институт философии РАН, Москва)

Л. Карави (Национальный университет, Афины, Греция)

Е. Н. Князева (Высшая школа экономики, Москва)

В. В. Лепахин (Университет г. Сегед, Венгрия)

Т. С. Симян (Ереванский государственный университет, Армения)

Н. В. Скорин-Чайков (Высшая школа экономики, Санкт-Петербург)

И. Топп-Вуйтович (Вроцлавский университет, Польша)

Е. Р. Ярская-Смирнова (Высшая школа экономики, Москва)

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет»

Адрес учредителя: ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061. Тел./факс 8 (3822) 31-14-64

Адрес редакции и издателя: пр. Комсомольский, 75, оф. 205, Томск, Россия, 634041.

Тел. 8 (3822) 31-13-25, тел./факс 8 (3822) 31-14-64. E-mail: praxema@tspu.ru

Электронная версия журнала: <http://praxema.tspu.ru>

Отпечатано в типографии ИП Копыльцов П. И.

ул. Маршала Неделина, д. 27, кв. 56, Воронеж, Россия 394052.

Тел.: 89507656959. E-mail: Kopyltsov_Pavel@mail.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ГПИ № ФС 77 – 57493

Издание включено в подписной каталог «Пресса России». Индекс 90129.

Подписано в печать: 14.11.2025. Дата выхода в свет: 17.12.2025. Формат: 70×100/16. Бумага: офсетная.

Печать: трафаретная. Усл.-печ. л.: 15. Тираж: 500 экз. Цена свободная. Заказ: 1319/Н.

Выпускающий редактор: Ю. Ю. Афанасьева. Технический редактор: А. И. Алышева

© Томский государственный педагогический университет, 2025. Все права защищены

MINISTRY OF EDUCATION OF RUSSIAN FEDERATION
TOMSK STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY

ПРАЕНИМА

JOURNAL OF VISUAL SEMIOTICS

Научный журнал

2025

№ 4 (46)

IIPAEHMA. Journal of Visual Semiotics. 2025. № 4 (46) [18+]

Chief Editor

Andrey Makarenko (Tomsk State Pedagogical University, Russia)

Deputy Chief Editor

Sergey Avanesov (Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Russia)

Irina Melik-Gaykazyan (Tomsk State Pedagogical University, Russia)

Scientific Editor of the Issue

Anna Kurjanovich (Tomsk State Pedagogical University, Russia;
Jilin University of Foreign Studies, China)

Executive Secretary

Maria Gorbuleva (Tomsk State Pedagogical University, Russia)

Editorial Board

Eugene Afonasin (Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia)

Piotr Jakub Fereński (University of Wrocław, Poland)

Ilya Inishov (Higher School of Economics, Moscow, Russia)

Sergey Kulikov (Tomsk State Pedagogical University, Russia)

Alexei Lidov (Scientific Center of Eastern Christian Culture, Moscow, Russia)

Michaela Moravchikova (University of Trnava, Slovakia)

Konstantin Osetrin (Tomsk State Pedagogical University, Russia)

Oleh Rybchynskyi (Lviv Polytechnic National University, Ukraine)

Valery Savchuk (Saint-Petersburg State University, Russia)

Natalia Sazonova (Tomsk State Pedagogical University, Russia)

Alexei Scherbini (Tomsk State University, Russia)

Vyacheslav Sukhanov (Tomsk State University, Russia)

Valery Surovtsev (Tomsk State University, Russia)

Marina Volf (Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia)

Editorial Council

Tiziana Andina (University of Turin, Italy)

Oleg Donskikh (Novosibirsk State University of Economics and Management, Russia)

Elena Iarskaia-Smirnova (Higher School of Economics, Moscow, Russia)

Lilian Karali (National and Kapodistrian University of Athens, Greece)

Ilya Kasavin (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Helena Knyazeva (Higher School of Economics, Moscow, Russia)

Valerij Lepahin (University of Szeged, Hungary)

Tigran Simyan (Yerevan State University, Armenia)

Nikolai Ssorin-Chaikov (Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia)

Izolda Topp-Wójtowicz (University of Wrocław, Poland)

Founder:

Tomsk State Pedagogical University

Address: ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061. Tel.: +7 (3822) 31-14-64

Corresponding address: pr. Komsomolsky, 75, of. 205, Tomsk, Russia, 634061.

Tel.: +7 (3822) 31-13-25; +7 (3822) 31-14-64. E-mail: praxema@tspu.ru

Online version: <http://praxema.tspu.ru>

Printed in the printing house of IP Kopyltsov P.I.

Marshal Nedelin str., 27, sq. 56, Voronezh, Russia, 394052.

Tel.: 89507656959. E-mail: Kopyltsov_Pavel@mail.ru

Certificate PI № FS 77 – 57493

by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

The publication is included in the subscription catalog of the Press of Russia. The index is 90129

Approved for printing on: 14.11.2025. Date of issue: 17.12.2025. Format: 70x100/16. Paper: offset.

Printing: screen. Edition: 500. Price: not settled. Order: 1319/H.

Production editor: Yu . Yu . Afanasyeva. Text designer: A. I. Alisheva.

© Tomsk State Pedagogical University, 2025. All rights reserved

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>Ардашкін И. Б.</i> (Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия; Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия); <i>Суровцев В. А.</i> (Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия; Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия)	
Визуализация и социально значимые языковые выражения: аналитическая философия, социолингвистика и теория терминов	9
<i>Гиздатов Г. Г.</i> (Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, Алматы, Казахстан); <i>Баситова Ш. Д.</i> (Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, Алматы, Казахстан)	
Арт-текст: теоретическая «перспектива» и / или медиакритическая оценка	44
<i>Дубина Л. В.</i> (Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия); <i>Дун Шухань</i> (Международная логистическая компания «Байкал», Гуаньчжоу, Китай)	
Названия одежды как средство лингвосемиотического кодирования концептуальной информации	58
<i>Ермоленкина Л. И.</i> (Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия); <i>Ито Фуки</i> (Университет Сакуё, Курасики, Япония)	
Метафора как инструмент лингвосемиотической интерпретации в музыкально-образовательном дискурсе	79
<i>Жарков Е. А.</i> (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия)	
Шерлок Холмс, Охотник и символическая власть научного знания	100
<i>Мкртчян М. С.</i> (Институт языка имени Р. Ачаряна Национальной академии наук Республики Армения, Ереван, Армения; Государственный университет имени В. Я. Брюсова, Ереван, Армения)	
Обложка книги как форма семиотического перевода: на примере автобиографии «Майрик» Анри Вернея.....	122

Серебренникова Е. А. (Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия); Зюбанов В. Ю. (Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия); Курьянович А. В. (Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия; Цзилиньский университет иностранных языков, Чанчунь, Китай) Роль визуального семиотического кода в моделировании концептосферы учебного текста	142
Черняева И. В. (Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия); Булгаева Г. Д. (Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия); Айхлер Н. А. (Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия); Неборская А. С. (Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия) От технологических особенностей к пониманию замысла (на примере произведений Л. Р. Цесюлевича).....	173
Полева Е. А. (Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия); Семёнова Н. А. (Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия); Энхтуяа Ж. (Центр русского языка Средней общеобразовательной школы № 84, Улан-Батор, Монголия) Визуальные маркеры культурной идентичности в представлениях советников по воспитанию при директорах современных российских школ	196
Сведения об авторах.....	214

CONTENTS

ARTICLES

<i>I. Ardashkin</i> (National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia; National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia); <i>V. Surovtsev</i> (Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia; National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia)	
Visualising and social meaning in languages: Analytic philosophy, sociolinguistics, and the theory of terminology	9
<i>G. Gizdatov</i> (Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Almaty, Kazakhstan); <i>Sh. Bassitova</i> (Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Almaty, Kazakhstan)	
Art text: Theoretical “perspective” and/or media-critical evaluation.....	44
<i>L. Dubina</i> (Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia); <i>Sh. Dong</i> (Guangzhou Baikal International Logistics Group Co., Guangzhou, China)	
Clothing names as a means of linguo-semiotic coding of conceptual information.....	58
<i>L. Yermolenkina</i> (Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia); <i>Fuki Ito</i> (Sakuyo University, Kurashiki, Japan)	
Metaphor as a means of linguo-semiotic interpretation in music education discourse	79
<i>E. Zharkov</i> (National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia)	
Sherlock Holmes, the Hunter, and the symbolic power of scientific knowledge.....	100
<i>M. Mkrtchyan</i> (Institute of Language after H. Acharyan, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Yerevan, Armenia; Brusov State University, Yerevan, Armenia)	
Book cover as a semiotic translation: The case of the autobiography Mayrig by Henri Verneuil	122

<i>E. Serebrennikova</i> (Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia); <i>V. Zyubanov</i> (Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia); <i>A. Kurjanovich</i> (Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia; Jilin University of Foreign Studies, Changchun, China)	
The role of the visual semiotic code in modeling the conceptosphere of the educational text.....	142
<i>I. Chernyaeva</i> (Altai State University, Barnaul, Russia); <i>G. Bulgaeva</i> (Altai State University, Barnaul, Russia); <i>N. Aikhler</i> (Altai State University, Barnaul, Russia); <i>A. Neborskaya</i> (Altai State University, Barnaul, Russia)	
From technological features to the understanding of artistic intention (on the example of works by I. R. Tsesyulevich)	173
<i>E Poleva</i> (Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia); <i>N. Semenova</i> (Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia); <i>Zh. Enkhtuya</i> (Russian Language Center, Secondary School No. 84, Ulaanbaatar, Mongolia)	
Visual markers of cultural identity in the perceptions of educational advisors to principals of contemporary Russian schools	196
Authors	214

СТАТЬИ / ARTICLES

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ И СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ: АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛИНГВИСТИКА И ТЕОРИЯ ТЕРМИНОВ

И. Б. Ардашкин

Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
ibardashkin@mail.ru

В. А. Суровцев

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия,
Национальный исследовательский
Томский государственный университет, Томск, Россия
surovtsev1964@mail.ru

Анализируется проблема визуализации социально значимых языковых выражений в различных традициях философского и социально-гуманистического знания (аналитическая философия, социолингвистика, терминология). Цель исследования заключается в изучении разных способов визуализации социального значения языковых выражений в рамках названных направлений и выявлении их особенностей, обусловленных разной трактовкой языковых выражений и функционалом. Под проблемой визуализации социально значимых языковых выражений авторы понимают то, как социальные факторы влияют на семантику языка в зависимости от способов и функций его применения.

Методология исследования строится на основе работ представителей аналитической философии (Л. Витгенштейн, С. Крипке, Г. Бейкер, П. Хакер и др.), социолингвистики (У. Лабов, Д. Хаймс, П. Эккерт и др.), терминологии (О. Бюстер, Р. Теммерман и др.) и их компаративистском анализе.

Сравнение подходов продемонстрировало, что аналитическая философия, социолингвистика и терминология по-разному понимают концепт языкового выражения. Для аналитической философии язык представляет собой формальную семиотическую систему (в первую очередь письменность), суть которой – установить значение лингвистических знаков (сформировать модель по установлению значения). Для социолингвистов это прежде всего устная коммуникация во всем многообразии социальных практик её реализации. Для терминологов – система таких лингвистических элементов, как термины, которые предназначены для облегчения коммуникации как между специалистами, так и между потребителями научно-технологической и другой продукции.

В силу вышесказанного можно констатировать, что в рамках аналитической философии социальные факторы, влияющие на значение языкового выражения, учитываются в рамках данного процесса (проблема следования правилу Л. Витгенштейна, скептическая трактовка следования правилам С. Кripке и т.д.), но в вопросе визуализации значения доминирует когнитивный приоритет, проявляемый в поисках устойчивых механизмов установления семантики лингвистических систем.

В рамках социолингвистики проблема визуализации социального значения языка является одной из приоритетных, поскольку последний рассматривается как непосредственная коммуникация, его семантические аспекты и социальное происхождение проясняются непосредственно в момент коммуникации. Получается, что главным фактором, влияющим на социальное значение языка, становятся способы коммуникации, их динамика, гибкость и разнообразие. В вопросе визуализации социального значения доминирует коммуникативный аспект, а не когнитивный (то есть то, как, а не что передаётся языком).

Наконец, в сфере терминологии социальное значение языкового выражения визуализируется в контексте реализации лингвистическими элементами когнитивно-коммуникативной функции. Это значит, что основной целью коммуникативного использования терминологии выступает её когнитивное содержание. Ярким примером такой функции является краудсорсинг в терминологической деятельности, когда коммуникативный формат открытого доступа к формированию, хранению и применению терминологии влияет на качество её когнитивного наполнения.

Таким образом, можно сделать вывод, что разработка универсальной модели установления социально значимых языковых выражений и способов их визуализации маловероятна, ввиду разнообразия отражения социальной реальности посредством языка.

Ключевые слова: социальное значение, аналитическая философия, проблема следования правилу, социолингвистика, терминология, когнитивно-коммуникативная функция

**VISUALISING AND SOCIAL MEANING IN LANGUAGES:
ANALYTIC PHILOSOPHY, SOCIOLINGUISTICS,
AND THE THEORY OF TERMINOLOGY**

Igor B. Ardashkin

National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

ibardashkin@mail.ru

Valery A. Surovtsev

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

surovtsev1964@mail.ru

The article examines the problem of visualising the social significance of linguistic expression in various traditions of philosophical and socio-humanitarian knowledge that have developed from the beginning of the 20th century to the present day. By the problem of visualising the social significance of linguistic expression, the authors mean how representatives of different approaches (using the example of analytic philosophy, sociolinguistics, and terminology) consider the influence of social factors on language. These areas are used not by chance, due to the differences that arise in the process of studying the problem of social significance by their representatives. It should be noted that these traditions are formed simultaneously and influence each other. In the field of analytic philosophy, the visualisation of the problem of the social significance of linguistic expression is considered by its representatives (e.g., G. Frege, L. Wittgenstein, S. Kripke, G. Baker, P. Hacker) as a particular aspect of the problem of the meaning of linguistic expression. More precisely, within this field, the focus is more on the influence of social factors on the process of signifying and interpreting linguistic expression. It is noted that the actualisation of social factors within the problem of the meaning of linguistic expression is connected with Wittgenstein's approach to this problem through the aspect of determining linguistic meaning in the process of its use (communication), from which the problem of following the rule emerges. The discussion that arose in analytic philosophy regarding this interpretation demonstrated that the diversity of social circumstances does not allow for the use of universal and stable tools for signifying and interpreting linguistic expression. Nevertheless, representatives of analytic philosophy are more interested in the cognitive aspect of the problem of linguistic meaning, which is greatly influenced by the communicative factor, manifested in the uncertainty of the rules that participants in interaction may adhere to. In the field of sociolinguistics, the problem of visualising the social meaning of linguistic expression is posed and studied as a separate important problem (e.g., W. Labov, D. Hymes, P. Eckert). Nevertheless, the need to understand it in relation to the problem of general meaning is emphasised. The authors note that the specificity of visualising the problem of social meaning is conditioned by the study of direct communication and human participation in it in the fullness of their social circumstances. Hence,

the emphasis is on language not as a formed semiotic system with established rules (writing) following the example of analytic philosophy, but on oral (verbal) communication. This shift leads to the actualisation of the communicative function of language and to the understanding that the problem of social significance is linked to the individual and social characteristics of the speaker, which is why the latter is variable, spontaneous and difficult to control. In such a visualisation, the possibility of identifying the cognitive function of language and determining the stability of manifestations of a person's social status and their presentation in the communicator's speech virtually disappears. In the field of terminology, the problem of social significance is considered through the simultaneous coupling of the cognitive and communicative functions of language. But the peculiarity of this field is that the main essence of the communicative function of terminology is to translate the cognitive content of knowledge represented by the latter (cognitive-communicative function). As the experience of terminology theories (e.g., O. Wüster, M. Cabré, R. Temmerman) shows, such a combination is difficult to implement, since when demonstrating the cognitive function, the communicative component is lost, and when actualising the communicative function, the uncertainty of the cognitive side of the meaning of terminology increases. Thus, the problem of visualising social meaning depends on the methods used to achieve it and is conditioned by the great variability of the social conditions in which linguistic expressions are used, which complicates the search for a universal approach to it.

Keywords: social significance, analytic philosophy, rule-following problem, sociolinguistics, terminology, cognitive-communicative function

DOI 10.23951/2312-7899-2025-4-9-43

Введение

Вопросы, касающиеся языкового значения, – это частный случай философской проблемы взаимоотношения языка и реальности. С древности, однако, они получили не только философский смысл. Они приобрели, кроме того, лингвистическое, логическое, семантическое, социолингвистическое и разное другое понимание. При этом проблемы значения, связанные с языком как с некоторой абстракцией, в последнее время приобретают явно выраженный социальный акцент. Это связано не только с тем, что язык, собственно, и конституирует всякое социальное взаимодействие, – оно обусловлено динамическим характером самого языка, сфера которого, если касаться семантики, определяет широчайший спектр предметных областей, затрагивающих вопросы визуализации значения языкового выражения и его социального наполнения.

Обратим внимание на то, что сама проблема значения языковых выражений стала характеризоваться неоднозначностью подходов, и социальная обусловленность такого значения здесь немаловажна. Проблемы, связанные с социальной обусловленностью, теперь не просто играют ведущую роль, они превалируют! И главное даже не в этом. Социальная обусловленность выходит на арену. И язык повседневного общения уже занимает лидирующие позиции в отличие от языка, понимаемого как некоторая формальная система, обусловленная алфавитом, грамматикой, правилами построения и т.п.

Обращение к теориям аналитической философии, рассматривающим проблему значения языкового выражения, важно для того, чтобы обозначить истоки семантической проблематики и уточнить, в чем специфика подхода представителей данного направления, как формируется социальный аспект в лингвистической семантике и чем это обусловлено (на примере аналитической философии Г. Фреге, Л. Витгенштейна, С. Крипке и др.).

Социолингвистический аспект (Д. Хаймс, У. Лабов, П. Эккерт и др.) рассматриваемой тематики существенно отличается от предыдущего подхода и интересен тем, что представляет собой междисциплинарный способ осмыслиения взаимодействия социума и языка, где именно социальные факторы выделяются в качестве отдельных самостоятельных семиотических средств.

Терминологический ракурс (терминологические теории О. Бюстера, М. Кабре, Р. Тиммермана, П. Фабера и др.) отличается тем, что совмещает (или стремится совместить) специфику обозначенных выше подходов; здесь терминология выступает феноменом, в котором философские, лингвистические и социальные составляющие аспектов значения (семантики) сочетаются воедино, но при этом далеко не всегда когнитивные, логические, лингвистические факторы играют определяющую роль в вопросах означивания профессиональных и повседневных языковых выражений по отношению к социальным факторам (как это чаще всего имеет место в соответствующих теориях аналитической философии).

Интерес к такому способу изучения социального значения языкового выражения обусловлен также тем, что каждый из представленных подходов, во-первых, не представляет определённой концептуальной монолитности по рассматриваемому вопросу, во-вторых, иначе понимает феномен языка и реальности (чьим частным проявлением является проблема значения в языке). В связи с этим предпринятая попытка соотношения указанных подходов в рамках рассматриваемых предметных областей является определённым

новшеством, фактически не исследованным в должной мере в литературе.

Можно констатировать, что актуализация социального значения в языке постоянно растёт, но исследования больше свидетельствуют о том, что чем глубже изучается данная тема, тем сложнее понять роль социальных факторов при кажущейся очевидности их роли. Таким образом, цель данной статьи – осмысление того, как сегодня интерпретируется социальное значение, как оно формируется и какие проблемы с его изучением возникают у исследователей. Сложность и неоднозначность способов формирования и применения социального значения не должны препятствовать необходимости исследования данного вопроса, скорее, наоборот, они только мотивируют исследователей к изучению данной темы.

Важно также подчеркнуть, что для социального значения аспект его визуализации играет существенную роль, поскольку от качества этой визуализации зависит взаимодействие людей, групп, сообществ, культур. Визуализация значения в принципе важна в качестве способа самопознания человека, его понимания себя и мира, но для социального значения этот способ мировосприятия ещё существенней, поскольку он касается не просто одного человека, а целых групп, сообществ, для которых без установления значения применяемых языковых выражений может быть непонятным многое. Соответственно, повышается степень неопределенности социальной деятельности, поскольку осуществляется неполноценная коммуникация.

Для достижения поставленной цели в статье рассматриваются генезис проблемы значения и социального значения языковых выражений, подходы к ее решению в сферах аналитической философии, социолингвистики и теории терминологии. Поскольку число подходов и авторов, их представляющих, в указанных предметных областях достаточно велико, а формат статьи не позволяет охватить всех их полностью, то ограничимся анализом некоторых из тех позиций, подходы которых, как представляется, выражают основные тенденции при ответах на поставленные вопросы.

Социальное значение и его визуализация: к постановке проблемы

Как уже указывалось выше, проблема значения языкового выражения (лингвистической семантики) является частным проявлением проблемы взаимоотношения языка и реальности. От того, как

понимается реальность, зависит характер средств её выражения. И наоборот, в зависимости от используемых средств для конструирования представлений о реальности формируются определённые черты её образа.

В этом плане важнейшие изменения в вопросах лингвистической семантики произошли в конце XIX в. и первой половине XX в., когда относительно одновременно логическая семантика (Г. Фреге), семиотика (Ч. Пирс), лингвистика (Ф. Соссюр), аналитическая философия (Б. Рассел, Л. Витгенштейн) стали уделять особое внимание этой проблеме как одной из ключевых для науки и философии.

Изначально проблема значения языкового выражения больше рассматривалась как универсальная, поскольку реальность воспринималась как нечто устойчивое и стабильное. Это хорошо прослеживается на примере платонизированной семантики Г. Фреге, задача которой заключалась в обосновании объективности значения языкового выражения [Суровцев 2022, 136]. Введение дополнительной семантической единицы «смысл» (Sinn) предполагало, что значение можно по-разному выразить в отношениях между знаками и объектами. Последнее допускало определённую вариативность в способах обозначения интересующего предмета.

Аналогичный пример можно привести в отношении лингвистики и семиотики Ф. Соссюра, сформировавшего концепцию языка как социального факта, имеющего общественный, коллективный, внешний характер по отношению к его любому пользователю, который последний не в силах изменить [Saussure 1995, 23]. «Важнейшую роль в том, чтобы связать языковое с социальным, сыграл Фердинанд де Соссюр, предложивший концепцию языка как “социального факта” и “социального института” – как того, что существует в полной мере только как “сокровище”, принадлежащее обществу. Ему же принадлежит и идея семиологии – общей науки, изучающей “жизнь знаков в рамках жизни общества”» [Фомин, Ильин 2019, 125].

Это не единственные примеры актуализации социальных (или потенциально социальных) аспектов в отношении проблемы значения языковых выражений. Здесь необязательно приводить максимально возможное количество примеров такого рода результатов исследований, важно подчеркнуть, что язык (языковые выражения) в качестве предмета изучения логиков, философов, лингвистов рассматривался в качестве знаковой системы, где семиотические инструменты выступали в качестве ключевых механизмов его анализа (у Г. Фреге: знак–смысл–значение; у Ф. Соссюра: означающее–означаемое).

Очевидным становится понимание того, что язык является не только средством описания действительности, но и способом формирования представлений о ней, а также средством коммуникации между использующими семиотические системы. Следовательно, язык (языки) выражает собой одно из важных средств управления представлениями людей о себе и мире. Условно говоря, с помощью языковых средств мы способны понять не только то, как человек познает этот мир, руководствуясь критериями истинности знания о нем, но и то, как он способен транслировать это знание другим людям, а последние – его воспринимать.

Подобный поворот приводит к усилению социального акцента в исследованиях языка и, соответственно, осознанию важности анализа значений языковых выражений относительно социального контекста их применения (социального значения). Подобная трансформация ведёт к появлению новых наук, связанных с актуализацией социального контекста функционирования языка, – социолингвистики, социосемиотики, социосемантики, прагмосемантики и т.д. В свою очередь, это приводит к появлению проблемы социального значения языкового выражения и поиску подходов и средств её решения.

Особенности новых наук и проблемы социального значения обусловлены тем, что для них язык (языки) выступает не просто в качестве формальной семиотической системы (как это принято в логике и лингвистике), но и в качестве «живой» семиотической системы, где исследуются не только письменно зафиксированные лингвистические единицы, а также речевые акты участников коммуникации с учётом их индивидуальных, социальных и культурных особенностей. В связи с этим проблема социального значения обретает широкое предметное пространство, в котором имеется большое число факторов, учёт и определение которых существенно затруднено. Как было уточнено, «теория социального значения необыкновенно обширна и, будучи предметом заботы многих наук, включает в себя анализ механизмов означивания и смысловой интерпретации различных культур, сообществ, личных историй, социальных институтов и отношений. Культурные ценности и нормы, власть и статус, стереотипы и конфликты – все это принадлежит сфере социальных значений» [Найман 2021, 87].

В связи с необъятностью проблемы социального значения сконцентрируемся только на трёх выбранных предметных областях (аналитическая философия, социолингвистика, терминология), чтобы выявить разные аспекты его визуализации и продемонстри-

ровать различия этих подходов. Но прежде чем обратиться к указанным подходам, заметим, что проблема социального значения важна для них в трёх ракурсах: когнитивном (как устанавливается значение языкового выражения и насколько оно стабильно – истинно), коммуникативном (как значение транслируется в процессе общения и что на это влияет) и когнитивно-коммуникативном (как сочетаются стабильность значения языкового выражения и коммуникативный процесс в рамках социального контекста его осуществления).

Аналитическая философия и проблема социального значения

Говорить о проблеме социального значения в отношении аналитической философии не совсем корректно, поскольку в таком ракурсе, что было отмечено нами в предыдущем разделе в процессе рассуждения о социальном значении, вопрос представителями аналитической философии не ставился. Но все же определённый имплицитный социальный подтекст в исследованиях различных аналитических философов имеется.

Для аналитических философов язык интересен прежде всего как сформированная формальная семиотическая система, где в первую очередь актуализируется вопрос о точности (подлинности) и стабильности описания этой системой существующей реальности с помощью соответствующих инструментов, имеющих преимущественно логический характер. Подходы Г. Фреге (семантический платонизм), Б. Рассела (логический атомизм), раннего Л. Витгенштейна (семантический референциализм) очень хорошо демонстрируют этот тезис. При определённых семантических отличиях эти подходы говорят о том, что ключевым моментом в языковом выражении является соответствие последнего определённым фактам реального мира, которые обладают стабильностью, надёжностью и законченностью.

Другое дело, когда появляется подход позднего Л. Витгенштейна в отношении проблемы значения языкового выражения: значение как употребление. Если коротко обозначить причины пересмотра Л. Витгенштейном своих первоначальных взглядов на вопрос о природе языка и значения, то он во многом связан с тем, что значение слова (языкового выражения) определяется не идеальным языком, а способами его применения. Интерес к языку как чему-то «живому», динамичному, неидеальному обусловлен сменой представлений о реальности (тем более социальной реальности), в которой

сложно обозначить что-то предустановленное, обнаружить какую-то сущность. Все это сильно отличается от понимания значения как платоновской идеи или ментальной сущности. Неслучайно в истории аналитической философии середины XX в. мы наблюдаем интерес к естественному языку как среде (теории речевых актов П. Грайса [Grice 1975], Д. Остина [Остин 1999]; оценчивая неопределенность языка У. Куайна [Куайн 2000] и т.д.), где непосредственно используется последний, а также к вопросам, связанным с целями и условиями его применения. В каком-то смысле в аналитической философии реализуется различие, которое в «Курсе общей лингвистики» проводил Ф. Соссюр, между «языком» как идеальной закрытой системой и «речью» – открытой, динамичной системой.

Собственно, интерес к позднему Л. Витгенштейну вызван тем, что именно с этого момента возникает определённый социальный аспект в вопросе значения языкового выражения в рамках аналитической философии, который породил серьёзную дискуссию в аналитической философии в отношении того, является ли данный аспект определяющим для проблемы значения языкового выражения или нет. Как уже было сказано, Л. Витгенштейн обращает свой исследовательский интерес к естественному языку и в своей работе «Философские исследования» демонстрирует, что при таком его рассмотрении значение определяется в зависимости от того, как этот язык употребляется (значение как употребление). Поскольку использование языка носит для человека свободный характер, то данный процесс он характеризует как «языковые игры», которые представляют собой один из типов деятельности человека. Как уточняет сам Л. Витгенштейн, «... сколько существует типов предложения? Скажем, утверждение, вопрос и приказ? – Нет, их бесчисленное множество: налицо бесконечное разнообразие способов употребления того, что мы называем "символами", "словами", "предложениями". И эта множественность не является чем-то устойчивым, заданным раз и навсегда; новые типы языка, новые языковые игры, как мы можем сказать, возникают постоянно, а другие устаревают и забываются... Здесь термин "языковая игра" призван выразить то обстоятельство, что говорить на языке означает действовать, то есть форму жизни» [Витгенштейн 2019, 32].

Ключевым в процессе языковых игр и механизме означивания становится аспект правила применения языка (то, что Л. Витгенштейн называет «следованием правилу»). Иными словами, значение языкового выражения становится понятным участникам коммуникации, если они используют одно и то же правило. И, наобо-

рот, они перестают понимать друг друга, если используют разные правила при употреблении языка. Но вот что такое правило и как ему следовать, Л. Витгенштейн в полной мере не уточняет. Он говорит о том, что здесь человек находится в ситуации неопределенности, потому что не знает способов установления того, следует ли он правилу или же нет: «Полагать же, что следуешь правилу, не значит следовать правилу. Выходит, правилу нельзя следовать лишь “приватно”; иначе думать, что следуешь правилу, и следовать правилу было бы одним и тем же. Язык – это лабиринт путей. Ты подходишь с одной стороны и знаешь, где выход; подойдя же к тому самому месту с другой стороны, ты уже не знаешь выхода. Так, при определенных обстоятельствах можно изобрести игру, в которую никто никогда не играл. А возможно ли такое: изобрести игру, в которую никто никогда не играл, при том, что человечество никогда не играло ни в какие игры?» [Витгенштейн 2019, 143].

Иными словами, не определяя в «Философских исследований» понятия правила и понимания того, следуешь ли ты ему, Л. Витгенштейн создает интересную интеллектуальную проблемную ситуацию в отношении проблемы значения языкового выражения, где появляется социальный формат, но который далеко не всеми аналитическими философами так воспринимается.

Наибольший отзыв вызывает скептическая трактовка проблемы следования правилу С. Крипке, после чего возникает и продолжается до настоящего времени дискуссия о том, зависит ли следование правилу от социального контекста или нет. При этом собственно социальный контекст представителей аналитической философии не интересует. Как, допустим, самого С. Крипке не интересует социальный контекст коммуникации, хотя он допускает наличие сообщества, чьи практики использования языковых выражений подкрепляют способы их употребления (следование точке зрения сообщества). Такая точка зрения сильно отличается от поиска каких-то внешних оснований в мире (реальности) по типу «мира идей» Платона, поскольку свидетельствует о непостоянстве и изменчивости семантики естественного языка. Но у С. Крипке следование правилу как следование точке зрения сообщества определяется не сообществом, а индивидуально и ментально самим субъектом, что позволяет последнему считать, что в его языке и поведении присутствует некое правило [Крипке 2010, 62].

Следует заметить, что индивидуальная трактовка применения языка С. Крипке допускает наличие индивидуального языка, что, кстати, также привело к обострению дискуссии в аналитической

философии по данной проблеме в ракурсе возможности / невозможности последнего [Суровцев, Ладов 2008, 38].

Неслучайно такая «скептическая трактовка» вызывает среди ряда аналитических философов несогласие. В ней видится угроза возможности реализации когнитивной функции языка как способа установления стабильного и подлинного значения того или иного языкового выражения даже с учётом социального контекста. В частности, Г. Бейкер, П. Хакер категорически выступают против такой трактовки вопроса о следовании правилу. Они полагают, что следование правилу обусловлено самим сообществом в виде консенсуса, который не может иметь индивидуального происхождения. В основе следования правилу лежат сложившееся общественное согласие и практики его реализации [Бейкер, Хакер 2008, 83].

В то же время английские философы в чем-то близки позиции С. Крипке в том смысле, что общественное согласие и практики его реализации важны для вопроса установления значения языка, но это согласие как основание для следования правилу функционирует автономно, социальный контекст на него влияет опосредованно, через повторение употреблений языковых практик (субъективная регулярность).

Это говорит о том, что, признавая влияние сообщества как социального фактора на установление лингвистического значения, они полагают его (консенсуса) функционирование в качестве элемента, обладающего автономной и стабильной природой, не обусловленного социальным разнообразием (все субъекты повторяют языковые практики). Как уточняют трактовку Г. Бейкера, П. Хакера отечественные исследователи, «возможность стабилизации языкового значения не требует внешнего критерия в виде санкционированного сообществом правила употребления выражения. Действительно, 'правило живёт практикой его применения', но обязательно ли эта практика является социальной? Робинзон, потерявший всякую связь с другими людьми, не должен испытывать проблем с использованием своего индивидуального языка. Причина этого состоит в том, что следование правилу и, соответственно, фиксация значений употребляемых выражений вообще не зависят от коммуникативных стандартов сообщества. В основе стабильного следования правилу лежит не общественное согласие, а субъективная регулярность, повторяемость употребления выражений на практике и их связанность с определёнными действиями (при условии, что следующий правилу может объяснить и оправдать его применение, что свидетельствует о понимании, а не о простом механиче-

ском воспроизведстве), то есть всё то, что формирует и закрепляет привычку употребления. Действие, связанное с употреблением выражений, всегда индивидуально, даже если оно включено в совместную деятельность сообщества. Следование правилу есть деятельность, *Praxis*. Неверной интерпретацией было бы принять, что здесь 'Praxis' обозначает социальную практику» [Суровцев, Ладов 2008, 71–72].

Если редуцировать данную дискуссию к более очевидным трактовкам, то суть спора между С. Крипке и Г. Бейкером, П. Хакером состоит в том, кто или что играет существенную роль в использовании языка и трансляции значения. В одном случае человек может индивидуально устанавливать значение, полагая, что он выражает точку зрения сообщества, им воображаемого; в другом случае человек этого делать не может, поскольку выступает «заложником» языковых практик, которым он вынужден следовать в процессе коммуникации.

Но ведь можно рассматривать ситуацию и иначе, полагая, что социальные практики и фактор социальности достаточно многообразны и разнородны, их нельзя свести к воле только лишь человека или сообщества. Поэтому природа социальности не столько проясняет вопрос следования правилу в процессе применения языка, сколько приводит к разнообразию. Ведь следовать правилу можно как угодно (и по своему усмотрению, и по практике сообщества, и по своему усмотрению и практике сообщества одновременно). Как уточняет один из соавторов статьи в одной из предыдущих работ, «положительный ответ приводит к тому, что социальная теория может основываться на разных интерпретациях решения проблемы следования правилу. Мы склоняемся к положительному ответу. Но положительный ответ отнюдь не означает, что основанием социальной теории должна выступать только одна избранная интерпретация. Дело в том, что социальные практики имеют очень разный характер, и вряд ли возможен единый подход с точки зрения единых методологических оснований единой социальной теории, который был бы применим ко всем ним» [Суровцев 2020, 53].

Похожие ситуации в интерпретации проблемы следования правилу можно увидеть в разных направлениях аналитической философии. Взять, например, аналитическую философию права, где также присутствуют позиции исследователей, разделившихся в отношении юридического языка на основании разных трактовок следования правилу по аналогии с оппозицией С. Крипке – Г. Бейкер, П. Хакер, которых исследователи трактуют по противостоянию

«реалисты–антиреалисты». «Реалисты» – те исследователи, которые полагают, что существует связь юридической интерпретации с языком юридической практики (например, Дж. Бойл, М. Ташнет). Поэтому если обыденный язык обладает неопределенностью, то это приводит и к неопределенности в области права. «Антиреалисты» отрицают такую связь. В частности, Г. Харт полагает, что в процессе следования правилу юристу часто приходится самому находить варианты интерпретации, то есть фактически это правило интерпретировать и применять [Hart 1994].

Иными словами, в сфере права также проявляется большое количество вариантов социальных практик, которые сложно подвести под какой-то единый знаменатель, найти общую интерпретацию права и правил его применения. Как уточняет А.Б. Дицикин, «поскольку правовые нормы содержатся в разных источниках права, их расположение может быть определяющим при толковании и интерпретации таких норм. Так, например, нормы международных договоров имеют юридическую силу лишь после прохождения процедур ратификации таких договоров национальным парламентом, а значит, подлежат предварительному судебному толкованию и интерпретации на предмет соответствия конституции. В то же время предписания судебных прецедентов интерпретируются только в процессе их применения» [Дицикин 2015, 87]. И здесь также наблюдается многообразие социальных ситуаций, не позволяющих сделать следование правилу единообразным либо как-то классифицировать последнее.

Несмотря на то, что социальные практики могут быть разными для понимания того, как надо следовать правилу применения языка, все же их социальный контекст содержательно мало чем интересует аналитических философов, стоящих на разных позициях. Как отмечает В. А. Суровцев, «эта проблема в большей степени касается вопросов эпистемологии, а не проблем социальной теории» [Суровцев 2020, 52]. Влияние социального контекста на рассматриваемую проблему признается, но чаще исследователей интересует в этом контексте поиск стабильности / нестабильности значения, его подлинности / не подлинности.

Таким образом, проблема значения языкового выражения как социального значения в аналитической философии не ставится, но при этом фактор социального влияния на определение лингвистического значения признается многими представителями данной предметной области в качестве когнитивного феномена. Иное дело, что признание подобного влияния обусловлено и реализуется не

столько путём анализа содержания социального контекста использования языка, сколько путём построения моделей такой связи социального контекста и языка, опуская контент данного социального контекста.

Проблема социального значения и его визуализации в социолингвистике

По-другому ставится вопрос в области социолингвистики, где проблема социального значения является центральной и активно исследуемой. Однако рассматривается данная проблема совсем в другом ключе – коммуникативном, где важнейшую роль играют социальные, политические, культурные и другие факторы, а исследователей больше интересует не то, насколько точно языковые средства описывают реальность, а как и с помощью каких средств реализуется выражение социальных аспектов последних, а также личный и общественный статус коммуникантов.

В каком-то смысле социолингвистика изучает не столько язык как систему знаков (*la langue*, по Ф. Соссюру), сколько способы его применения, коммуникативную речевую практику человека (*речь, la parole*). Отсюда смена приоритетов (когнитивного на коммуникативный), смена методологии, способов визуализации в процессе установления значения, которое и может быть выражено только как социальное значение, а не иначе.

Но эта смена, как авторы пытались продемонстрировать ранее, оказалась обусловленной философскими интенциями (аналитической философией), которые было бы неправильно противопоставлять социолингвистическим.

К тому же сами социолингвисты полагают, что теория социального значения должна быть вписана в общую теорию значения, без чего она не сможет состояться как методологическое средство изучения коммуникативных характеристик использования языка. В частности, социолингвист М.-Б. М. Хансен отмечает, что социолингвистике следует сделать шаг назад и рассмотреть, как семантические, прагматические и социальные значения взаимодействуют друг с другом. Данный шаг предполагает включение теории социального значения в более общую теорию значения в коммуникации. Для достижения такой интеграции, которая действительно весьма желательна, общая теория значения должна включать (под) теорию, которая специально стремится объяснить интерпретации, полученные слушателями, независимо от того, были ли эти интер-

претации намеренными со стороны говорящих [Hansen 2025, 83]. Другой вопрос, что такой (под)теории ещё не создано, а теория общего значения представляется уделом аналитической философии и лингвистической семантики.

Обращение к речи и устным языковым формам изначально лишает язык определённой устойчивости и абстрактности, поскольку говорящий всегда актуален, индивидуален, находится в конкретной ситуации повседневности, что, с одной стороны, облегчает задачу использования им лингвистических средств, так как ему необходимо выразить нечто, непосредственно относящееся к данному случаю, а с другой стороны, осложняет, поскольку он свободен в своих проявлениях речевого поведения. Речевым практикам поэтому присущи динамизм, неповторяемость и вариативность, что, кстати, отразилось в названии одного из направлений социолингвистики (вариационная социолингвистика – У. Лабов).

Непосредственность осуществления устной коммуникации обусловила появление ещё одного социолингвистического направления и соответствующей методологии – этнографии коммуникации (этнография речи – Д. Хаймс), где акцент делался на использование этнотеории, которую чуть ранее разработал Г. Гарфинкель для исследований социальной реальности.

Также активно использовались социологические методы, которые привели к становлению социологии языка как ещё одного направления социолингвистики (Дж. Фишман). Но проблема социального значения больше рассматривалась в рамках вариационной социолингвистики и этнографии коммуникации, поскольку, во-первых, здесь она получила социолингвистическое определение и наполнение, во-вторых, здесь наиболее активно формировалась и плодотворно эволюционировала традиция исследовательских подходов к ней.

Учитывая, что разнообразие направлений и походов в социолингвистике не уступает соответствующим параметрам в аналитической философии, было бы странным браться за их полное освещение в рамках статьи. Поэтому авторам представляется важным сосредоточиться на наиболее значимых аспектах и тенденциях по теме социального значения, не углубляясь в детали. К таким значимым аспектам и тенденциям следует отнести вопросы дефиниции понятия «социальное значение», концептуализации предметной и методологической составляющих этапов рассмотрения данной проблемы, обозначение основных способов реализации социального значения в коммуникативной практике. При этом заметим,

что все указанные аспекты взаимообусловлены, что предполагает соответствующее рассмотрение последних.

Концепт «социальное значение» (social meaning) именно как понятие не вызывает существенных споров у социолингвистов, поскольку последние вкладывают в него примерно одно и то же содержание, которое связано с изучением того, как с помощью языковых средств обозначается социальная реальность.

В частности, Р. Подесва, американский социолингвист, полагает, что социальное значение в узком смысле заключается в предположениях, которые слушатели делают о социальных характеристиках говорящих на основе манеры речи этих говорящих, включая, в частности, акцент, качество голоса или реализацию социолингвистических переменных, таких, например, как вариация между [is] и [in], встречающаяся в английских окончаниях причастия настоящего времени (например, talking vs talkin') [Podesva 2011, 244].

Другой американский социолингвист Э. Актон под социальным значением понимает совокупность выводов, которые можно сделать на основе того, как язык используется в конкретном взаимодействии. Эта совокупность выводов может быть связана с pragматической функцией самого высказывания [Acton 2021, 107]. Похожие definizioni мы можем встретить и у других социолингвистов [Beltrama, Casasanto 2021, 84].

В отношении социального значения проблема состоит не в том, что вкладывают в содержание этого понятия исследователи, а в том, какими средствами формируется это социальное значение. Интересно, что в социолингвистических подходах также можно встретить тенденцию, которая имела место в отношении проблемы значения языкового выражения в рамках аналитической философии только применительно к проблеме социального значения. Эта тенденция связана с попыткой выявить стабильность связи между самим языковым выражением и его значением, только в социолингвистике она заключалась в попытках обнаружить стабильные связи между различными аспектами социальности и языковыми средствами их выражения. Нельзя сказать, что данная попытка успешно была реализована, скорее, наоборот, но важно отметить сходство в исследовательских интенциях представителей рассматриваемых предметных областей.

В отношении способов выражения языковыми средствами характеристик социальной реальности существует много исследований, имеющих разные методологические основания, поэтому авторы предлагают, ориентируясь на некоторый аналог по типу

парадигмы Т. Куна, использовать один из самых признаваемых и поддерживаемых среди социолингвистов подход в отношении проблемы социального значения. Это подход американской социолингвистки П. Эккерт, представительницы вариационного направления социолингвистики, о трёх волнах исследований социального значения, где «волна» выступает своеобразным аналогом понятия «парадигма».

П. Эккерт демонстрирует, что исследование социального значения в социолингвистической вариации прошло три волны (парадигмы) аналитической практики. Первая волна (парадигма) исследований вариации установила общие корреляции между лингвистическими переменными и макросоциологическими категориями социально-экономического класса, пола, этнической принадлежности и возраста. Исследователи (У. Лабов, П. Траджил и др.) пытались установить устойчивую взаимосвязь между данными социальными характеристиками и вариациями языковых выражений, их отражающих.

Вторая волна (Дж. Милрой, Дж. Холмквист и др.) использовала этнографические методы для изучения локальных категорий и конфигураций, которые составляют эти более широкие категории (их дифференциальные составляющие, например такие, как диалекты, урбанолекты, социолекты и т.д.). Эти исследования выявили, что данные связи имеют место в процессе коммуникации, но они также показали, что в повседневном общении такими зависимостями нельзя ограничиться, поскольку большую роль играют в их реализации индивидуальные особенности участников взаимодействия.

На обоих этапах вариация рассматривалась как обозначение социальных категорий (качеств) коммуникантов в качестве стабильных характеристик (о чём мы говорили чуть выше).

Третья волна (парадигма) проявилась в исследованиях начала XXI в. и реализуется до сих пор. Её суть в том, что языковая вариативность рассматривается как прочная социальная семиотическая система, в которой потенциально заключён весь спектр социальных проблем в рассматриваемом сообществе. Социальные значения переменных являются недоопределёнными и приобретают более конкретные значения в контексте стилей, а вариативность не столько отражает, сколько конструирует социальное значение, следовательно, является движущей силой социальных изменений [Eckert 2012, 89].

Как видно из лаконичных характеристик исследовательских парадигм социального значения, в них присутствует два основных

направления социолингвистики из трёх устоявшихся, что позволяет авторам считать рассматриваемый подход репрезентативным. Здесь также просматривается тенденция «индивидуализации» лингвистического значения как фактора социальной неопределённости.

Важно обратить внимание на то, что в отношении механизмов выражения социального значения социолингвисты активно используют семиотическую модель Ч. Пирса, а не Ф. Соссюра. Во многом это обусловлено динамикой устных способов коммуникации в аспекте проявления социальных характеристик её участников. Модель Ф. Соссюра (означающее–означаемое) лучше подходит для обозначения стабильных форм отношений языка и реальности, где проблема значения сфокусирована на языке и устоявшихся вариантах его использования. Тогда как у Ч. Пирса троичная модель знака (знак, объект, интерпретатор) добавляет вариативности и гибкости в способы выражения значения посредством роста возможностей интерпретации и разнообразия применения знаковых единиц. Это позволяет использовать как языковые, так и другие инструменты для репрезентации.

Как отмечают социолингвисты третьей волны Л. Холл-Лью, Э. Мур, Р. Подесва в отношении системы Ч. Пирса, социальное значение (значения), к которому приходят слушатели, пусть даже и неопределённо, может быть определено только в момент использования, в зависимости от конкретных идеологий, актуальных в контексте. То есть, хотя все лингвистические формы потенциально могут обозначать социальное значение, форма делает это только тогда, когда наша система идей и убеждений создаёт связь между формой и типом социального значения (таким как позиция, личность или социальный тип). Это и есть процесс индексальности, как он формулируется в лингвистической антропологии [Hall-Lew, Moore, Podesva 2021, 3]¹.

Исследователи «третьей волны» социолингвистики в отношении социального значения отмечают предпочтение индексальных механизмов его выражения в коммуникативных практиках. Это обусловлено тем, что индексальные отношения имеют ассоциативное

¹ Напомним, что, по Ч. Пирсу, знаки могут быть трёх типов: иконические, индексальные, символические. Первые (знаки-иконы) имеют сходство с объектом (например, фотография человека демонстрирует его образ). Вторые (знаки-индексы) являются способами обозначения признаков объекта (например, след на песке указывает на того, кто по нему прошёл). Третий (знаки-символы) указывают на объект не на основании сходства, а на основании конвенции (например, знак «+» выражает по согласию участников коммуникации операцию сложения).

проявление, которое больше свидетельствует о смысловых возможностях того, кто воспринимает речь (текст, письмо), нежели того, кто говорит. Как показывает П. Эккерт, индексы указывают, а не ссылаются, непосредственно вступая в интерактивную общую основу, чтобы обозначить интерпретацию. Центральным элементом индексальности выступает её ассоциативность. Индексальный знак вызывает ассоциации с чем-то в физическом, временном или социальном мире, и это «что-то» может вызывать ассоциации с другими вещами в мире с гибкостью, ограниченной только общей основой. Например, южный акцент указывает на то, что говорящий родом с юга, и интерпретатор может сделать вывод о качествах, стереотипно ассоциируемых с южанами, которые, как он считает, были сконструированы обществом [Eckert 2019, 755].

Иными словами, индексальные отношения – это отношения, которые позволяют любые лингвистические средства связать с выражением реальности (социальной реальности), где ключевым процессом становится процесс идентификации говорящего (пишущего, читающего) с социальным контекстом, в котором все названное происходит. И главное, что человек с помощью вариаций индексальных отношений не просто воспроизводит социальное значение гибко и разнообразно, но и одновременно конструирует его. Как уточняет американский социолингвист К. Чжан [Zhang 2021], социальное значение в рамках парадигмы третьей волны рассматривается как изменчивое. Оно создаётся по мере использования лингвистической вариативности в стилистической практике и интерпретирует социальные позиции и их оценки как возникающие, так что социолингвистическая вариативность не просто отражает и служит маркером социального, но и участвует в его становлении [Zhang 2021, 273].

Авторы не будут подробно останавливаться на демонстрации разнообразия семиотических механизмов выражения социального значения с использованием модели Ч. Пирса, поскольку в литературе (в том числе отечественной) эти вопросы подробно представлены [Найман 2021; Молодыченко, Чернявская 2022].

Мы акцентируем внимание лишь на нескольких моментах, которые подчеркнут специфику способов демонстрации социального значения в социолингвистике.

В частности, наиболее значимым фактором выражения социального значения социолингвисты третьей волны признают стиль, процессы языковой стилизации и одновременно идеологизации последней, подчёркивая приоритет «индивидуального способа» установления социального значения в процессе коммуникации.

С одной стороны, это повышает степень неопределённости социального значения, потому что идентификация, осуществлённая воспринимающей стороной в процессе общения, актуальна только в момент его возникновения, делает её спонтанной и несистемной, с другой стороны, выступает определённым основанием установки на то, что нужно быть ко всему готовым, к тому, что социальное значение, которое сформируется, может быть неожиданным в силу индивидуальных особенностей коммуникантов, стилевых нюансов последних. Идеологизация же происходит как определённый способ преодоления постоянного риска неопределённости социального значения и поиска ощущения состояния его устойчивости.

Д. Ирвайн, С. Гал выявили, как происходит процесс идеологизации социального значения посредством трансформации индексальных отношений в иконические. Они обратили внимание, что неопределённость социального значения может привести к появлению ряда различных индексальных путей. Индексальные отношения могут быть преобразованы в иконические посредством процесса иконизации, в результате которого индексальная связь становится такой, как если бы лингвистическая особенность каким-то образом изображала или отображала присущую социальной группе природу или сущность. Иконические отношения между формой и значением основаны на местной идеологии и, таким образом, могут стереть индексальные порядки, через которые развивалось социальное значение формы [Irvine, Gal 2000, 45–47].

Получается, что «индивидуализация» социального значения посредством актуализации понимания влияния стилистических особенностей коммуникантов в процессе общения делает последнее неоднозначным и максимально вариативным, но, с другой стороны, в качестве своеобразной защитной реакции человека трансформирует тип связи между языковым выражением и его значением в иконический в качестве своеобразного ориентира, что проявляется в процессе идеологизации этого социального значения (выбор хоть какого-то относительно устойчивого варианта-ориентира в поведении и коммуникации).

Как уточняют этот механизм формирования социального значения исследователи Л. Холл-Лью, Э. Мур, Р. Подесва, связь между формой (языком) и социальным значением по своей сути является неопределенной. Она возникает в стилистическом контексте, а не является заранее предопределённой. В рамках третьей волны утверждается, что соотношение формы и значения определяется тем, как оно используется во взаимодействии. Поэтому аналитиче-

ский фокус смещается в сторону неоднозначности и множественности значений: как говорящий ориентируется во всех возможных значениях, доступных в данном взаимодействии, каковы эти значения и почему. Это сопоставление одной формы с несколькими потенциальными значениями, или множественность, возможно, наиболее понятно с помощью концепции индексального поля П. Эккерт, которое представляет собой «созвездие» идеологически связанных значений, любое из которых может быть активировано в ситуативном использовании переменной [Hall-Lew, Moore, Podesva 2021, 8].

Примером такой стилизации может послужить исследование формирования нового языкового стиля в современном Китае на базе официального варианта китайского языка (мандарин, путунхуа), который исследовательница К. Чжан называет «космополитический мандарин» (КМ) и благодаря которому происходит как отражение, так и конструирование новых социальных реалий в этой стране. Главные изменения, которые привели к появлению этого инновационного языкового стиля, связаны с последними тремя десятилетиями в Китае и происходящими в связи с этим ростом качества жизни, формированием «среднего класса» и социальным расслоением китайского общества. Они привели к отходу от традиции эгалитаризма.

Возникновение космополитического мандарина явилось лингвистическим отражением социальных преобразований, поскольку последний выступил альтернативой традиционному стандартному языку, с одной стороны, и своеобразным механизмом лингвистического функционирования и дальнейшего конструирования новых социальных реалий – с другой. У каждой новой социальной общности формировался свой стиль использования традиционного мандарина, на основании которого они идентифицировали себя как новую социальную общность. К. Чжан выявила четыре социолингвистических переменных в языковом стиле китайских яппи (группа профессиональных работников на иностранных предприятиях в Китае 1990-х гг.) в качестве основания для выделения нового языкового стиля – КМ (ротация (эрхуа), смягчение ретрофлексных обстрุентных начальных звуков, межзубная реализация зубных шипящих звуков, полная реализация нейтрального тона в слабоударном слоге), которые участвовали и играли ключевую роль в формировании социальных значений [Zhang 2021, 274–275].

Формирование и функционирование космополитического мандарина сопровождалось операциями иконизации стилевых особенностей как способа его утверждения. Поскольку стили как системы различий являются, по сути, идеологическими, то отличие

стиля приобретает смысл только в противопоставлении другим стилям. Идеология же формирует понимание людьми социально значимых полюсов различий, а также формирует интерпретацию и оценку стилистических элементов и практик, создающих такие различия. Поэтому каждая социальная общность «иконизировала» свой языковой стиль в качестве своего способа установления социального значения.

При этом наличие такого стиля не является, по мнению К. Чжан, чем-то определяющим, и группа, его применяющая, может в любой момент поменять стиль как в коллективном, так и индивидуальном формате, потому что стиль – очень удобная и гибкая форма самопрезентации, в том числе в языковом формате. И это есть особенность формирования социального значения в эпоху третьей волны. Неслучайно К. Чжан в то же время констатирует, что появление космополитического мандарина является спорным процессом, сопряжённым с индексальной нестабильностью и множественностью, процессом, в котором космополитический мандарин и его составные элементы связаны с разнообразными и часто противоречивыми индексальными значениями [Zhang 2021, 269].

Таким образом, можно констатировать, что в рамках социолингвистических подходов к вопросам визуализации социального значения, где преобладает коммуникативный вектор его установления, исследователями выявлено и проанализировано большое количество средств, отражающих вариативность и сложности процессов социализации в современном обществе, а также отсутствие устойчивых связей между социальными характеристиками людей и языковыми формами их означивания. Но это не значит, что социальное значение коммуникативно не может быть установлено, а значит, что оно ситуативно, вариативно, спонтанно и может быть легко изменено на другое социальное значение в зависимости от индивидуальных обстоятельств человека. В то же время последний склонен в области социальных значений искать некоторую стабильность, достигаемую посредством смены семиотических механизмов (использование иконических приёмов), которая проявляется посредством идеологизации языковых практик.

Социальное значение и его визуализации в области терминологии

Обращение к сфере терминологии, как анонсировалось в самом начале, обусловлено тем, что в отношении темы значения и соци-

ального значения языковых выражений она выступила тем полем, в рамках которого возникла необходимость сочетать (совмещать) когнитивный и коммуникативный аспекты рассматриваемой проблемы. Собственно, формирование терминологии как отдельной автономной отрасли связано с развитием науки, техники и технологий (инженерной деятельности) в направлении использования их в качестве инструментов формирования социальности современного общества.

Изначально терминология понималась как когнитивный инструмент выражения концептуальной составляющей различных предметных областей науки и техники. И в этом случае терминология любой научной и технической дисциплины формировала совокупность семантической сферы каждой из них посредством словарей и справочников. Полагалось, что специалисты создают терминологические продукты любой научной и технической области, заключающие в себе когнитивные результаты в отношении изученности последних. Считалось, что подобный формат будет исчерпывающим, поскольку разработан профессионалами.

Активное внедрение технологий в повседневные социальные практики продемонстрировало, что такое представление о терминологии как когнитивном феномене не работает, поскольку язык инструкций внедряемой технологической продукции, сформулированный профессионалами, оказался не очень понятным рядовым потребителям. Более того, выяснилось, что формирование терминологической продукции с помощью профессионалов может вызывать существенные расхождения в трактовке значений терминов между специалистами, чаще обусловленные разными социальными контекстами их деятельности, а также тем, на каком языке и в рамках какой национальной культуры эти терминологические продукты используются. Особенно переводческий аспект значения языкового выражения актуализировался в процессе усиления процессов информатизации и глобализации.

Иными словами, выяснилось, что значение терминов меняется, если сказать предельно общим образом, в зависимости от социального контекста их применения (коммуникативная функция). По сути, возникает своеобразная «терминологическая проблема следования правилу», которая обусловлена особенностью употребления терминов, когда их когнитивная составляющая связана с коммуникативной ситуацией применения. И если в аналитической философии и социолингвистике эти форматы условно (очень условно) можно было бы развести посредством дифференциации

сфер языка как формальной семиотической системы (акцент на письменности) и как устной коммуникации (акцент на речевых актах говорящего), то в терминологии, чьё предназначение заключается в демонстрации когнитивных результатов, такое разведение видится неприемлемым, поскольку лишает последнюю реализации её основной функции.

Важно пояснить, что описываемая ситуация, с которой столкнулись инженеры в качестве терминологов, возникла ещё до того (20–30-е гг. XX в.), как Л. Витгенштейн сформулировал новый подход к интерпретации проблемы значения языкового выражения как употребления и проблему следования правилу.

В то же время такая ситуация приводит к основной проблеме терминологической деятельности – сочетанию когнитивной и коммуникативной функций в процессе её функционирования, к вопросу их сочетания без ощутимого ущерба для каждой из этих функций. Или, если переформулировать на язык настоящей публикации, как сочетаются проблемы значения (общего значения) и социального значения между собой?

Следует заметить, что, возможно, здесь и нет проблемы, поскольку в отношении аспекта значения языкового выражения (общего значения) речь идёт о том, как устанавливается значение языка, описывающего какой-то фрагмент реальности вообще (либо на какой-то определенный момент). Важен момент стабильности последнего, выражаящий факт фиксации значения. Тогда как для социального значения важно не то, что уже установлено какое-то значение языкового выражения, а как оно использовано (или будет употреблено), что, как правило, приводит к его изменению (утрате стабильности). Поэтому при определении когнитивного содержания значения важно одно (связь между языковым элементом и фрагментом реальности посредством установления значения), а при определении коммуникативной функции важно связать ситуативную специфику пользователя языкового выражения и его значения с социальными, индивидуальными и культурными особенностями последнего, где уже речь о стабильности значения не идёт, а актуализируется аспект его динамики и варьирования. Если эти моменты рассматривать по-отдельности, то здесь нет проблемы. Либо можно ещё так представить, что речь идёт о многообразии социальных вариантов, которые вносят новые аспекты означивания языкового выражения, что не столько противоречие, сколько следствие многообразия социальных обстоятельств применения языка как семиотического феномена.

Но в терминологии, где, с одной стороны, термин должен продемонстрировать когнитивный формат его концептуальной сферы в определенной предметной области, а с другой стороны, эта демонстрация происходит в разных социальных контекстах, развести эти функции достаточно сложно. Можно сказать, невозможно. Поэтому авторы и говорят о когнитивно-коммуникативном аспекте проблемы значения (социального значения) как специфическом формате визуализации проблемы социального значения. Суть выполнения такой функции в сфере лингвистической семиотики заключается в том, что актуализация какого-то одного из аспектов этой функции ведёт к неопределенности другого аспекта. Можно провести аналогию с принципом неопределенности В. Гейзенberга, согласно которому специфика человеческого мировосприятия устроена так, что он не может одновременно точно измерить все характеристики частицы (её координаты, например, и импульс). Так и в отношении проблемы значения / социального значения сложно одновременно точно представить значение языкового выражения вообще и в конкретной социальной ситуации.

Особенно хорошо демонстрирует такое развитие этой темы история теорий терминологии (терминологического развития). Условно теории терминологии (терминологического планирования) можно разделить на когнитивно-ориентированные – общая теория терминологии О. Вюстера, социокогнитивная теория терминологии Р. Теммерман (важна стабильность значения термина, отсюда прескриптивный характер терминологической деятельности), и коммуникативно-ориентированные – коммуникативная теория терминологии М.Т. Кабре, социокогнитивная теория терминологии Р. Теммерман, фреймовая теория терминологии П. Фабера, социотерминологическая теория Ф. Година, культурная теория терминологии М. Дики-Кидири (важно уточнение условий применения термина, в рамках которых и прояснится его значение, отсюда дескриптивный характер терминологической деятельности).

Как видно, теории можно разделить по принципу приоритетов, которые заявляются их разработчиками: либо когнитивный приоритет, либо коммуникативный приоритет. Есть только одна теория, которая может быть отнесена и к одной, и к другой группе. Это социокогнитивная теория терминологии Р. Теммерман.

Авторы позволяют себе не углубляться в подробный анализ представленных терминологических теорий и особенности их развития в рамках рассматриваемой проблемы, поскольку ими это уже сделано ранее [Ардашкин, Суровцев 2022].

Мы продемонстрируем на примере социокогнитивной теории, что одновременное сочетание этих двух функций в рамках терминологии не слишком получается, несмотря на то что эту теорию отнесли сразу к двум группам.

Собственно, разделение теорий терминологии на когнитивно-ориентированные и коммуникативно-ориентированные носит очень условный характер, особенно если речь вести о когнитивно-ориентированных теориях, которые внесены в эту группу авторами статьи в качестве следствия намерений их разработчиков данную функцию скорее заявить для терминологической деятельности, нежели реализовать.

В общей теории терминологии О. Вюстера, которая сформировалась на основе практики организации международной терминологической деятельности в период с 30-х по 70-е гг. XX в. и оформилась в качестве теории только в 70-е гг. прошлого столетия, когнитивная функция проявилась посредством механизмов жёсткого социального управления, заключавшегося в необходимости унификации и стандартизации терминологии в рамках международного взаимодействия под эгидой ООН. Формат унификации и стандартизации терминологии заключался во ведении единых правил сбора, обработки и фиксации терминологии. Показательным в этом аспекте выступало требование: один термин – один концепт в одной предметной области, который строго фиксировал когнитивное значение термина, искусственно ограничивая социальную и семантическую сферу его применения [Wuster, 1979]. Терминологическая работа и планирование осуществлялись на основе данной нормы, которая была удобна для управления терминологической деятельностью, но сильно ограничивала её когнитивные и коммуникативные возможности.

Неслучайно с 90-х гг. XX в. в терминологии совершается революция по отношению к общей теории терминологии. Не отбрасывая последнюю как основу терминологической деятельности в плане унификации и стандартизации, возникают новые теории, демонстрируя её слабые места в отношении когнитивных и коммуникативных возможностей.

В процессе пересмотра общей теории появляется социокогнитивная теория терминологии Р. Теммерман, в которой, как и в коммуникативной теории, и во фреймовой теории, и в других теориях, демонстрируется невозможность искусственных ограничений значений термина (по типу один термин – один концепт), прескриптивного характера терминологической деятельности в

силу актуализации его значения в конкретный момент ситуации его применения и т.д.

В то же время Р. Теммерман считала важным, в отличие от авторов других теорий, сохранить когнитивную функцию терминологии в качестве стабильной составляющей, которая бы позволяла управлять её развитием в целях сообщества [Temmerman 2000]. Реализация данной потребности, по мнению бельгийского терминолога, возможна за счёт разработки новой методологии. Она строилась на основе такого подхода, как термонтография.

Термонтография – это подход, который формируется путём сочетания терминологического и онтологического подходов. В каком-то смысле это сочетание языковых (терминологических) и онтологических (на основе информационных технологий) начал, формирование единой среды, в которой язык и реальность (в виде онтологий) интегрированы.

Как уточняют сами представители социокогнитивной теории терминологии, термонтография выражает собой мультидисциплинарный подход, в котором теории и методы многоязычного терминологического анализа социокогнитивного подхода сочетаются с методами и рекомендациями по онтологическому анализу. Мотивация для объединения этих двух областей исследований проистекает из того, что существующие методологии составления терминологии и разработки онтологий имеют значительные общие черты. Например, при построении онтологии или составлении терминологической базы данных как онтологи (инженеры-программисты), так и терминологи начинают с определения своих целей, ограничения предметной области, спецификации требований [Temmerman., Kerremans 2003].

Под онтологией (онтологиями) подразумеваются информационные основания в виде баз знаний и баз данных. Процесс терминологической обработки онтологии (баз данных) приводит к её трансформации в базу знаний (другой тип онтологии, сформированный с помощью терминологического анализа).

Когнитивной функцией термина в рамках социокогнитивной теории выступает то, что последний обретает специфическую структуру. Сам термин имеет когнитивную и коммуникативную составляющие. Когнитивная составляющая в рамках данной теории представлена единицами понимания (*units of understanding*). Единица понимания не тождественна термину, она может быть выражена не только термином как лингвистическим знаком, но и другими средствами (образы, ассоциации, сценарии и т.д.).

Р. Теммерман выделяет два типа «единиц понимания»: категории и концепты. Отличие одного типа от другого осуществляется по принципу наличия / отсутствия общих знаковой и семантической основ. Если единицы понимания разных баз данных имеют такие общие (прототипические) пересечения, то они получают наименование категории. Если же единицы понимания не имеют таких общих оснований, то они характеризуются концептами.

Получается, что термины, которые связаны в разных базах данных в качестве категориальных единиц понимания, могут быть стандартизированы в когнитивном плане (установить стабильность связи термина и его значения в разных онтологиях). Тогда как единицы понимания концептуального типа не могут быть стандартизированы в когнитивном плане.

В таком подходе, как представляется авторам, заложена надежда представителей социокогнитивной теории на то, что онтологии как информационные платформы могут иметь всеобщий доступ и универсальный формат для любого пользователя вне зависимости от его индивидуальных, социальных и культурных обстоятельств. Но то, что интерпретация терминов этой онтологии осуществляется индивидуально и уже с учётом всех составляющих ситуации, не отменяет факт того, что эти платформы имеют такое универсальное происхождение. То есть стабильность связи термина и его значения наличия подобных онтологий не гарантирует.

Эта стабильность может возникнуть в результате консенсуса между пользователями как самих онтологий, так и методологии, которую они используют. Но все равно коммуникативный формат использования терминологии такая попытка применения когнитивной функции последней как чего-то стабильного не компенсирует. Тем более что и сами создатели социокогнитивной теории согласны с представителями других теорий терминологии, возникших на основе критики общей теории, в том, что значение термина формируется в полной мере в момент его употребления. Собственно, название теории как социокогнитивной отчасти об этом свидетельствует, так как показывает зависимость когнитивного результата применения термина от социальных обстоятельств.

Другое дело, что в рамках социокогнитивной теории приходит понимание роли каждого пользователя онтологий посредством терминологии как когнитивно-коммуникативного феномена. Терминологически обработанные онтологии (базы знаний) имеют режим открытого, доступного, равнозначного онлайн-формата, где ключевым способом их использования и поддержания в актуаль-

ном состоянии выступает краудсорсинг (методология привлечения широкой аудитории для разработки, формирования, хранения и поддержания в рабочем состоянии терминологических информационных платформ). Это означает, что изменение коммуникативной составляющей терминологической онтологии (изменение количества пользователей, которое происходит нерегулируемо) приводит к изменению когнитивной составляющей, поскольку каждый имеет возможность внести в базу свои дополнения (добавляет неопределённости в семантическую составляющую терминологии). Соответственно, изменение когнитивной составляющей меняет коммуникативную составляющую, требуя от пользователей осуществлять дополнительные усилия по перепроверке когнитивных данных.

Иными словами, обращение к сфере терминологии (теориям терминологии) продемонстрировало, что проблема социального значения в этой сфере представлена как принцип неопределённости, когда когнитивная и коммуникативная функции влияют друг на другом посредством уточнения содержания одной за счёт повышения степени неопределенности другой. Такого рода процессы могут происходить в рамках подходов аналитической философии и социолингвистики, но в этих областях чаще мы встречаем способы исследования какой-то одной из обозначенных функций языковых выражений.

Заключение

Резюмируя вышесказанное, можно констатировать, что проблема социального значения лучше всего визуализируется в подходах социолингвистики и коммуникативно-ориентированных теорий терминологии, – в разных вариативных нестабильных проявлениях, связанных не только с социальными свойствами человека, но и с особенностями его идентификации в социальном контексте. Динамизм проявляемого социального значения обусловлен непосредственностью контекста коммуникации, её «живым функционированием», что постоянно осложняет способы его проявления и интерпретации. В связи с этим когнитивный аспект языковых выражений также носит неопределённый и непостоянный характер, который можно преодолеть посредством ограничения коммуникативного пространства (ограничивая его открытость и применяя механизмы формализации).

В подходах аналитической философии проблема визуализации социального значения не ставится, но признается и формальным

образом исследуется фактор влияния социального контекста на процессы означивания и интерпретации языкового выражения. Это актуализирует когнитивную функцию языка в процессе изучения проблемы значения (общего значения) последнего.

В подходах социолингвистики проблема визуализации социального значения изучается самым активным и непосредственным образом, что в некотором смысле позволяет исследователям полнее рассматривать коммуникативную функцию языка. Демонстрируется многообразие социальных ситуаций человека, для которого сложно подобрать системно устойчивые способы означивания и интерпретации. С одной стороны, это позволяет свободнее использовать социальные нюансы статуса человека посредством языковых средств, с другой стороны, последний стремится стабилизировать важные для него социальные значения с помощью идеологизации некоторых из них, закрепляя значимые смыслы за определенными языковыми выражениями, что может носить дискриминационный характер.

В теориях терминологии выявляются когнитивные и коммуникативные функции языка, которые одновременно не могут проявиться в процессе использования терминологии. Если актуализируется и визуализируется когнитивная функция термина, то это повышает степень неопределенности и меньшей визуализации коммуникативной функции, и наоборот.

Важно констатировать, что проблема значения / социального значения при всей степени своей изученности представляет интерес для исследователей, и до сих пор не сформировалось подхода, позволяющего одновременно рассматривать её не по отдельным позициям, а полностью. Но, как демонстрируют наши рассуждения, вероятность достижения такого результата чрезвычайна низка.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ардашкин, Суровцев 2022 – Ардашкин И. Б., Суровцев В. А. Параллелизм семантических теорий аналитической философии и теорий терминологического планирования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 70. С. 5–19.
- Бейкер, Хакер 2008 – Бейкер Г. П., Хакер П. М. С. Скептицизм, правила и язык / пер. с англ. В. А. Ладова, В. А. Суровцева. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2008.
- Витгенштейн 2019 – Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: ACT, 2019.
- Дидикин 2015 – Дидикин А.Б. Интерпретация проблемы следования правилу в аналитической философии права // Вестник Томского

- государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 2(30). С. 83–89.
- Крипке 2010 – Крипке С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке / пер. с англ. В. А. Ладова, В. А. Суровцева. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2010.
- Куайн 2000 – Куайн У. Слово и объект / пер. с англ.: А. З. Черняк, Т. А. Дмитриев. М., 2000. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. 21.10.2010. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/4733> (дата обращения: 10.09.2025).
- Молодыченко, Чернявская 2022–Молодыченко Е.Н., Чернявская В.Е. Социальная презентация через язык: теория и практика социолингвистики и дискурсивного анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2022. № 19 (1). С. 103–124.
- Найман 2021 – Найман Е. А. Семиотические механизмы формирования социального значения в языке // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 59. С. 87–100.
- Остин 1999 – Остин Дж. Избранное / пер. с англ. Л. Б. Макеевой, В. П. Руднева. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999.
- Суровцев 2020 – Суровцев В. А. Следование правилу и социальная теория // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57, № 3. С. 50–55.
- Суровцев 2022 – Суровцев В. А. Реальность лингвистического значения и языковые игры // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2022. Вып. 3 (33). С. 135–144.
- Суровцев, Ладов 2008 – Суровцев В. А., Ладов В. А. Витгенштейн и Крипке: следование правилу, скептический аргумент и точка зрения сообщества. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008.
- Фомин, Ильин 2019 – Фомин И. В., Ильин М. В. Социальная семиотика: траектории интеграции социологического и семиотического знания // Социологический журнал. 2019. Т. 25, № 4. С. 123–141.
- Acton 2021 – Acton E. K. Pragmatics and the Third Wave: The Social Meaning of Definites // Social Meaning and Linguistic Variation: Theorizing the Third Wave / L. Hall-Lew, E. Moore, R. Podesva (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 105–126.
- Beltrama, Casasanto 2021 – Beltrama A., Casasanto L.S. The Social Meaning of Semantic Properties // Social Meaning and Linguistic Variation: Theorizing the Third Wave / L. Hall-Lew, E. Moore, R. Podesva (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 80–104.
- Eckert 2012 – Eckert P. Three Waves of Variation Study: The Emergence of Meaning in the Study of Sociolinguistic Variation // Annual Review of Anthropology. 2012. № 41 (1). P. 87–100.
- Eckert 2019 – Eckert P. The limits of meaning: Social indexicality, variation, and the cline of interiority // Language. 2019. Vol. 95, is. 4. P. 751–776.
- Grice 1975 – Grice H. P. Logic and conversation // Syntax and semantics / ed. by P. Cole, J. L. Morgan. New York: Academic Press, 1975. Vol. 3. P. 41–58.

- Hall-Lew, Moore, Podesva 2021 – *Hall-Lew L., Moore E., Podesva R. Social Meaning and Linguistic Variation: Theoretical Foundations* // *Social Meaning and Linguistic Variation: Theorizing the Third Wave* / L. Hall-Lew, E. Moore, R. Podesva (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 1–24.
- Hansen 2025 – *Hansen M.-B. M. Social meaning as Hearer's Meaning: Integrating social meaning into a general theory of meaning in communication* // *Journal of Pragmatics*. 2025. № 241. P. 81–91.
- Hart 1994 – *Hart H. L. A. Concept of Law*. Second edition. Oxford: Oxford University Press, 1994.
- Irvine, Gal 2000 – *Irvine J., Gal S. Language ideology and linguistic differentiation* // *Regimes of Language: Ideologies, Polities, and Identities* / P. V. Kroskrity (ed.). Santa Fe, NM: School of American Research Press, 2000. P. 35–83.
- Podesva 2011 – *Podesva R. J. Salience and the social meaning of declarative contours: three case studies of gay professionals* // *Journal of English Linguistics*. 2011. № 39 (3). P. 233–264.
- Saussure 1995 – *Saussure F. De Cours de Linguistique Générale* / publié par Ch. Bally et A. Séchehaye; avec la collaboration de A. Riedlinger; ed. critique préparée par T. de Mauro; postf. de L.-J. Calvet. Paris: Payot, 1995.
- Temmerman., Kerremans 2003 – *Temmerman R., Kerremans K. Termontography: ontology building and the sociocognitive approach to terminology description* // *Proceedings of CIL 17. 2003. Vol. 7*. P. 1–10. URL: https://www.academia.edu/851013/Termontography_Ontology_building_and_the_sociocognitive_approach_to_terminology_description (accessed: 17.09.2025).
- Temmerman 2000 – *Temmerman R. Towards New Ways of Terminology Description*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2000.
- Wuster 1979 – *Wuster E. Introduction to the general theory of terminology and terminological lexicography*. Wien: Springer, 1979.
- Zhang 2021 – *Zhang Q. Emergence of Social Meaning in Sociolinguistic Change* // *Social Meaning and Linguistic Variation: Theorizing the Third Wave* / L. Hall-Lew, E. Moore, R. Podesva (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 267–291.

REFERENCES

- Acton, E. K. (2021). Pragmatics and the third wave: The social meaning of definites. In L. Hall-Lew, E. Moore, & R. Podesva (Eds.), *Social Meaning and Linguistic Variation: Theorizing the Third Wave* (pp. 105–126). Cambridge University Press.
- Ardashkin, I. B., & Surovtsev, V. A. (2022). Parallelizm semanticheskikh teoriy analiticheskoy filosofii i teoriy terminologicheskogo planirovaniya [Parallelism of semantic theories of analytic philosophy and theories of terminological planning]. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 70, 5–19.
- Austin, J. L. (1999). *Izbrannoe* [Selected works] (L. B. Makeeva & V. P. Rudnev, Trans.). Ideya-Press, Dom intellektual'noy knigi.

- Baker, G. P., & Hacker, P. M. S. (2008). *Skeptitsizm, pravila i yazyk* [Skepticism, rules and language] (V. A. Ladov & V. A. Surovtsev, Trans.). Kanon+ Reabilitatsiya.
- Beltrama, A., & Casasanto, L. S. (2021). The social meaning of semantic properties. In L. Hall-Lew, E. Moore, & R. Podesva (Eds.), *Social Meaning and Linguistic Variation: Theorizing the Third Wave* (pp. 80–104). Cambridge University Press.
- de Saussure, F. (1995). *Cours de linguistique générale*. Payot.
- Didikin, A. B. (2015). Interpretation of the rule-following problem in analytic philosophy of law. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2(30), 83–89. (In Russian).
- Eckert, P. (2012). Three waves of variation study: The emergence of meaning in the study of sociolinguistic variation. *Annual Review of Anthropology*, 41(1), 87–100. <https://doi.org/10.1146/annurev-anthro-092611-145828>
- Eckert, P. (2019). The limits of meaning: Social indexicality, variation, and the cline of interiority. *Language*, 95(4), 751–776. <https://doi.org/10.1353/lan.2019.0072>
- Fomin, I. V., & Ilyin, M. V. (2019). Sotsial'naya semiotika: traektorii integratsii sotsiologicheskogo i semioticheskogo znaniya [Social semiotics: Trajectories of integrating sociological and semiotic knowledge]. *Sociological Journal*, 25(4), 123–141.
- Grice, H. P. (1975). Logic and conversation. In P. Cole & J. L. Morgan (Eds.), *Syntax and semantics* (vol. 3, pp. 41–58). Academic Press.
- Hall-Lew, L., Moore, E., & Podesva, R. (2021). Social Meaning and Linguistic Variation: Theoretical Foundations. In L. Hall-Lew, E. Moore, & R. Podesva (Eds.), *Social Meaning and Linguistic Variation: Theorizing the Third Wave* (pp. 1–24). Cambridge University Press.
- Hansen, M.-B. M. (2025). Social meaning as Hearer's Meaning: Integrating social meaning into a general theory of meaning in communication. *Journal of Pragmatics*, 241, 81–91. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2024.07.005>
- Hart, H. L. A. (1994). *The concept of law* (2nd ed.). Oxford University Press.
- Irvine, J. T., & Gal, S. (2000). Language ideology and linguistic differentiation. In P. V. Krokskrity (Ed.), *Regimes of language: Ideologies, polities, and identities* (pp. 35–83). School of American Research Press.
- Kripke, S. A. (2010). *Vitgenshtein o pravilakh i individual'nom yazyke* [Wittgenstein on rules and private language] (V. A. Ladov & V. A. Surovtsev, Trans.). Kanon+ Reabilitatsiya.
- Molodychenko, E. N., & Chernyavskaya, V. E. (2022). Sotsial'naya reprezentatsiya cherez yazyk: teoriya i praktika sotsiolingvistiki i diskursivnogo analiza [Social representation through language: The theory and practice of sociolinguistics and discourse analysis]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 19(1), 103–124.
- Naiman, E. A. (2021). Semioticheskie mekhanizmy formirovaniya sotsial'nogo znacheniya v yazyke [Semiotic mechanisms of the formation of social meaning in language]. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 59, 87–100.

- Podesva, R. J. (2011). Salience and the social meaning of declarative contours: Three case studies of gay professionals. *Journal of English Linguistics*, 39(3), 233–264. <https://doi.org/10.1177/0075424211414806>
- Quine, W. V. O. (2000). *Слово и объект* [Word and object] (A. Z. Chernyak & T. A. Dmitriev, Trans.). Kanon+. <https://gtmarket.ru/library/basis/4733>
- Surovtsev, V. A. (2020). Sledovanie pravilu i sotsial'naya teoriya [Rule-following and social theory]. *Epistemology and Philosophy of Science*, 57(3), 50–55. <https://doi.org/10.5840/eps202057334>
- Surovtsev, V. A. (2022). Real'nost' lingvisticheskogo znacheniya i yazykovye igry [The reality of linguistic meaning and language games]. *ПРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics*, 33(3), 135–144. <https://doi.org/10.23951/2312-7899-2022-3-135-144>
- Surovtsev, V. A., & Ladov, V. A. (2008). *Wittgenstein и Kripke: sledovanie pravilu, skepticeskij argument i točka zrenija soobščestva* [Wittgenstein and Kripke: Rule-following, the skeptical argument, and the community view]. Tomsk State University.
- Temmerman, R. (2000). *Towards new ways of terminology description: The sociocognitive approach*. John Benjamins Publishing.
- Temmerman, R., & Kerremans, K. (2003). *Termontography: Ontology building and the sociocognitive approach to terminology description*. Proceedings of the 17th International Congress of Linguists, Prague, Czech Republic. https://www.academia.edu/851013/Termontography_Ontology_building_and_the_sociocognitive_approach_to_terminology_description
- Wittgenstein, L. (2019). *Filosofskie issledovaniya* [Philosophical investigations]. AST.
- Wüster, E. (1979). *Introduction to the general theory of terminology and terminological lexicography*. Springer-Verlag.
- Zhang, Q. (2021). Emergence of social meaning in sociolinguistic change. In L. Hall-Lew, E. Moore, & R. Podesva (Eds.), *Social Meaning and Linguistic Variation: Theorizing the Third Wave* (pp. 267–291). Cambridge University Press.

Материал поступил в редакцию 20.09.2025

АРТ-ТЕКСТ: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ «ПЕРСПЕКТИВА» И / ИЛИ МЕДИАКРИТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА

Г. Г. Гиздатов

Казахский университет международных отношений и мировых языков
имени Абылай хана, Алматы, Казахстан
gizdat@mail.ru

Ш. Д. Баситова

Казахский университет международных отношений и мировых языков
имени Абылай хана, Алматы, Казахстан
sh.bassitova@gmail.com

Арт-текст впервые предстаёт как гибридный креативный текст, отличающийся особенностями экспертного заключения, профессионального журналистского материала и авторского произведения. В текстах арт-критики можно обнаружить фрагменты художественных, политических и социальных теорий, философские экскурсы, риторические и идеологические комментарии, научные искусствоведческие данные, личные истории или размышления, примеры из жизненных ситуаций. Материалом научного рассмотрения являются художественные комментарии современных арт-критиков. Художественная критика в таком ракурсе рассмотрения перестаёт быть только внешней «репликой», она, по сути, становится формой философского размышления. Арт-критика непосредственно участвует в самом производстве смыслов, а не просто в их описательной регистрации. В этом случае арт-критик берет на себя ответственность за интеллектуальное сопровождение искусства. В статье подтверждается, что арт-критика как модификация культурного дискурса является теоретической «перспективой» для художников, при этом для читателя важна только медиакритическая составляющая художественного комментария. Объединяющей темой теоретической установки и субъективной оценки арт-критика, представленной для обеих возможных групп читателей, становится обнаружение в арт-текстах способа эстетизации художником действительности. Креативная текстуальность как принцип организации художественного комментария является главенствующей для современной арт-критики (Клемент Гринберг, Виктор Мизиано, Валерия Ибраева). Как подтверждает реальная практика, критическое эссе может быть интереснее самого художественного произведения. Особое место в статье занимает анализ текстов Бориса Грайса, представившего визуальную семантику современной художественной практики, в первую очередь актуального искусства. Арт-критик по отношению к современному искусству выполняет функцию не только традиционного комментатора, но и медиатора между художниками и «зрителями», а также между разными культурными контекстами. Итак, в статье представлены семиотические и

медиакритические аспекты рассмотрения арт-текстов. В результате про-ведённого анализа арт-текст предстаёт как важное звено в цепи современ-ного художественного дискурса, соединившее в себе эстетическое наблю-дение, медиакритическую оценку и интерпретативную практику.

Ключевые слова: актуальное искусство, арт-текст, дискурс, культура, медиакритика, художественный комментарий, эстетизация

ART TEXT: THEORETICAL “PERSPECTIVE” AND/OR MEDIA-CRITICAL EVALUATION

Gazinur G. Gizdatov

Kazakh Ablai Khan University of International Relations
and World Languages, Almaty, Kazakhstan
gizdat@mail.ru

Shakhnoza D. Bassitova

Kazakh Ablai Khan University of International Relations
and World Languages, Almaty, Kazakhstan
sh.bassitova@gmail.com

The article presents semiotic and media-critical aspects of art texts. The material of the scientific review are artistic comments of modern art critics, including Kazakh authors. Art criticism in this perspective ceases to be only an external “replica”, it essentially becomes a form of philosophical thinking. Art criticism is directly involved in the production of meanings, not merely in their descriptive registration. In this case, the art critic takes responsibility for the intellectual accompaniment of art. The article confirms that art criticism as a modification of cultural discourse is a theoretical “perspective” for artists, with only the media-critical aspect of the artistic comment being important to the reader. The unifying theoretical attitude and subjective assessment of art criticism for both possible groups of readers is the aestheticization of reality by the artist in art texts. Creative texture as a principle of organizing the artistic comment is the main one for the modern art critic (Clement Greenberg, Victor Misiano, Valeria Ibraeva). As actual practice shows, a critical essay can be more interesting than the artwork itself. The article analyses texts by Boris Groys, who presented the visual semiotics of modern artistic practice, especially current art. The art critic in relation to modern art performs the role not only of a traditional commentator, but also of a mediator between artists and “spectators”, as well as between different cultural contexts. In the article, the art text is presented for the first time as a hybrid creative text, distinguished by the characteristics of expert opinion, professional journalistic material, and authorial work. In art-critical texts you can find fragments of artistic, political and social theories, philosophical excourses, rhetorical and ideological comments, scientific art

history data, personal stories or reflections, examples from life situations. As a result of the analysis, the art text appears as an important link in the chain of modern artistic discourse, combining aesthetic observation, media critical evaluation and interpretive practice.

Keywords: contemporary art, art text, discourse, culture, media criticism, artistic commentary, aestheticization

DOI 10.23951/2312-7899-2025-4-44-57

Современное искусство во всех его многообразных и разномедийных проявлениях часто предстаёт как событие или акт, а не в виде изолированного объекта, как это было с его традиционными формами. Такая специфика актуального искусства востребовала новый подход к его описанию и объяснению. Именно в таком контексте арт-текст приобретает функцию, с помощью которой актуализируются глубинные связи между художественным жестом, культурным фоном и восприятием. Теодор Адорно утверждал, что искусство есть становление, а не нечто застывшее, и «...как только готовые произведения становятся тем, чем они являются, поскольку их бытие представляет собой становление, они попадают в зависимость от форм, в которых кристаллизируется этот процесс, – от интерпретации, комментария, критики» [Адорно 2001, 282]. Семантические границы арт-текста проявляются в понятии *parergon*, разработанном Жаком Дерридой в *The Truth in Painting* [Derrida 1987, 55]. Он вводит это понятие как структуру, возникающую на стыке произведения и внешнего по отношению к нему пространства. Это может быть рама, подзаголовок, комментарий – все то, что не входит в произведение, но влияет на его прочтение. Философ показывал, что эта структура разрушает чёткую границу между «внутренним» и «внешним» – между самим искусством и контекстом его восприятия. Особый интерес в этом случае представляет функционирование арт-текста одновременно в качестве формы смыслового производства и как институционального или философского медиатора между художником, произведением и зрительской позицией.

Изначально необходимо определить, что понимается под термином «арт-текст». Из двух возможных, а иногда пересекающихся определений: 1) текст, созданный художником с эстетической установкой в рамках собственной художественной акции; 2) текст, подготовленный арт-критиком на произведение актуального искусства, – в нашем исследовании установочной является только

вторая трактовка. Именно к такому пониманию арт-критики и, соответственно, арт-текста относится замечание Бориса Грайса: «Особенно с того времени, когда искусство отошло от внешней изобразительности, для него особое значение приобрело теоретическое обоснование: искусство, непосредственно непонятное для зрителя, нуждалось в объяснении, чтобы утвердить своё значение в общественном мнении» [Грайс 1993, 284]. Понятия «художественная критика», «искусствоведческое эссе» при всей их неизбежной созвучности имеют своё, несколько отличающееся от арт-критики наполнение. Только вторая трактовка арт-текста (шире – арт-дискурса) предполагает полноценное включение его в медиакритику, в которой возможен анализ всех и разных форм медиа и медиума в соответствии с идеями М. Маклюэна [Маклюэн 2017, 25–27]. Именно в таком понимании арт-критика подпитывается философскими и социологическими идеями, антропологическими и психоаналитическими парадигмами. Определённый перечень отличий между арт-журналистикой и работой арт-критика над специализированными текстами был дан также Евгением Барабановым [Барабанов 2003]. В то же время состоялся Круглый стол, определивший текущее состояние художественной критики и одновременно подчеркнувший её трансдисциплинарный характер [Круглый стол 2019]. Согласимся с тем очевидным фактом, что арт-журналистика в большей мере – это произвольная оценка произведения от некоего образованного человека, возможно, с вполне точными медиакритическими замечаниями.

Особое место уже среди филологических работ занимает концепция Alix Rule и David Levine, в рамках которой были выявлены лингвистические особенности современного арт-дискурса. В их трактовке язык арт-критики – это уникальный язык, обладающий определенными семантическими характеристиками и специфичными лингвистическими особенностями. Они обозначили его как International Art English [Rule, Levine 2012]. Попутно заметим: ситуации, когда арт-критика исходит от самого художника, в этом случае не являются показательными. Однако в «Художественном журнале» в последние десять лет рубрика «Текст художника» является постоянной и явно подпитывает дискурс арт-критики. Но, как правило, описание и оценка в арт-тексте следуют «со стороны», это всегда заведомо внешняя позиция профессионального критика (иногда куратора) по отношению к описываемому художественному произведению, иначе в семиотическом рассмотрении это всегда традиционная точка зрения от автора [Гиздатов, Алдабергенова

2021, 161]. Именно при такой трактовке текст, комментирующий искусство, одновременно кажется для профессиональных читателей (художников) нужным и зачастую бесполезным для всех иных. Художественная критика в таком контексте перестаёт быть внешней «репликой», превращаясь в форму философского мышления. Она участвует в производстве смыслов, а не просто в их регистрации. В этом смысле критик берёт на себя ответственность за интеллектуальное сопровождение искусства. Согласно Джозефу Марголису, критика функционирует на двух уровнях – описательном и оценочном. С одной стороны, она фиксирует структуру и элементы произведения, с другой – предлагает суждение о его значимости в культурном контексте [Margolis 1967, 67].

Целесообразно обозначить семиотические аспекты арт-критики, в том числе основные элементы создания и понимания этого гибридного вида текста. К таковым относятся: 1) субъект (создатель) текста; 2) мотив и интенция создания текста; 3) цель (ориентация на эффект воздействия); 4) креативный замысел критика, определяющий предмет и другие элементы текста. Данные элементы рассматриваются далее в конкретике на материале текстов европейских, российских и казахстанских арт-критиков. В настоящее время арт-критик по отношению к современному искусству исполняет роль не только традиционного комментатора, но и медиатора между художниками и зрителями, а также между разными культурными контекстами. Элементы арт-текста (мотив, цель, замысел) объединены формирующей их теоретической перспективой, объяснением искусства через эстетизацию художником действительности. Только при таком ракурсе арт-критика становится реальной разновидностью культурного дискурса.

Так, в казахстанской арт-критике только Валерия Ибраева в своих эссе, изданных в разные годы и позднее вошедших в одну книгу [Ибраева 2014], смогла точно обозначить всю «дискурсивную» историю Казахстана конца XX и начала XXI века – от перестройки до середины двухтысячных. К таковым ею были отнесены историко-культурные концепты: матрица социализма на земле кочевников, либерализация и национализм, суверенитет в бронзе, high-tech и феодализм, критицизм, этнофутуризм. Данные собственно культурологические формулировки и термины очень точно характеризуют и объясняют сами тенденции и образчики всего официального, массового и интеллектуального дискурса страны. Причём функционирование и влияние этих концептов, на наш взгляд, можно наблюдать не только в разных формах современного искусства, –

они обнаруживаются в содержании школьных учебников, репертуарной политике театров, литературных образчиках на казахском и русском языках. Объективности ради заметим, что столь значимый арт-текст с явным политологическим и социально-антропологическим «фундаментом» остаётся в казахстанской практике единственным [Гиздатов 2023, 1438].

Необходимым дополнением в этом случае является указание на то, что арт-критика как гибридный вид текста близка к размытому понятию «художественная критика» и отличается особенностями экспериментального заключения, профессионального журналистского материала и креативного авторского произведения. В большинстве случаев арт-критика приобретает гибридный характер, сочетающий в себе научный, научно-популярный и художественные стили. В текстовом проявлении арт-критика наглядно демонстрирует междискурсивное взаимодействие, которое «...представляет типологическое сходство и историческое взаимовлияние разных типов дискурсов. Это взаимодействие определяется (а) параллельным развитием дискурсов, (б) освоением и заимствованием отдельных дискурсивных элементов других дискурсов, (в) интерференцией как результатом влияния базового дискурса и (г) взаимным воздействием дискурсов на разных этапах их развития [Соколова 2015, 12]. В свою очередь, текстуальность как принцип организации художественного комментария требует подробного объяснения и иллюстрирования: в тексте арт-критики можно обнаружить фрагменты художественных и политических теорий, философские экскурсы, риторические и идеологические комментарии, научные искусствоведческие данные, личные истории или размышления, примеры из жизненных ситуаций. Все это в совокупности невозможно представить ни в академической, ни в массмедиатной сфере.

Приведём три характерных примера. Первый – вводное размышление из практики американского критика Клемента Гринберга: «Моё отношение к Ренуару все время меняется. Порой мне кажется, что он в шаге от величия, а порой – от провала; то я готов счесть его блестательным, то – просто вульгарным, то решительным, то неуверенным» [Гринберг, 2025, 61]. Толика личностного размышления с явной риторической установкой, данного в самом начале эссе, придаёт убедительность всему дальнейшему изложению.

Второй, типично искусствоведческий фрагмент относится к обзору портрета в казахской изобразительной практике: «Любая картина, и портрет в том числе, возникает “из образа”, который сплетён в душе художника из множества ощущений, никак не по-

хожих на краску или мрамор. Каждый художник занимается “переводом” внутреннего на язык внешнего. Прозрачный и подвижный образ, затрагивающий все пять чувств и интуицию в придачу, нужно уловить языком цвета или бронзы» [Барманкулова 2002, 13].

Наконец, замечание Виктора Мизиано, главного редактора «Художественного журнала», является точным анализом всей художественной постсоветской практики, приложенной в этом случае к конкретному автору: «Явление повседневности было такой же реакцией на распад советского символического порядка, как халфинское открытие дорациональной осязательно-чувственной связи кочевника с миром [Мизиано 2015, 9].

Необходимо уточнить, что арт-текст в таком понимании как составная часть относится к художественной критике, относимой ко всем образцам изобразительного искусства. Следующий пример утюрировано выявляет, например, суть советской художественной критики со всеми её штампами и идеологической установкой, в которой тем не менее очевидна эстетизация действительности «по-советски». В 1982 году два представителя соц-арта – Виталий Комар и Александр Меламид – опубликовали «искусствоведческую» статью-мистификацию, пародирующую научные тексты, они представили биографию Апелеса Зяброва, крепостного крестьянина, создавшего, по выдумке авторов, ещё в XVIII веке абстрактную живопись. В стиле искусствоведческой статьи с привлечением документов, свидетельств, переписки была предложена блестящая пародия на сентиментально-идеологический стиль советского искусствоведения со всей возможной пафосной риторикой: «Жизнеутверждающая живопись великого художника, берущая истоки из народного узорочья морозных стёкол, из вечно меняющихся оттенков моря и неба среднерусской полосы, удалой игры пламени, а также впитавшая в себя богатые пластические возможности полированных срезов декоративного камня, отделкой которого издавна славились уральские мастера» [Комар, Меламид 1982].

Попутно заметим, что советская художественная критика всегда отличалась идеологическими установками, следующими из концепции соцреализма. Против идеологического понимания художественной критики, свойственной советской критике, выступал в 30-е годы прошлого века художник-авангардист Павел Филонов: «Я отрицаю все “тёмное царство” современной русской художественной критики, позорящее науку и пролетарский быт и его общие лозунги: “тащи, не пущай”, “разделяй и властвуй”, паразитически доведшие до утончённой риторической белиберды ту же

идеологию реалистического выхолащивания» [Филонов 2020, 40]. Так, в приложении уже к казахстанскому изобразительному искусству, художественная критика сначала приняла известную формулу – социалистическое по содержанию, национальное по форме, а затем (в наше время и во многих случаях) приобрела исключительно догматическую форму – национальное и по содержанию, и по форме. Причём, как показывает текстовая практика во многих современных казахстанских арт-текстах, можно наблюдать всю ту же слегка перефразированную первоначальную идею. Например, два замечания о художнике Абылхане Кастеева, разделённые между собой пятью десятками лет, демонстрируют не изжитую в казахстанской дискурсивной практике идею соцреализма как обязательной установки для художника¹.

Именно в этом смысле критический акт, кроме того что сопровождает произведение, формирует его бытие как процесс, подчёркивая в случае её наличия динамичность его формы и значения. Интерпретативная деятельность здесь выступает как форма артикуляции внутреннего содержания арт-текста, а критика, по мысли Т. Адорно, служит задачей отделения «истины произведения... от моментов его неистинности» [Адорно 2001, 283]. Таким образом, медиакритика становится равнозначной формой мышления, приближающейся к философии и раскрывающей подлинный смысл произведения в соотнесении с историческим моментом. В значительной мере современные арт-тексты, являясь образчиками аутентичной медиакритики, не просто комментируют искусство, но объясняют самим художникам, что они делают и видят в нем больше, чем то, что в произведении содержится. Арт-критика как вид и модификация культурного дискурса, особенно в соотнесении к текстам Клемента Гринберга, Жана Жене, Виктора Мизиано, Бориса Грайса, Валерии Ибревой, является теоретической «перспективой» для художников. Именно в этом случае для художников воссоздаётся ситуация, когда «их искусство предстаёт перед публикой в определённой теоретической перспективе, которая часто кажется им слишком узкой, догматичной и даже отпугивающей» [Грайс 2023а, 23].

¹ «Творчество Кастеева воплощает в себе переход от стихии народного прикладного искусства дореволюционного периода к новому, появившемуся в Казахстане после Октября становому профессиональному искусству» [Плахотная 1974, 9]; «Картины и акварели А. Кастеева – это художественная летопись советского Казахстана, воплощение мыслей и ощущений поколения людей, беззаветным и героическим трудом созидающих коммунистическое общество» [Джадабаев 2024, 27].

Своебразную установку для создателя арт-текста дал Борис Грайс, теоретик искусства и куратор выставок: «Функция художественного критика, точнее, художественного комментатора, заключается в изготовлении защитного текста-одежды для произведений искусства» [Грайс 2023, 187]. Арт-критика всегда монологична по своему построению, в ней всегда главенствует субъективная точка зрения, но форма её презентации может быть разной: подчёркнуто субъективной или же «игрой» в объективность. Но в обоих случаях выстраивается теория для художника. Приведём в качестве примера фрагмент весьма давнего критического эссе Л.И. Пумпянского о «Выставке картин всех направлений» (1928): «Каюсь, я шёл туда с определённой надеждой “зарядиться” теми жгучими, остро-волнующими ощущениями, которыми, бывало, дарили нас мало посещаемые скромные выставочки “левых”. В истекшем году так много спорили о футуризме, представителям этого направления была предоставлена такая полная свобода выявления, что я, естественно, ожидал зрелища, во всяком случае, незаурядного. То-то, думалось, “турусы на колёсах”. Как всегда бывает в таких случаях, действительность совсем не оправдала моих предчувствий» [Пумпянский, 2020, 373–374]. И для сравнения целесообразно привести вербализированное «разоблачение» казахстанского художника начала XX века Николая Хлудова уже от современного казахстанского арт-критика: «Таковы вкратце основные составляющие художественного пространства картины,искажённого творческой фантазией художника в ущерб принципу точности трактовки этнографической действительности, а потому имеющего мало общего с реальным пространством безусловно существовавшего только в далёком прошлом у казахов аналогичного ритуального действия» [Алимбай 2003, 17–18]. Желание «подправить» художника очевидно в первом, и во втором случае.

В ряду современных арт-критиков Борис Грайс – единственный из авторов, кто фундаментально рассуждает о своём методе и сам же представил его в приложении к разным образцам актуального искусства. В его «Частных случаях» [Грайс 2023б] (необходимо привести названия некоторых программных эссе этого сборника: «Абсолютное искусство Марселя Дюшана», «Внутренняя жизнь консервной банки», «Фиктивные реди-мейды Фишили и Вайса», «Томас Шютте: побег из тюрьмы стиля») оказались зафиксированными ключевые концепты искусства нашего времени: оригинальность, вторичность, ценность, властность как своеобразные критерии оценки *contemporary art*. Сам критик при этом также откровенен:

«Я пытаюсь понимать искусство как практику, изменяющую взгляд и мышление, – как будто современные художники при всей своей полной внерилигиозности всё же умеют производить метанойю в зрительских душах» [Грайс 2023, 7].

Все то, что было обозначено по отношению к арт-критике как её отличительные черты, получает в текстовой практике Бориса Грайса смысловую и текстовую реализацию. В первую очередь это выставляемая арт-критиком для художника «теоретическая перспектива», которую целесообразно проиллюстрировать конкретными примерами. Рассуждая о Марселе Дюшане, Грайс ретроспективно обозначает сам жанр реди-мейда как механизм производства нового в искусстве и культуре. В свою очередь, переоценка ценностей, в его трактовке, – это тот принцип, который регулирует нашу культурную деятельность независимо от наших субъективных решений: «Писсуар был изъят из привычного контекста и помещён в контекст художественный, но его было по-прежнему легко опознать и возможно использовать по назначению» [Грайс 2023б, 18]. У этого автора действительно нет оценочных суждений, нет жёсткой критики, но нет и позитивных восхвалений. Он всегда следует импульсу произведения: «Я пытаюсь уйти от произведения и посмотреть на мир взглядом, который уже не совсем мой, поскольку его модифицировала, изменила встреча с этим произведением искусства» [Грайс 2023б, 7]. При этом сам контекст осмысления художественного произведения всегда широкий и отличается авторской текстовой креативностью. Всегда неожиданны его сопоставления; в частности, размышляя о Уорхоле, он замечает, что виртуальный архив визуальных вариаций есть истинное пространство творчества. Далее он сопоставляет все это с идеями семиотика Романа Якобсона, согласно которому акт коммуникации – тоже акт выбора из такого архива, и тогда отказ от процедуры выбора есть первоисточник искусства. Тогда серийную технику Уорхола, по мнению Б. Грайса, можно описать как демонстрацию этой виртуальной оси селекции. В таком контексте утверждение, что арт-текст как критическое эссе может быть интереснее самого художественного произведения, не кажется преувеличением. В свою очередь, выявляемую арт-критиком эстетизацию действительности можно продемонстрировать на примере эссе об Ольге Чернышевой, представительнице современного русского реализма: «Она художник воскресенья, а не будних дней. Это можно считать метафорой посткоммунистического способа существования» [Грайс 2023б, 149]. Тогда бесконечное воскресенье и есть ядро посткоммунистического периода, как это

предстаёт в видео художницы. Уже в трактовке арт-критика, а не только художницы, современные герои убивают свободное время, чтобы оно не убило их. Примеры чистой и повторяющейся траты времени входят в бытийный и эстетический опыт людей: «Видео Чернышевой непосредственно убедительны и истинно художественны, поскольку основаны на соответствии средств и содержания. А именно, их закольцованное движение повторяется внутри их собственного, внутреннего времени повествования, так что жанр здесь рефлектирует сам себя [Грайс 2023б, 153–154]. Арт-критика в случае с текстами Бориса Грайса приобретает методологическое звучание, а обобщения автора ценностны для антропологических и семиотических исследований.

Таким образом, арт-критика в интеллектуальном поле и культурном дискурсе занимает своё специфическое место. Она не только репрезентирует искусство, сколько коммуницирует с ним, выступая посредником между миром, в том числе различными медиа, и художниками. Гибридность такого текста очевидна, что проявляется в текстовой креативности, в которой наличествует тонкая грань отличия арт-критики от искусствоведческого эссе. Значимо в арт-критике философское осмысление современного искусства: арт-текст представляет собой важное звено в цепи современного художественного дискурса, соединяя эстетическое наблюдение, медиакритическую оценку и интерпретативную практику.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Адорно 2001 – Адорно В. Т. Эстетическая теория / пер. с нем. А. В. Дранова. М.: Республика, 2001.
- Алимбай 2003 – Алимбай Н. Н. Г. Хлудов как художник-этнограф // Н. Г. Хлудов. Каталог произведений: живопись и графика. Алматы: Эффект, 2003. С. 15–19.
- Барабанов 2003 – Барабанов Е. К критике критики // Художественный журнал. 2003. № 48-49. URL: <https://moscowartmagazine.com/issue/71/article/1526> (дата обращения: 29.06.2025).
- Барманкулова 2002 – Барманкулова Б. Вступительная статья // 100 лет казахскому портрету. Алматы: Мост, 2002. С. 11–55.
- Гиздатов 2023 – Гиздатов Г. Г. «Остаточные смыслы» и эстетика интермедиальности в романе Павла Залыцмана «Средняя Азия в Средние века» // Quaestio Rossica. 2023. Вып. 11 (4). С. 1432–1444. doi: 10.15826/qr.2023.4.856
- Гиздатов, Алдабергенова 2021 – Гиздатов Г. Г., Алдабергенова А. А. Дискурсивные интерпретации романа Дж. Хеллера «Поправка-22» в переводческой практике // Критика и семиотика. 2021. Вып. 2. С. 160–177. doi: 10.25205/2307-1737-2021-2-160-177

- Гринберг 2025 – Гринберг К. Искусство и культура: критические очерки. М.: V-A-C Press, Artguide s.r.o., 2025.
- Грайс 1993 – Грайс Б. Эстетизация идеологического текста // Грайс Б. Утопия и обмен. М.: Знак, 1993. С. 284–291.
- Грайс 2023 – Грайс Б. Политика поэтики. М.: Ад Маргинем Пресс, 2023. 496 с.
- Грайс 2023а – Грайс Б. Под взглядом теории // Грайс Б. В потоке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2023. С. 29–51.
- Грайс 2023б – Грайс Б. Частные случаи. М.: Ад Маргинем Пресс, 2023.
- Джадайбаев 2024 – Джадайбаев А. «Полотна мои – мои дети, все одинаково дороги для меня» // Абылхан Кастеев. Альбом-каталог. Алматы: ГМИ РК им. А. Кастеева, 2024. С. 26–33.
- Ибраева 2014 – Ибраева В. Искусство Казахстана: постсоветский период. Алматы: Тонкая грань, 2014.
- Комар, Меламид 1982 – Комар В., Меламид А. А. Зяблов: этюд для монографии // Russica-81. New York: Russica publ., 1982. С. 403–408.
- Круглый стол 2019 – Круглый стол: текущее состояние художественной критики. М.: V-A-C Press, Artguide Editions, 2019.
- Маклюэн 2017 – Маклюэн Г. М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2017.
- Мизиано 2015 – Мизиано В. Виктор и Елена Воробьевы: «Художник спит» // Воробьева Е., Воробьев В. Художник спит: каталог. Алматы: Aspan Gallery, 2015. С. 9–19.
- Плахотная 1978 – Плахотная Л. Введение // Кастеев Абылхан: альбом репродукций / сост. Л. Плахотная. Алма-Ата: Жалын, 1978. С. 9–12.
- Пумпянский 2020 – Пумпянский Л. И. Искусство и современность. Очерк одиннадцатый. Выставка картин всех направлений // Филонов П. Аналитическое искусство. Сделанные картины. М.: Акад. проект; Гаудеамус, 2020. С. 373–375.
- Соколова 2015 – Соколова О. В. Дискурсы активного воздействия: теория и типология: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2015.
- Филонов 2020 – Филонов П. Декларация мирового расцвета // Филонов П. Аналитическое искусство. Сделанные картины. М.: Акад. проект; Гаудеамус, 2020. С. 39–43.
- Derrida 1987 – Derrida J. The Truth in Painting. Chicago: University of Chicago Press, 1987.
- Margolis 1965 – Margolis D. The Language of Art and Art Criticism. New Jersey: Prentice Hall, 1965.
- Rule, Levine 2012 – Rule A., Levine D. International Art English: on the rise – and the space – of the art-world press release. Triple Canopy, 2012. URL: <https://publishingforum.wordpress.com/2013/02/13/international-art-english/> (accessed: 30.06.2025).

REFERENCES

- Adorno, T. W. (2001). *Esteticheskaya teoriya* [Aesthetic theory] (A. V. Dranov, Trans.). Respublika.
- Alimbai, N. (2003). N.G. Khludov kak khudozhnik-etnograf [N.G. Khludov as an artist-ethnographer]. In *N. G. Khludov, Katalog proizvedeniy: zhivopis' i grafika* [N.G. Khludov, Catalog of works: paintings and graphics] (pp. 15–19). ZhShS Effekt.
- Baranov, E. (2003). K kritike kritiki [Towards a critique of criticism]. *Khudozhestvennyi Zhurnal*, 48–49. <https://moscowartmagazine.com/issue/71/article/1526>
- Barmankulova, B. (2002). Vstupitel'naya stat'ya [Introductory article]. In *100 let kazakhskomu portretu* [100 years of the Kazakh portrait] (pp. 11–55). Assotsiatsiya Most.
- Borisov, A., & Vilensky, D. (Eds.). (2019). *Kruglyy stol: tekushchee sostoyanie khudozhestvennoy kritiki* [Round table: the current state of art criticism]. V-A-C Press, Artguide Editions.
- Derrida, J. (1987). *The truth in painting*. University of Chicago Press.
- Dzhadaibayev, A. (2024). “Polotna moi – moi deti, vse odinakovo dorogi dlya menya” [“My canvases are my children, all equally dear to me”]. In *Abylkhan Kasteev. Al'bom-katalog* [Abylkhan Kasteev. Album-catalog] (pp. 26–33). A. Kasteev State Museum of Arts of the Republic of Kazakhstan.
- Filonov, P. (2020). Deklaratsiya mirovogo rastsveta [Declaration of Universal Flowering]. In P. Filonov, *Analiticheskoe iskusstvo. Sdelannye kartiny* [Analytical art. Made paintings] (pp. 39–43). Akademicheskiy Proekt; Gaudeamus.
- Gizdatov, G. G. (2023). “Ostatochnye smysly” i estetika intermedial'nosti v romane Pavla Zal'tsmana “Srednyaya Aziya v Srednie veka” [“Residual meanings” and the aesthetics of intermediality in Pavel Zaltsman's novel “Central Asia in the Middle Ages”]. *Quaestio Rossica*, 11(4), 1432–1444. <https://doi.org/10.15826/qr.2023.4.856>
- Gizdatov, G. G., & Aldabergenova, A. A. (2021). Diskursivnye interpretatsii romana Dzh. Hellera “Popravka-22” v perevodcheskoy praktike [Discursive interpretations of Joseph Heller's novel “Catch-22” in translation practice]. *Kritika i Semiotika*, 2, 160–177. <https://doi.org/10.25205/2307-1737-2021-2-160-177>
- Greenberg, C. (2025). *Iskusstvo i kul'tura. Kriticheskie ocherki* [Art and culture: Critical essays]. V-A-C Press, Artguide s.r.o.
- Groys, B. (1993). Estetizatsiya ideologicheskogo teksta [The aestheticization of the ideological text]. In B. Groys, *Utopiya i obmen* [Utopia and exchange] (pp. 284–291). Znak.
- Groys, B. (2023). *Politika poetiki* [The politics of poetics]. Ad Marginem Press.
- Groys, B. (2023a). Pod vzglyadom teorii [Under the gaze of theory]. In B. Groys, *V potoke* [In the flow] (pp. 29–51). Ad Marginem Press.
- Groys, B. (2023b). *Chastnye sluchai* [Private cases]. Ad Marginem Press.

- Ibraeva, V. (2014). *Iskusstvo Kazakhstana: postsovetskiy period* [The art of Kazakhstan: The post-Soviet period]. Tonkaya Gran'.
- Komar, V., & Melamid, A. (1982). A. Zyablov: Etyud dlya monografii [A. Zyablov: A study for a monograph]. In *Russica-81* (pp. 403–408). New York.
- Margolis, J. (1965). *The language of art and art criticism*. Prentice-Hall.
- McLuhan, M. (2017). *Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding media: The extensions of man] (V. G. Nikolaev, Trans.). Kuchkovo Pole.
- Miziano, V. (2015). Viktor i Elena Vorob'evy: "Khudozhhnik spit" [Viktor and Elena Vorobiev: "The artist sleeps"]. In E. Vorob'eva & V. Vorob'ev, *Khudozhhnik spit: Katalog* [The artist sleeps: Catalog] (pp. 9–19). Aspan Gallery.
- Plakhotnaya, L. (1978). Vvedenie [Introduction]. In L. Plakhotnaya (Comp.), *Kasteev Abylkhan: al'bom reproduktsiy* [Abylkhan Kasteev: album of reproductions] (pp. 9–12). Zhalyn.
- Pumpyansky, L. I. (2020). *Iskusstvo i sovremennost'*. Ocherk odinnadtsatyy. Vystavka kartin vsekh napravleniy. Filonov P. Analiticheskoe iskusstvo. Sdelannye kartiny [Art and contemporaneity. Eleventh essay. Exhibition of paintings of all directions. Filonov P. Analytical art. Made paintings]. In P. Filonov, *Analiticheskoe iskusstvo. Sdelannye kartiny* [Analytical art. Made paintings] (pp. 373–375). Akademicheskiy Proekt; Gaudeamus.
- Rule, A., & Levine, D. (2012). International Art English. *Triple Canopy*. <https://publishingforum.wordpress.com/2013/02/13/international-art-english/>
- Sokolova, O. V. (2015). *Diskursy aktivnogo vozdeystviya: teoriya i tipologiya* [Discourses of active influence: theory and typology]. Philology Dr. Diss. Moscow.

Материал поступил в редакцию 01.07.2025

НАЗВАНИЯ ОДЕЖДЫ КАК СРЕДСТВО ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКОГО КОДИРОВАНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Л. В. Дубина

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия
dubina.ludmila@yandex.ru

Шухань Дун

Международная логистическая компания «Байкал», Гуаньчжоу, Китай
1970994393@qq.com

Изучение вестиментарного кода в контексте задач межкультурного обучения требует синтеза лингвистического и семиотического подходов к его описанию. В статье культурный код одежды рассматривается как сложная система, включающая невербальный и вербальный компоненты. В основу представленной модели положена теория коннотативной семиотики Л. Ельмслева, однако она дополняется современными исследованиями в области концептологии, так как именно на уровне концептуальной картины мира происходит переключение кодов. Предмет исследования и теоретические предпосылки делают необходимым также обращение к «Системе моды» Р. Барта, которая подвергается критическому осмыслению.

Проводится последовательный анализ предметного кода одежды (в терминологии Барта – «реальный код»), концептуализации как промежуточного этапа освоения реального кода языком и словесного кода как способа передачи концептуальной информации. Отмечается, что основное содержание реального вестиментарного кода связано с характеристикой человека, а не самой одежды. Выделены разные типы знаков реального кода, отмечена возможность варьирования и развития значений.

Значение концептуальной составляющей выявляется на основе сопоставительного анализа русских и китайских названий одежды и стоящих за ними понятий. Различия в способах осмыслиения предметных реалий выражаются в несовпадении знаков реального и словесного кодов, наличии безэквивалентных единиц и лакун, а также в неполной эквивалентности, причём различия семантики возможны не только на уровне коннотаций, но и на уровне понятийного ядра. В качестве примера национально-культурной специфики вестиментарного кода рассмотрены различия в гендерной специализации названий одежды: в русском языке компонент «мужская» или «женская» является важной частью семантики, но обычно не имеет соответствий в плане выражения языкового знака; в китайском языке названия одежды либо прямо включают определитель «мужской», «женский», либо гендерно нейтральны.

Исследуются механизмы выражения реального кода знаками языка как на уровне слова, так и на уровне синтаксических структур. Описано

три типа конструкций, которые позволяют реализовать отношение *предмет одежды – человек*: предикативное описание, непредикативное описание и метонимический перенос. Наиболее перспективной в плане изучения представляется вторая – синтаксический оборот «человек / люди в ...». Данная конструкция может быть использована для комплексного представления вестиментарного кода в рамках обучения русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: коннотативная семиотика, названия одежды, вестиментарный код, реальный код, словесный код, коннотация, концепт, русский язык, китайский язык, преподавание языков

CLOTHING NAMES AS A MEANS OF LINGUO-SEMIOTIC CODING OF CONCEPTUAL INFORMATION

Lyudmila V. Dubina

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia
dubina.ludmila@yandex.ru

Shuhan Dong

Guangzhou Baikal International Logistics Group Co., Guangzhou, China
1970994393@qq.com

Modern intercultural education involves integrating language and culture in the educational process. For this purpose, it is necessary to develop descriptive models of the cultural code, which would include a verbal and non-verbal component. The idea of connotative semiotics by L. Hjelmslev can serve as the basis for such a model. Names of clothes and clothes themselves as a social and cultural code – how are they related? This is the question we are trying to answer. R. Barthes made a similar attempt in *The System of Fashion*, but in his concept, clothes are only an expression of fashion as a quasi-value of bourgeois society. We partially use Barthes' terminology, but we explore the code of clothes without imposed connotations. The “real” clothing code is a visual code, where clothing itself is a sign. However, an object cannot signify itself, so the content of the sign in this case is different from clothing. But this is not the entire outside world, as Barthes claims. We believe that clothing as a sign defines a person, and all other meanings derive from this. Clothing can indicate a social status, a role, personal qualities, group membership, and express any of these meanings as an abstract idea. According to Saussure's theory, the signifier of a word is an acoustic image, while the signified is a mental representation of an object or concept. The content of a linguistic sign is not identical to the object itself, and the concept serves as a necessary link. The importance of a concept is not obvious to a native speaker, who sees a direct connection between a

word and a thing, but it becomes noticeable when languages are compared. Differences in the ways of understanding objective realities are expressed in the discrepancy between the signs of the real and verbal codes, the presence of non-equivalent units and lacunae, as well as in incomplete equivalence, and semantic differences are possible not only in connotations, but also in the conceptual core. When comparing Russian and Chinese, we find that Russian names for clothing define it as either male or female, but this meaning is not reflected in the structure of the word. In Chinese, the name of a piece of clothing either contains the corresponding marker or is gender-neutral. The meaning of a clothing name can refer either to the item of clothing or to its cultural significance, in the latter case, a connotation arises. However, the meaning of a word is only revealed in context. The minimum context that can reveal both sides of a "real" sign in a language is a syntactic construction that describes a person based on their clothing. There are three types of such constructions in Russian: predicative description, non-predicative description, and metonymy. The second option, "человек/люди в...", appears to be the most promising in terms of study. This construction can be used to comprehensively represent the clothing code (including both non-verbal and verbal components) in the context of teaching Russian as a foreign language.

Keywords: cconnotative semiotics, clothing names, vestimentary code, real code, verbal code, connotation, concept, Russian, Chinese, language teaching

DOI 10.23951/2312-7899-2025-4-58-78

Введение

Более ста лет назад была опубликована книга, послужившая фундаментом двух наук – структурной лингвистики и семиологии (семиотики), определив как их тесную связь, так и последующее расхождение. Труд Фердинанда де Соссюра был в первую очередь о лингвистике, семиология лишь обозначалась как возможность, как гипотетическая наука, способная «открыть нам, из чего состоят знаки и какими законами они управляются» [Saussure 1971, 33]. Но, анонсировав семиологию как науку будущего и указав, что лингвистика должна стать лишь частью этой общей науки, Соссюр сразу же призвал сосредоточиться на том, что составляет специфику языка как системы, и отделить объект языкоznания от всего «внешнего».

Такое ограничение объекта лингвистики с самого начала было искусственным, что вполне осознавали ранние структуралисты.

¹ Учение Ч. Пирса о знаках было создано раньше, но получило широкую известность только к середине XX века.

Как писал Л. Ельмслев, доказывая необходимость этого ограничения, «...невнимание к языку вызывается самой природой языка, который в первую очередь является средством познания, а не его целью. Только искусственно можно направить луч света на само средство познания» [Ельмслев 2006, 31]. И, как мы видим на примере теории самого Ельмслева, границы «внутренней лингвистики» были слишком тесными, чтобы вместить в них все значение языка. Заключительная часть «Пролегоменов к теории языка» – это рассуждение о взаимодействии знаковых систем, о коннотации и метасемиотике.

Было бы упрощением назвать предметом лингвистики естественный язык, а предметом семиотики – невербальные знаковые системы. Скорее, можно сказать, что семиотика продолжила рассмотрение тех общих проблем знаковых систем, которые структурная лингвистика вывела за скобки. Но на практике лингвистика и семиотика часто противопоставляются по предмету, а не по задачам, что особенно заметно в последние десятилетия, когда структурная парадигма лингвистики сменилась антропоцентристической, а «внутренняя» лингвистика уступила позиции «внешней».

Для того чтобы заложить основы, требовалось разделение; для того чтобы двигаться дальше, требуется синтез. Этот поиск нового синтеза – наиболее заметная черта современных гуманитарных исследований, которая проявляется в междисциплинарности, развитии комплексных дисциплин, таких как лингвокультурология, теория межкультурной коммуникации или теория дискурса. О необходимости консолидации исследований в семиотике, «которая требует усиления взаимодействия с другими дисциплинами», рассуждает Амир Биглари из университета Сорбонны, отвечая на вопросы редакции журнала «Труды по знаковым системам» [Kull, Velmezova 2024, 548].

Однако синтез не достигается простым расширением предмета исследования или сложением методов. Особенно наглядно это видно на примере прикладных наук, таких как лингводидактика и методика обучения иностранным языкам. Здесь обучение языку понимается как обучение коммуникации на этом языке, а с начала XXI века – *межкультурной коммуникации*. Культура, как материальная, так и духовная, становится таким же предметом изучения, как и язык, но для успешного освоения культуры недостаточно просто рассказать о ней. Во-первых, такое объяснение будет слишком сложным для ранних этапов обучения и запоздалым для продвинутого. Во-вторых, даже доступное объяснение останется просто

интересной информацией. В-третьих, коммуникация – процесс двусторонний. Пытаясь прояснить культурные особенности и различия, мы нередко обнаруживаем недостаточность собственной рефлексии. Увидит ли носитель русского языка какой-то особый культурный смысл в словосочетании «верхняя одежда»? Очевидно, нет. По крайней мере мы ни разу не встретили каких-либо комментариев по этому поводу. Но при переводе на английский мы получим *outerwear*, при переводе на китайский – *外衣*. И то и другое соответствует по общему смыслу, но по внутренней форме слова это «внешняя одежда». Наличие перевода порождает иллюзию эквивалентности, которая маскирует глубинное различие как минимум в языковой картине мира, а возможно, и в пространственном мышлении.

Для выявления таких различий недостаточно просто сопоставительного анализа, необходим двойной взгляд с точки зрения носителей разных языков. С другой стороны, необходимо понимание того, как действительность преломляется в сознании и отражается в языке, чтобы выработать эффективную методику обучения.

Цель данной работы – изучить способы и средства отражения в языке концептуальной информации, связанной с одеждой, для дальнейшего применения результатов в практике преподавания русского языка как иностранного (РКИ).

Методы и материалы

Методологической основой исследования послужила теория многоуровневой семиотики Л. Ельмслева, а также труды по когнитивной лингвистике и лингвокультурологии (Н. Ф. Алефиренко, В. А. Маслова, И. А. Стернин, В. Н. Телия). При анализе материала использовались метод научного описания, сопоставительный метод, метод компонентного анализа.

Материалом для анализа стали русские и китайские названия одежды, сопутствующая лексика, речевые структуры, связанные с описанием одежды. Источником материала послужили как словари, так и непосредственное наблюдение. Для исследования речевых структур и контекстуального анализа привлекались материалы Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Результаты

Названия одежды представляют интерес для изучения по ряду причин. Во-первых, это слова, играющие важную роль как в по-

вседневной коммуникации, так и в «высоких» сферах, например в художественной литературе. Во-вторых, одежда сама по себе может выступать как культурный код. Наконец, значение одежды и значение названий одежды взаимосвязаны, хотя и не одинаковы. Таким образом, мы можем рассматривать двойную систему *названия одежды / одежда как пример коннотативной семиотики*, по Ельмслеву.

Модель такой системы была представлена Р. Бартом в «Системе моды», но не все его положения кажутся нам убедительными. Прежде всего мы считаем необходимым уделить большее внимание реальному коду, так как именно он является означаемым коннотативной семиотики и источником собственно коннотации. Основная идея состоит в том, что одежда служит для обозначения социальных и, в меньшей степени, индивидуальных характеристик человека, который её носит, и все прочие значения одежды как визуального знака являются производными от этого.

Далее мы рассматриваем концептуализацию как необходимое условие перехода от неверbalного кода к верbalному. Этот этап малозаметен внутри одного языка и культуры, но становится очевидным при сопоставлении языков, когда обнаруживаются различия не только в лексике, но и в системе понятий. Названия появляются как результат выделения, категоризации, интерпретации и оценки явлений и предметов внешнего мира, и на каждом из этих этапов может проявиться национально-культурная специфика. В частности, исследование семантических категорий названий одежды показывает наличие у данной группы слов в русском языке гендерных коннотаций, нехарактерных для китайского.

Возможности слова передавать культурные коннотации ограничены, поэтому полноценная отсылка к реальному коду возможна только на уровне синтаксических структур. Наиболее продуктивной в русском языке является непредикативная описательная конструкция «человек / люди в ...», которая включает обе стороны вестиментарного знака и тем самым позволяет раскрыть его смысл в рамках словесного кода. Подобные структуры просты, достаточно универсальны, дают возможность описания не только традиционного, но и актуального вестиментарного кода, и потому могут стать ключом к синтезу языка и культуры в рамках обучения РКИ.

Обсуждение

В финале своей работы «Пролегомены к теории языка» Л. Ельмслев описывает ситуацию, когда либо план выражения, либо план

содержания знаковой системы сам является знаковой системой (семиотикой). Такую систему он называет коннотативной и наряду с этим вводит понятие метасемиотики, которая является инструментом анализа и языком описания коннотативной семиотики и которая направлена на исследование всей иерархии знаковых систем. «Совершенно очевидно, что можно и необходимо к коннотативной семиотике добавить метасемиотику, продолжающую анализ конечных объектов коннотативной семиотики» [Ельмслев 2006, 144]. И далее автор прямо указывает, что задачи метасемиотики включают анализ «географических и исторических, политических и социальных, сакральных, психологических материалов содержания», в том числе связанных с нацией, личностью и т.д. [Ельмслев 2006, 144].

Идеи Ельмслева вдохновили Р. Барта на создание «Системы моды», где была предложена модель коннотативной семиотики на материале описаний одежды. В этой работе он ввёл термин «вестиментарный код» и разграничилил несколько уровней этого кода. Однако семиотическая модель Барта целиком и полностью определялась избранной точкой зрения: он шёл от облигаторной коннотации моды к языку и вещи. Поэтому настоящим объектом исследования в «Системе моды» являлась мода, а не одежда. Эта книга оказалась настолько ярким событием, что и сейчас вестиментарный код зачастую отождествляется с модой и стилем, но мы полагаем, что круг значений одежды намного шире. Поэтому, выстраивая свою версию взаимодействия знаковых систем, мы берём за точку отсчёта невербальный (визуальный) код одежды, или, в терминологии Барта, *реальный код*.

Для реального вестиментарного кода означающим будет сама одежда как материальный предмет, а также её внешние признаки: цвет, покрой, материал, декоративные элементы, общее качество и состояние. Означаемое Барт определяет максимально широко: «С одной стороны – формы, материалы, цвета, с другой – ситуации, занятия, состояния, настроения; или, ещё проще, с одной стороны одежда, с другой – внешний мир» [Барт 2003, 55]. Но мы не можем принять такое обобщение. Для семиологии Соссюра и Ельмслева важно различие между субстанцией и формой. Внешний мир можно рассматривать как содержание-субстанцию, но означаемое как содержание-форма становится таковым только в тот момент, когда соединяется со своим означающим и тем самым выделяется и противопоставляется другим фрагментам плана содержания. Следовательно, означаемым реального кода будет совокупность конкретных значений одежды, «связанных с имущественными, ре-

гиональными, социальными различиями, природно-климатическими условиями жизни и быта народа» [Калинина, Захарова 2025, 27].

Обратим внимание на то, что эти различия касаются людей и социальных групп, а не самой одежды. Одежда как знак существует не сама по себе, она существует по отношению к человеку. Конечно, то же самое можно сказать о любом предмете материальной культуры. Пища, мебель или здания тоже не существуют сами по себе – они создаются человеком, и если имеют какой-то смысл, помимо практического, то этот смысл вкладывается в них человеком и обществом. Но в случае с одеждой человек выступает не только как субъект, но и как объект семиозиса. Одежда – часть внешнего облика, которая не связана непосредственно с телом и потому может быть легко изменена. Именно это позволяет одежде служить указанием на социальное положение или национальную принадлежность, пол или профессию. Мы можем оценить и саму одежду как *дорогую / дешёвую, красивую / некрасивую, удобную / неудобную*, но можно ли утверждать, что «красивое» или «дорогое» – это содержание знака «платье»? В той же степени, в какой определение «изящная фраза» отражает содержание этой самой фразы, платье в данном случае выступает как конечный объект оценивания с точки зрения субъективных критериев или в рамках другой семиотической системы (например, эстетического кода данной культуры или системы моды), но не в качестве носителя информации *per se*.

Одежда становится знаком не в тот момент, когда мы отмечаем, что она красивая или дорогая, а лишь тогда, когда устанавливаем отношение: «*Х носит дорогую одежду, следовательно, Х богат*» (или, абстрагируясь от конкретной ситуации: *дорогая одежда = богатство*). Данное суждение может оказаться не соответствующим действительности (например, *Х носит дорогую одежду, потому что хочет убедить всех, что он богат, хотя это не так*), однако это не отменяет главного тезиса: одежда как знак определяет человека, а не саму себя. Смешение культурных кодов – первая проблема на пути описания семиотики одежды.

Сложность изучения реального вестиментарного кода связана также с его подвижностью, которая проявляется в двух аспектах. Во-первых, социальные характеристики человека могут быть как статусными (то есть относительно постоянными), так и ролевыми. Мы узнаем делового человека по строгому костюму, спортсмена – по футболке и шортам (или другим деталям экипировки), охотника-рыболова – по плотной закрытой одежде и высоким сапогам, но что мешает бизнесмену или чиновнику заниматься спортом или

увлекаться охотой? Смена социальной роли обычно сопровождается сменой одежды, что диктуется не только правилами, но и здравым смыслом. Поэтому в категорию означаемого одежды входят не только люди, но и ситуации.

Второй аспект – историческая изменчивость и территориальное варьирование. Исторические изменения связаны как с появлением новых предметов одежды, так и с изменением их значения. Е. А. Кузнецова, исследуя историю «униформы» художника, отмечает, что «худи является продолжением традиции “бедного стиля” в творческой среде» [Кузнецова 2025, 96]. Теперь это такая же черта художника, как ранее блуза или грубая рубашка. Подобные изменения можно наблюдать и в любой другой униформе – с кавычками или без. Изменение плана выражения знака при сохранении содержания позволяет говорить о существовании устойчивых социальных концептов, или, скорее, архетипов, связанных с одеждой. Это могут быть как архетипичные социальные роли (*солдат, художник, бродяга, невеста*), так и архетипичные ситуации (*свадьба, праздник, поход*). Изменение плана содержания обычно связано со сменой функции. Так, рваная одежда первоначально указывала на крайнюю бедность человека, но в 1970-е годы в западных странах она становится знаком принадлежности к панк-культуре, а позже – просто частью молодёжной моды, без какого-либо протестного значения. Такую же эволюцию описывает Е. А. Кузнецова для худи, а Е. М. Мартынова – для джинсов [Мартынова 2019]. Вообще можно отметить определённую тенденцию развития значений (по аналогии с языком мы могли бы назвать её моделью переноса значения): *рабочая одежда или одежда социальных низов – символ контркультуры – повседневная одежда молодёжи*.

Территориальное варьирование связано в основном с традиционной культурой, которая складывалась в условиях относительной изоляции и неизменности быта, что позволяло вестиментарному коду закрепиться. Поэтому в научной литературе наибольшее внимание уделяется семиотике традиционного народного костюма. Одно из первых исследований на эту тему – классическая работа П. Г. Богатырева “Funkcie kroja na Moravskom Slovensku”, опубликованная в 1937 году; среди последних можно упомянуть цитированную выше статью М. В. Калининой и М. А. Захаровой об одежде донских казаков или исследование свадебной обрядовой одежды южнорусского села Е. Ю. Скачковой. Но следует отметить, что само значение традиционной одежды в эпоху глобализации тоже меняется. Народный костюм перестаёт быть частью бытовых практик и

сам становится символом, сакрализуется, причём, как верно отмечает Е. Ю. Скачкова, это происходит «на основе авторских интерпретаций <...> духовной культуры, часто имеющих мало общего с объективной исторической реальностью» [Скачкова 2023, 119].

Неустойчивость реального вестиментарного кода может вызвать сомнение в его значимости, если воспринимать её просто как помеху. Но мы склонны согласиться с Е. А. Мартыновой в том, что «именно склонность вестиментарных кодов к постоянным модификациям позволяет им служить индикаторами социальных изменений, придавая одежду статус социального знака или символа» [Мартынова 2019, 131].

Отдельно стоит остановиться на термине «символ». Чарльз Пирс относит к символам знаки, в которых связь означаемого и означающего устанавливается на основе конвенции. В обычном же словоупотреблении символами называют образные знаки, связанные с каким-либо абстрактным понятием или идеей. Например, «голубь – символ мира», «белый цвет – символ чистоты и невинности». Такое понимание символики очень сильно влияет на интерпретацию реального кода одежды, заставляя даже полностью игнорировать другие компоненты значения. Но с точки зрения семиотики *все* социальные знаки вестиментарного кода являются символами, так как правила ношения одежды – это конвенция. Воспринимаем ли мы белое платье как указание на то, что девушка в ситуации «свадьба» играет роль «невеста», или как указание на чистоту и невинность, – в обоих случаях это символический знак.

Существуют и знаки другого типа. Такие характеристики одежды, как материал, плотность и т.п., могут рассказать о климатических и природных особенностях региона и о занятиях людей, проживающих в нем, а в рамках конкретной ситуации сообщить, например, о времени года, погоде. Эти характеристики приобретают знаковую функцию только с точки зрения интерпретатора, они являются естественным следствием той ситуации, которую обозначают, и потому могут быть отнесены к знакам-индексам, по классификации Пирса.

Этот краткий обзор показывает, что реальный код одежды является полноценной знаковой системой, в которой можно выделить разные типы знаков и разные типы значений. Также следует отметить, что одежда как визуальный символ может целенаправленно использоваться в коммуникации для сообщения информации (как истинной, так и ложной), что делает актуальным изучение её роли в дискурсивных практиках.

Далее, следуя логике Ельмслева и Барта, мы предполагаем, что реальный код одежды соотносится со словесным кодом, при этом содержание реального кода на уровне языка проявляется как *коннотация*.

Термин «коннотация» в самом общем виде означает дополнительный или сопутствующий смысл, но имеет множество трактовок. В данном случае наиболее близким будет понятие культурной коннотации, которая определяется как «интерпретация денотативного или образно мотивированного аспектов значения языкового знака в категориях культуры» [Телия, Опарина 2011, 145].

Словесный вестиментарный код Р. Барт рассматривает в двух вариантах – как терминологическую систему и риторическую систему. Терминологическая система, или номенклатура, включает в себя языковые единицы, служащие для описания одежды. Единицей риторического кода является фраза – высказывание об одежде, в рамках которого, по мнению Барта, только и может быть реализована коннотация. Лингвист сказал бы, что первый код принадлежит языку, второй – речи.

Означающим для языкового знака является акустический образ, означаемым – представление о соответствующей реалии или понятие. При этом словесный знак не просто указывает на предмет, а находится с ним в сложных отношениях.

Например, носители русского языка обозначают словом «халат» три вида одежды: домашнюю, рабочую и этническую одежду восточных народов. В китайском языке каждой разновидности халата будет соответствовать своё название: 家居袍 (домашнее платье); 工作服 (рабочая одежда), а «халат» в третьем значении на поверхку может оказаться 大褂 (dàguà¹), 汉服 (hàn fú) или 长袍 (chángpáo), то есть обозначать разные виды традиционной одежды. Получается, что слово «халат» в каждом конкретном случае употребления может быть переведено на китайский язык, но в китайском языке, в отличие от русского, обозначаемые реалии будут объединены лишь на уровне общей категории «одежда».

Эти различия укладываются в Соссюровское понимание значимости (value) языкового знака, но Соссюр лишь констатировал, что разные языки по-разному членят план содержания, не вдаваясь в детали. Если же мы попытаемся объяснить это различие, то должны будем к двум элементам схемы добавить третью – *концепт*.

Понятие «концепт» восходит к размышлению средневековых схоластов о связи имени и вещи через *идею*. В современной линг-

¹ Фонетическая запись вместо перевода приводится для безэквивалентных единиц.

вистике концепт рассматривается как «принадлежность сознания человека, глобальная единица мыслительной деятельности» [Стернин 2016, 49]. По отношению к вещи концепт – это опыт её познания, по отношению к слову – содержание, которое требует выражения, при этом значение слова, как правило, отражает лишь часть содержания соответствующего концепта. Между единицами языка и мышления нет точного соответствия, так же как между единицами языка и элементами реального мира.

В лингвистике концепты обычно рассматриваются как устойчивые ментальные конструкты, зафиксированные в виде набора языковых знаков и проявляющиеся «в семантике слова, в его внутренней форме, в семантике грамматических феноменов, в синтаксисе» [Маслова 2016, 79]. Н. Ф. Алефиренко, противопоставляя концепт и логоэпистему, отмечает, что «...нам вербализованные концепты, выступая в функции отражения культурно-обусловленных представлений человека о соответствующем объекте окружающего мира <...> даны как неизменные сущности» [Алефиренко 2014, 158]. И. А. Стернин предполагает, что не все концепты вербализованы, а наличие вербализации и её степень обусловлены коммуникативными потребностями.

Мы понимаем это так, что именно проявление в виде словесного кода делает концепт устойчивым. Сам опыт познания мира и его реалий не может быть неизменным и универсальным, но, закреплённый в форме знаков языка, он становится доступным для сохранения и передачи. Поэтому связь словесного и реального кодов – не односторонняя. Социальные и культурные концепты, связанные со статусом, профессией, социальной ролью, могут быть выражены при помощи невербального кода одежды, но возможность выделения и обсуждения этих концептов завязана на словесный код. Вот почему Р. Барт выбирает для изучения описание одежды, а не предмет или изображение. Но так как система *слово–концепт–предмет* неиерархическая и представляет собой, скорее, пересечение трех сфер: предметного мира, языка и мышления, то и результат «рефлексии о смысле» будет сильно зависеть от точки отсчёта.

Тем не менее именно концепт – необходимое связующее звено для объяснения взаимодействия реального и словесного кодов. Барт предлагает рассматривать терминологическую систему естественного языка как метаязык, где означаемое языкового кода (денинтивная семантика) служит означающим для реального кода. Но семантика слова и даже фразы не всегда охватывает обе стороны реального знака. Сравним два примера.

1. «Я достал из внутреннего кармана шубы крохотный фотоаппарат и сделал несколько снимков» (Сергей Лапоников. Охота // Дальний Восток. 2019) [НКРЯ].
2. «Жена пилит: «Вот у Ирки муж на таможне, так у неё шуба»». (Александр Бармин. Трудолюбы, дармоеды и кибернетика // Дальний Восток. 2019) [НКРЯ].

В первой фразе название представляет сам предмет одежды, его значение в культуре несущественно. Во втором примере шуба выступает как знак материального благосостояния, некая стереотипная женская мечта. Название одежды реализует коннотацию «богатство», «роскошь», которая является одним из значений реального знака, и в этом случае мы можем говорить о коннотативной семиотике, но не о метаязыке. Высвечивая ту или иную сторону реального знака, слово-название не объясняет знак в целом, является элементом, но не инструментом его описания.

Коннотация не является обязательной; наличие коннотации связано с выходом за пределы одного кода (например, языка); концепт объединяет все коды, в рамках которых данный предмет или понятие может выступать как означаемое или означающее, – вот несколько промежуточных выводов, которые мы можем сделать из анализа вестиментарного кода как коннотативной семиотики. Но в дополнение следует сказать, что концептуальная информация, представленная в слове, не ограничивается коннотацией. Понятийное (сигнификативное) значение также концептуально. Понятие связано с ядром концепта, коннотация – с его периферией, и границы между ними достаточно условны.

Вернёмся к примеру с халатом. В русском языке «халат» – это любая длиннополая одежда с запахом, изначально без застёжек, но в XX веке халатом стали называть и одежду с пуговицами по всей длине. Сам предмет был заимствован у тюркских народов, название имеет арабское происхождение и первоначально означало «парандое платье». В XVIII веке в связи с модой на восточные мотивы халат начинают использовать как домашнюю одежду представители высшего общества. Домашний халат ассоциируется с комфортом, удобством, неофициальной обстановкой, а также леню и небрежностью. Его противопоставляют мундиру, как неформальную одежду формальной¹, отсюда «халатность» – небрежное отношение к порученному делу. В конце XIX века похожую одежду начинают использовать врачи для защиты основной одежды от загрязнений и соблюдения требований антисептики (халат из дешёвой ткани

¹ Вспомним историю о том, как Г. А. Потемкин в военном лагере встречал гостей в халате.

можно было часто менять и стирать). С той же целью рабочий халат вводится и на производстве. Признаками, которые связывают все эти предметы одежды, являются внешний вид (покрой) и, отчасти, удобство. Но эта связь существует только в сознании носителей русского языка, то есть на уровне концепта. В китайском языке на первом месте – функция (домашнее платье, рабочая одежда), поэтому обобщающее понятие, аналогичное русскому «халат», отсутствует.

Как отмечает И. А. Стернин, национальная специфика концептов может проявляться в различии одноименных концептов, а также в наличии эндемичных (свойственных только определенной культуре) и лакунарных (отсутствующих в данной культуре) концептов [Стернин 2016, 50].

В изучении лакун большую роль играет семантическая категоризация – выделение классов предметов и соответствующих понятий. По определению В. А. Масловой, «категоризация – это включение сущностей объективного мира в определенную рубрику» [Маслова 2019, 187].

Одежда может быть классифицирована по функции (рабочая, спортивная, домашняя), по регистру (формальная, неформальная), по социовозрастным признакам (мужская, женская, детская), по стилю, месту на теле, близости к телу и т.д. По большей части эти рубрики универсальны, так как выделяются на основе объективных факторов, таких как анатомия и физиология человека, общие принципы устройства общества. Различия связаны с большей или меньшей значимостью фактора и наполнением категории.

Одно из самых заметных различий между русским и китайским языками касается гендерной специфики названий. В китайском языке «наименования мужской и женской одежды отличаются тем, что перед существительным добавляется иероглиф, обозначающий мужской или женский род» [Ван 2012, 74]. В тех случаях, когда такое указание отсутствует, название используется как гендерно нейтральное (短衫 – это и рубашка, и блузка)

В русском языке существует гендерная привязка названий одежды. Рубашка и пиджак – это преимущественно мужская одежда, а блузка и жакет – исключительно женская. Причём заметна асимметрия: «женский» словесный код одежды довольно жёсткий, а «мужской» – более мягкий. Возьмём для примера обувь. «Босоножки» могут быть только женскими, хотя мужчины тоже могут носить обувь с открытыми пяткой и носком, но мужской вариант называется «сандалии». Выражение «мужчина в босоножках» будет

воспринято носителями русского языка как «мужчина в женской обуви». Примером «мужского» названия в русском языке может служить «свитер». Проанализировав данные НКРЯ за последние десять лет (53 примера), мы обнаружили, что свитер 41 раз упоминается при описании мужчин и только 6 раз – при описании женщин (в остальных 6 случаях – безотносительно к полу), но все же выражение «девушка в свитере» воспринимается как вполне нормальное.

Если говорить о реальном коде одежды, то требования к мужчинам, напротив, более жёсткие. Женщины могут носить мужскую одежду, но не наоборот. Ношение женской одежды мужчиной в российской культуре оценивается однозначно негативно.

В китайской культуре ситуация иная. Например, персонаж классического романа Цао Сюэциня «Сон в красном тереме» благородный юноша Цзя Баоюй любит носить женские украшения и обувь (туфли с пятицветной вышивкой), но это трактуется как отражение его изящества и утончённости, а не нарушение социальных норм. Любопытно, что в русском переводе все указания на «женский» характер аксессуаров сняты.

Трудность в том, что гендерный код одежды в русском языке очень слабо выражен на уровне означающего словесного знака. Всякому носителю русского языка понятно, что блузка – женская одежда, но непонятно, где искать этому объяснение. Ни внутренняя форма слова, ни его структура не указывают на это. Единственный и нерегулярный маркер – диминутивы. Названия с уменьшительными суффиксами, как правило, обозначают женскую и детскую одежду: «туфельки», «курточка», «шубка», «халатик», «трусики». В то же время диминутивы используются и в их основной функции – для указания на малый размер или субъективное отношение.

Помимо того, что категоризация помогает обнаружить национальную специфику концепта, она также способствует экономии словесного кода. Количество видов и названий одежды очень велико; если включить в список все разновидности, фасоны и бренды – огромно. Даже носители языка не всегда ориентируются в них, поэтому достаточно часто используют обобщённо-описательные конструкции: «военная форма», «спортивный костюм», «строгий костюм», «народный костюм». Такие номинации выдвигают социально-функциональное значение одежды на первый план, говорят о нем прямо, а не опосредованно.

Изучение культурных коннотаций названий одежды обычно проводится на материале метафор, идиом, фразеологизмов. Это

вовсе не означает, что код культуры не может проявляться в языке иным образом, но в образно-экспрессивных структурах он наиболее очевиден. Л. О. Чернейко и Жэнь Цзялу обращают внимание на то, что что коннотации, закреплённые в идиомах, «могут базироваться как на реальных свойствах предметов культуры и ситуациях, в которые они вовлечены <...> так и на тех, что переосмыслены творческим сознанием носителей языка» [Чернейко, Жэнь 2023, 370]. Так, выражение «снять шляпу» означает «выразить уважение» и связано с аналогичным значением самого действия. А вот «снять последнюю рубашку» – это уже метафора щедрости, готовности прийти на помощь.

Исследование семантики фразеологических единиц и стоящих за ними прототипных ситуаций имеет большое значение для понимания культуры народа, но, как бы ни был интересен этот материал, есть две проблемы, которые ограничивают его полезность в контексте нашей задачи. Первая связана с тем, что идиомы слабо отражают современные реалии. Вторая – с тем, что средством кодирования концептуальной информации здесь является именно ситуация, а не название одежды. Так, например, «остаться без штанов» означает «потерять все, впасть в крайнюю нищету». Данная идиома репрезентирует концепт «бедность», но у самого слова «штаны» такой коннотации нет. Другой пример: выражение «шапками закидать» означает лёгкую победу, обычно используется для осуждения хвастовства. Здесь шапка – это просто мягкий и лёгкий предмет, максимально далёкий от оружия. Предмет становится частью ситуации, ситуация – частью образного ряда, и итоговое значение может оказаться весьма далёким от вестиментарного кода.

Более перспективным нам представляется изучение устойчивых синтаксических моделей, связанных с описанием одежды, а точнее, одетого человека. Так как значение одежды связано с характеристикой человека (мы говорили об этом выше), то именно такое описание будет наиболее простым способом перевода реального вестиментарного кода в словесный. Можно выделить три варианта языковых структур, выполняющих эту функцию в русском языке.

1. Предикативная описательная конструкция. Предложения вида «На нем / ней было (название одежды)», «Он был одет в (название одежды)» или номинативные предложения, соотносимые с образом персонажа в контексте.

На нем был офицерский сюртук без эполет и черкесская мохнатая шапка. (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени) [НКРЯ].

2. Непредикативная описательная конструкция: «Человек / люди в (название одежды)».

Внешне Гриша больше походил на уездного рок-музыканта в потёртых джинсах, растянутом свитере, с длинными белобрысими волосами, собранными в чутЬ засалившийся хвост. (Михаил Елизаров. Библиотекарь) [НКРЯ].

3. Метонимический перенос «одежда–человек»

Ступенькой выше кожаная куртка говорит красному пальто: «... Ну, ты Таньку знаешь – у неё не один эс, а эс-бухгалтерия. (Михаил Бару. Записки понаехавшего) [НКРЯ].

Непредикативные конструкции наиболее распространены, в том числе и в разговорной речи. Они могут быть частью образного описания или оформлять высказывания сугубо информативного характера (обычная фраза в очереди: «За мной был мужчина в черной куртке», где описание одежды служит лишь идентификатором и не несёт никакого дополнительного смысла). Но даже в информативных высказываниях часто содержится указание на реальный вестиментарный код. Например, позиция «человек» может быть занята номинацией человека по полу и возрасту (*мужчина / мальчик / парень / дед / старик; женщина / девушка / девочка / бабушка / старуха*), названием профессии (*художник / повар / лётчик, рок-музыкант, священник*), соционимом (*интеллигент, бандит, деревенщина*), этнонимом (*узбек, бурят, японец*) и др. Таким образом, сама структура синтагмы соотносит название одежды и социальную характеристику её носителя.

Во множественном числе конструкция «люди в (название одежды)» используется для характеристики социальных групп и ситуаций. Некоторые обороты такого рода получили широкое распространение, функционируя фактически как идиомы. Например, выражение «люди в форме» в русском языке обозначает военных или милицию (полицию). Хотя слово «форма» входит в сочетания «школьная форма», «спортивная форма», но ни школьников, ни спортсменов по-русски «людьми в форме» не назовут. Данные НКРЯ подтверждают это наблюдение: все 49 примеров использования оборота касаются представителей силовых структур. Можно предположить, что слово «форма» в российском вестиментарном коде заменило некоторые позиции устаревшего слова «мундир».

Другое интересное выражение – «люди в штатском».

1 июля к воротам особняка «Менатепа» в Колпачном переулке подошли люди в форме и штатском, потребовав открыть ворота и отремонтировавшись охране сотрудниками ФСБ. (Валерий Ширяев. Операция «Заложник» // Новая газета. 09.01.2003) [НКРЯ].

Как видим, данный оборот обозначает вовсе не обычных граждан, а тех, кто принадлежит к силовым структурам, но не носит

форму – работников спецслужб. То есть значение его вторично по отношению к обороту «люди в форме» и определяется противопоставлением.

Что касается метонимии, то она может быть как следствием сокращения описательной конструкции: «люди в белых халатах» – «белые халаты», так и самостоятельной риторической фигурой. В последнем случае имеет место оттенок пренебрежения. Когда человека называют по предмету одежды, это как бы подчёркивает, что личность этого человека несущественна для говорящего. Метонимию надо отличать от метафоры, признаком которой является несводимость к описательной конструкции. Называя человека «шляпой», мы не имеем в виду, что он носит шляпу, а сравниваем со шляпой его самого. Метафорическое значение приобретают лишь некоторые названия одежды, мало связанные между собой, тогда как метонимия представляет собой регулярную модель описания, не слишком частотную, но вполне активную. Функционируя в языке, метонимические структуры могут получать коннотации, связанные уже не с выражением культурного значения реалии, а с закреплением их художественно-образной интерпретации (например, «пикейные жилеты» из романа И. Ильфа и Е. Петрова). Для понимания таких выражений знание реального кода не нужно или даже бесполезно. Это говорит о том, что словесный вестиментарный код не только служит метаязыком для описания реального кода, но и может функционировать независимо от него.

Заключение

Таким образом, вестиментарный код может быть представлен как сложная система, где словесный код (на уровне синтаксических моделей) выступает как означающее, а реальный код – как означаемое, при этом они находятся в отношении пересечения, а не наложения (то есть существует часть реального кода, не выраженная словами, и часть словесного кода, не сводимая к визуальному представлению и социальному значению реалии). Концептосфера выступает в качестве посредника.

Представленные синтаксические модели словесного вестиментарного кода могут быть применены в обучении межкультурной коммуникации для обеспечения комплексного подхода к изучению языка и культуры.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алефиренко 2014 – Алефиренко Н. Ф. Логоэпистемы и знаки косвенно-производной номинации // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2014. № 8. С. 157–170
- Барт 2003 – Барт Р. Система моды: статьи по семиотике культуры / пер. с фр. С. Зенкин. М.: Изд-во Сабашниковых, 2003.
- Ван 2012 – Ван Дань. Национально-культурная специфика лексико-семантической группы наименований одежды в рамках лингвокультурологического подхода к обучению РКИ китайских студентов // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 3. С. 73–75.
- Ельмслев 2006 – Ельмслев Л. Пролегомены к теории языка: пер. с англ. / сост. В. Д. Мазо. М.: КомКнига, 2006.
- Калинина, Захарова 2025 – Калинина М. В., Захарова М. А. Семиотика одежды в языке и культуре донских казаков (шуба, головные уборы, пояс) // Искусство Культура Образование: современные тенденции. 2025. № 1 (5). С. 26–33.
- Кузнецова, 2025 – Кузнецова Е. А. Униформа художника: место худи в гардеробной системе креативного класса // Артикульт. 2025. № 1 (57). С. 90–102.
- Мартынова, 2019–Мартынова Е. М. К вопросу об эволюции вестиментарных кодов // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2019. № 1 (32). С. 130–137.
- Маслова, 2016–Маслова В. А. Духовный код спозиции лингвокультурологии: единство духовного и светского // Метафизика. 2016. № 4 (22). С. 78–97.
- Маслова, 2019 – Маслова В. А. Роль русского языка в концептуализации мира: лингвокультурный аспект // Русистика. 2019. Т. 17, № 2. С. 184–197.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru>
- Скачкова 2023 – Скачкова Е. Ю. Свадебная обрядовая одежда как феномен духовной культуры в южнорусском селе конца XIX – начала XX века: семиотический аспект // Вестник славянских культур. 2023. № 68. С. 118–134.
- Стернин, 2016 – Стернин И. А. Концепты и лакуны // Вестник КРСУ. 2016. Т. 16, № 8. С. 49–52.
- Телия, Опарина 2011 – Телия В. Н., Опарина Е. О. Культурная коннотация как способ воплощения культуры в языковой знак // Культурология. 2011. № 1 (56). С. 145–148.
- Чернейко, Жэнь 2023 – Чернейко Л. О., Жэнь Цзялу. Коннотативные значения имён одежды во фразеологизмах в сопоставительном аспекте (на материале “Russian-English dictionary of idioms” под редакцией С. Лубенской) // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 3 (100). С. 367–370.
- Кулл, Вельmezova 2024 – Кулл К., Вельmezova Е. Semiotics now // Sign Systems Studies. 2024. Vol. 52 (3-4). P. 543–593.

Saussure 1971 – Saussure F. de. *Cours de linguistique. Générale* / Publié par Charles Bailly et Albert Séchechaye avec la collaboration de Albert Riedlinger. Paris: Payot, 1971.

REFERENCES

- Alefirenko, N. F. (2014). Logoepidstemy i znaki kosvenno-proizvodnoy nominatsii [Logo-epistemes and signs of indirect-derived nomination]. *Chelyabinsk State Pedagogical University Bulletin*, 8, 157–170.
- Barthes, R. (2003). *Sistema mody: stat'i po semiotike kul'tury* [The fashion system] (S. Zenkin, Trans.). Izdatel'stvo Sabashnikovykh.
- Cherneyko, L. O., & Ren, J. (2023). Konnotativnye znacheniya imyon odezhdy vo frazeologizmakh v sopostavitelnom aspekte (na materiale "Russian-English dictionary of idioms" pod redaktsiey S. Lubenskoy) [Connotative meanings of clothing names in phraseologisms in a comparative aspect (based on the "Russian-English Dictionary of Idioms" edited by S. Lubenskaya)]. *World of Science, Culture, Education*, 3(100), 367–370.
- de Saussure, F. (1971). *Cours de linguistique générale*. Payot.
- Hjelmslev, L. (2006). *Prolegomeny k teorii yazyka* [Prolegomena to a theory of language] (V. D. Mazo, Comp.). KomKniga.
- Kalinina, M. V., & Zakharova, M. A. (2025). Semiotika odezhdy v yazyke i kul'ture donskikh kazakov (shuba, golovnye ubory, moyas) [The semiotics of clothing in the language and culture of the Don Cossacks (fur coat, headwear, belt)]. *Art, Culture, Education: Contemporary Trends*, 1(5), 26–33.
- Kull, K., & Velmezova, E. (2024). Semiotics now. *Sign Systems Studies*, 2(3–4), 543–593. <https://doi.org/10.12697/SSS.2024.52.3-4.17>
- Kuznetsova, E. A. (2025). Uniforma khudozhnika: mesto khudi v garderobnoy sisteme kreativnogo klassa [The artist's uniform: The place of the hoodie in the wardrobe system of the creative class]. *Artikult*, 1(57), 90–102.
- Martynova, E. M. (2019). K voprosu ob evolyuции vestimentarnykh kodov [On the evolution of vestimentary codes]. *Theory of Language and Intercultural Communication*, 1(32), 130–137.
- Maslova, V. A. (2016). Duhovnyy kod s pozicii lingvokul'turologii: edinstvo duhovnogo i svetskogo [The spiritual code from the standpoint of linguoculturology: The unity of the spiritual and the secular]. *Metaphysics*, 4(22), 78–97.
- Maslova, V. A. (2019). Rol' russkogo yazyka v konceptualizacii mira: lingvokul'turnyy aspekt [The role of the Russian language in the conceptualization of the world: A linguocultural aspect]. *Russian Language Studies*, 17(2), 184–197.
- National'nyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. (n.d.). Retrieved June 29, 2025, from <http://ruscorpora.ru>
- Skachkova, E. Yu. (2023). Svadebnaya obryadovaya odezhda kak fenomen duhovnoy kul'tury v yuzhnorusskom sele kontsa XIX – nachala XX veka: semioticheskiy aspekt [Wedding ceremonial clothing as a phenomenon of spiritual culture in the southern Russian village at the end of the 19th – beginning of the 20th century: a semiotic aspect].

- of spiritual culture in a South Russian village of the late 19th – early 20th century: A semiotic aspect]. *Bulletin of Slavic Cultures*, 68, 118–134.
- Sternin, I. A. (2016). Kontsepty i lakuny [Concepts and lacunae]. *Bulletin of KRSU*, 16(8), 49–52.
- Teliya, V. N., & Oparina, E. O. (2011). Kul'turnaya konnotaciya kak sposob voploscheniya kul'tury v yazykovoy znak [Cultural connotation as a way of embodying culture in a linguistic sign]. *Culturology*, 1(56), 145–148.
- Wang, D. (2012). Nacional'no-kul'turnaya specifika leksiko-semanticeskoy gruppy nazvaniy odezhdy v ramkakh lingvokul'turologicheskogo podhoda k obucheniyu RKI kitayskih studentov [National and cultural specifics of the lexical-semantic group of clothing names within the linguocultural approach to teaching Russian as a foreign language to Chinese students]. *MNKO*, 3, 73–75.

Материал поступил в редакцию 03.08.2025

МЕТАФОРА КАК ИНСТРУМЕНТ ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В МУЗЫКАЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

Л. И. Ермоленкина

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия
arblar2004@rambler.ru

Фуки Ито

Университет Сакуё, Курасики, Япония
sala.virtu.7007@gmail.com

Рассматривается роль метафоры в организации эффективного академического диалога субъектов музыкально-образовательного дискурса, формируемого на пересечении институциональных систем искусства и образования в условиях межкультурного взаимодействия. Задачи работы связаны с анализом факторов, регламентирующих профессиональное взаимодействие субъектов дискурса, и описанием роли метафоры как ключевого когнитивно-языкового инструмента обучения русскому языку как иностранному в профессиональной сфере музыки.

Методологическая база исследования строится на дискурсивном подходе к анализу институционально обусловленной коммуникации и на теории концептуальной метафоры, рассматриваемой в качестве механизма лингвосемиотической интерпретации в процессе языкового обучения. Эмпирическую базу работы составили видеозаписи занятий по исполнительскому мастерству, проводимые преподавателями Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского для японских студентов Университета Сакуё (г. Курасики). Особые условия профессионального общения в этом случае заключаются в необходимости освоить в короткие сроки русский язык (объем языковой подготовки – 58 семестровых часов в течение двух лет). В работе обосновывается положение о том, что обучение языку с активным включением метафорической лексики, текстов, построенных на интерпретации метафор и метафорических моделей, способствует активизации творческого мышления, установлению необходимых для музыкантов связей между музыкальной подготовкой и языковой, а также снятию этнокультурных барьеров.

Метафорические выражения, типичные для академического общения, выполняют не только интерпретационную, но и мотивационную функцию, способствуя формированию когнитивных моделей восприятия музыки и освоению языка-посредника. Метафора рассматривается как когнитивная и коммуникативная универсалия, обеспечивающая успешность диалога и моделирование образной системы на стыке культурных и семиотических кодов. Научная новизна работы заключается в обосновании метафоры как ключевого ресурса межсемиотического перевода, интегрирующего языковое и музыкальное мышление в образовательной практике.

Ключевые слова: музыкально-образовательный дискурс, метафора, лингвокогнитивная функция моделирования, интерпретационный потенциал метафоры

METAPHOR AS A MEANS OF LINGUO-SEMIOTIC INTERPRETATION IN MUSIC EDUCATION DISCOURSE

Larisa I. Yermolenkina

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia

arlar2004@rambler.ru

Fuki Ito

Sakuyo University, Kurashiki, Japan

sala.virtu.7007@gmail.com

The interest of modern humanities in metaphor is determined by its modeling potential and ability to be a linguacognitive mechanism for the formation of national worldviews. The article addresses the challenge of achieving effective sociolinguistic communication within the framework of music education discourse, a hybrid domain that emerges at the intersection of educational and artistic institutions under conditions of intercultural interaction. The study aims to explore the mechanisms by which language becomes integrated into professional consciousness through the interplay of two semiotic systems—verbal and musical. The research objectives include identifying discourse-forming factors in academic communication and examining the role of metaphor as a key cognitive and linguistic tool for facilitating dialogue. The methodological framework combines discourse analysis with the theory of cognitive metaphor, enabling the interpretation of metaphor as a mechanism of intersemiotic transfer. The empirical basis of the study is derived from classroom observations of Japanese students from Sakuyo University (Kurashiki) enrolled in performance courses taught by professors from the Moscow State Tchaikovsky Conservatory. The analysis reveals ethnocultural barriers caused by differences in value systems, educational traditions, and communicative strategies characteristic of Russian and Japanese musical pedagogy. The findings indicate that metaphor-driven instruction enhances intercultural communication by bridging verbal and musical codes, activating associative thinking, and reducing psychological and linguistic barriers. Typical metaphoric expressions in Russian music pedagogy—such as “Play like an emperor” or “Glide as if on ice”—serve not only as interpretative tools but also as motivational triggers, providing students with a nuanced understanding of performance techniques and stylistic intent. These linguistic practices stimulate conceptual integration and foster skills in both musical interpretation and foreign language acquisition. The originality of the research lies in conceptualizing metaphor as a universal cognitive mechanism that underpins successful professional interaction and mediates the dynamic architecture of education discourse. Practical implications involve the application of metaphor-based techniques in teaching Russian as a foreign language within professional music programs, as well as in developing methodologies that combine verbal and non-verbal semiotic resources to promote interpretative and creative competencies. It seems that the competence base

of international students can be strengthened by the skills of linguocultural analysis aimed at developing the ability to interpret the conceptual essence of a metaphor and its ability to convey linguocultural meanings in the communication process and within the limits of the text.

Keywords: music education discourse, metaphor, linguacognitive and interpretative competence, cognitive theory of metaphor

DOI 10.23951/2312-7899-2025-4-79-99

Введение

Проблема порождения эффективной социоречевой коммуникации в границах полидискурсивных единств рассматривается сегодня как междисциплинарная задача, указывающая на актуальность поиска тех механизмов, которые обеспечивают диалогическое взаимодействие с позиции разных институциональных норм, культурных моделей и семиотических систем [Чернявская 2009, Иссерс 2015]. Многочисленные исследовательские проекты в сфере смежных гуманитарных наук спровоцированы интересом к феномену структурных, ценностных и языковых сопряжений, маркирующих междискурсивное взаимодействие различных социальных сфер. В данном случае рассматривается полидискурсивное образование на пересечении институтов образования и искусства. Фокус анализа сосредоточен на языковой и коммуникативной составляющих музыкально-образовательного дискурса. С опорой на исследования в области социоречевых практик [Clark 2005, Pickering, Garrod 2007] укажем на те границы понимания дискурса, которые обусловливают выбор методологии для изучения языковых и когнитивных механизмов междискурсивного взаимодействия. Здесь под дискурсом понимается социоречевая институционально обусловленная практика, реализуемая в выборе соответствующих жанров, стратегий, тактик, языкового репертуара [Иссерс 2015].

Музыкально-образовательный дискурс в работе интерпретируется как процесс использования средств «музыкального языка» для обучения технике исполнительского мастерства, теоретическим основам интерпретации музыки, навыкам анализа произведения как авторского продукта и результата воздействия различных контекстных факторов. Помимо содержательной стороны – сферы музыкального искусства, формируемой на основе музыкального языка и музыкального мышления, музыкально-образовательная формация включает такой дискурсообразующий параметр, как профессиональная коммуникация субъектов, присваивающих себе дискурс на

основе ценностных установок и институционально обусловленных регламентаций в виде жанров, моделей коммуникации, языкового репертуара.

Поскольку академическое музыкальное образование включается в широкий контекст межкультурного взаимодействия, значимым параметром организации дискурсивной практики в этой сфере становится владение языком, обеспечивающим профессиональное общение представителей разных культур. Данная работа инициирована опытом наблюдения академической коммуникации японских студентов университета Сакуё г. Курасики и русских преподавателей Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского. Глобальная цель дискурсивной коммуникации в данном случае заключалась в поиске механизмов «включения» языка в профессиональное сознание через объединение потенциалов двух семиотических систем – языковой и музыкальной.

Обучение японских студентов русскому языку как языку-посреднику, необходимому для профессиональной подготовки, очевидно указывает на те этнокультурные барьеры, которые обусловлены разностью картин мира, культурных норм, ценностных установок и академических традиций. Специфика подходов к музыкальному образованию в России и Японии проявляется прежде всего в выборе коммуникативных стратегий организации учебного диалога. Русская музыкальная культура, построенная на ценностях эстетического и морально-психологического совершенствования природы человека, обусловила демократический стиль общения в профессиональной образовательной сфере, ставящий превыше всего авторитет музыки [Ткачева 2007]. Японская музыкальная традиция долгое время ориентировалась на воспитательные функции искусства и видела задачи музыки в патриотическом воспитании своих граждан [Гвоздевская 2015]. Такие установки и в принципе ценностные доминанты японской культуры определили авторитарный характер любого образовательного общения, предполагающий главенствующую позицию учителя, его непререкаемый авторитет и низкую коммуникативную активность ученика. На предложение преподавателя сообщить о том, что после занятия осталось непонятным, японский студент практически никогда не даст обратную связь. Сложность профессионального взаимодействия с русскими преподавателями проявляется не только в конфликте педагогических стилей, но прежде всего в коммуникации, поскольку академический язык в сфере музыки неизбежно метафоричен и поэтому требует подготовки именно на этом уровне владения лексическими ресурсами.

Методы и подходы

Рассматриваемый в качестве предмета описания способ взаимодействия субъектов музыкально-образовательного дискурса, включающий работу с метафорой как механизмом лингвосемиотической интерпретации, обуславливает выбор методологического инструментария, направленного на анализ понятий музыкального языка, музыкального мышления, музыкальной коммуникации как составляющих эффективного учебного диалога.

В границах дискурсивного подхода рассматриваются факторы, регламентирующие институциональный характер профессионального взаимодействия: соответствующие дискурсу цели, коммуникативные стратегии, жанровые формы профессиональной речи, речевые акты и языковой выбор. Значимым фактором, раскрывающим суть коммуникации, становится динамический характер дискурсивной архитектоники, который проявляется в позициях субъектов, определяющих из условий актуального и настоящего скрипта решаемой педагогической задачи в будущем, развертывание дискурса и направленность его структур на ментально-языковой результат взаимодействия, его оптимум (в понимании концепта «семиотический оптимум», выдвинутого И. В. Мелик-Гайказян [Горбулёва, Мелик-Гайказян 2024], и в его реализациях [Байсултанова и др. 2024; Горбулёва 2024; Мелик-Гайказян 2024; Первушкина 2024]). В качестве способа достижения такой задачи в работе рассматривается метафора как механизм семантического трансфера между верbalной и музыкальной семиотическими системами: то, что важно научиться понимать в музыке, необходимо увидеть в языке, и наоборот. При этом языковое понимание не должно быть ограничено только понятийной составляющей; значимым дискурсивным маркером успешного, состоявшегося взаимодействия является умение считывать коннотативный план значений, поэтому в интерпретацию музыкальных метафор могут быть включены элементы других художественных систем, например поэтического творчества, изобразительного искусства, что помогает активизировать ассоциативный характер восприятия, снять барьеры рационализации.

Анализ когнитивной сущности метафоры как механизма семиотической интерпретации и способа организации коммуникативного взаимодействия предполагает пересечение методологических установок дискурсивного анализа [Черемисин 2004; Clark 2005] и теории когнитивной метафоры [Лакофф, Джонсон 2004, Калашни-

кова 2006], а также процедурное описание элементов, эксплицирующих речевую практику музыкально-образовательного дискурса.

Рассматривая сферу функционирования профессиональной музыкальной подготовки, можно говорить о её сложном характере, обусловленном включением дискурсов разного типа – музыкального, музыковедческого и образовательного. Профессионально маркированный музыкальный язык является в этом случае тем материалом, который должен быть использован в процессе обучения языку-посреднику, то есть при освоении русского языка студенты погружаются не только в его лексику и грамматику, но и экстраполируют эти знания на профессиональный музыкальный язык. Связующим звеном между языками разных типов – изучаемым вербальным, музыковедческим метаязыком и музыкальным – выступает метафора.

Роль метафоры в границах музыкально-образовательного дискурса заключается в том, чтобы установить связь между осваиваемым языком-посредником в профессиональной коммуникации и музыкальным языком – системой средств музыкальной выразительности [Черемисин 2004, 81–82], обуславливающей особую форму творческого – музыкального – мышления. Очевидно, что музыкальное мышление, повторяющее структуры музыкального языка, строится на когнитивных процессах чувственно-эмоционального ассоциирования, когда актуализированный в сознании элемент ассоциативного ряда приводит к появлению другого или других, разворачивая нелинейно связанные ряды собственно музыкальных знаков. Когнитивная специфика музыкального мышления проявляется в его структуре, в которой выделяются эмоционально-чувственный уровень, определяющийся реакциями на внешние или внутренние стимулы (интенции автора) в виде музыкальных образов, и рациональный уровень, характеризующийся способностью находить этим образам соответствующую форму в виде таких структур, как темп, ритм, динамика, гармония, тембр и др. [Елистратова 2003, 58], то есть можно говорить о том, что основная способность музыкального мышления заключается в организации ассоциативных связей и слуховом воображении (умение слышать музыку «у себя в голове»).

При всей специфичности музыкального мышления можно поставить вопрос о механизмах порождения и восприятия музыки, обуславливающих связь двух систем – языковой и музыкальной, которые помогают осваивать музыку как структуру, совокупность ассоциативно связанных между собой знаков. Относительно семи-

отической природы музыки существуют разные подходы, рассматривающие её как автономную знаковую систему и систему, подобную вербальной.

Показательным в плане установления сходства между вербальным и музыкальным языками является исторический, деятельностный способ развития. Так же, как и вербальный язык, музыкальный усваивается неосознанно, в процессе музыкального взаимодействия. На этот момент указывает, в частности М. Ф. Бонфельд, отмечая, что музыкальная среда определяет музыкальное мышление человека, позволяющее как воспринимать, так и производить музыкальные тексты. В отличие от вербальной системы, музыкальная не знает содержательного членения на единицы, обладающие планом значения и планом выражения [Бонфельд 2006, 39]. Несмотря на то, что в музыкальном языке выделяются единицы разных структурных уровней – от отдельных звуков до музыкальных синтагм, содержательным наполнением музыкальные знаки обладают только в составе текста [Бонфельд 2006, 35]. План выражения в музыке становится фактором смысла, матрицей построения значения, неслучайно «природа знака в музыкальном тексте так же специфична, как и в языке поэзии, – носителем значения выступает не слово, а весь текст – сложно построенное единое значение» [Лотман 2000, 378].

Очевидно, что музыкальное мышление воплощается в своей, музыкальной грамматике, обладает собственными стилями выражения, но не предполагает систематического описания своих языковых репрезентантов в виде, например, словаря. При определённых моментах структурного сходства двух семиотических систем единство означающего и означаемого в музыке проявляет себя только на уровне текста, а не его отдельных элементов, что характерно для вербального языка. Музыкальный язык обладает своими специфическими характеристиками, указывающими прежде всего на нелинейный характер развёртывания, измеряемый такими единицами, как мелодия, ритмика, метроритм и др. При этом многие характеристики (например, темп) относятся не к одной «единице» текста, а «растворены» во всём произведении.

Таким образом, музыка выполняет функцию знака (кодирование значения), но не обладает уровнем знака, при этом логично продолжает развёртывание дискурса в особом типе коммуникации как способе общения автора и адресатов при помощи средств музыкальной выразительности [Якупов 1995, 26]. Особая задача музыкальной коммуникации как системы взаимодействия агентов дискурса заключается в её замкнутости на художественных задачах

и в то же время открытости всем сферам жизни общества. Освоение музыкального языка как способа передачи музыкальной информации в границах музыкально-образовательного дискурса сообщает этой задаче уровень метаязыковой сложности, поскольку параллельно в условиях учебного взаимодействия моделируются нормы и установки институционального общения. Выше отмечалось, что при ведении диалога на иностранном языке участникам учебной коммуникации приходится преодолевать немало трудностей, связанных с новизной педагогического стиля, переводом профессиональной речи преподавателя, активно обращающегося к ресурсам речевой образности. В этой ситуации гибкость «переводческой» интерференции двух семиотических систем возможна при условии опоры на смежные когнитивные механизмы, работающие по одним и тем же принципам, по сути, являющиеся межсемиотическими универсалиями.

Согласно Ю. М. Лотману, принципы одного языка оказывают глубокое воздействие на другой, несмотря на серьёзные различия в их грамматиках. Если происходит перевод с недискретно-континуального языка музыки на дискретно-линейный вербальный язык, то он не может быть точным: возможен лишь перевод, который можно считать условно адекватным в отношении к определённому культурному контексту и который при обратном переводе станет основой для нового текста, кардинально отличающегося от исходного [Лотман 2000, 131]. Невозможность точного перевода в данном случае является следствием различий в устройстве двух систем, в одной из которых первичен знак, в другой – текст, в связи с чем возникает проблема смысловой эквивалентности. Тем не менее Ю. М. Лотман отмечает, что, несмотря на невозможность эквивалентного перевода, оппозиция дискретных и континуальных систем является универсалией человеческих культур и обязательным условием для образования новых сообщений и существования творческого интеллектуального процесса, поэтому внутренний межсемиотический перевод такого рода постоянно происходит и даёт положительные результаты, так как именно на напряжении между полюсами дискретности и континуальности строится человеческое переживание мира [Лотман 2000, 133]. Перевод между такими системами происходит на основе интеграционного механизма метафоризации. Метафора как способ эмоционально-чувственного переживания мира позволяет перекрецивать опыт, полученный в границах разных семиотических систем, кодируя информацию при помощи разных знаков, но определенно общим способом.

Со времени специального интереса к метафоре, возникшего в античности, этот вид тропа рассматривался как возможность выразить то, что невозможно передать каким-либо другим способом без потери важных смысловых аспектов и образных коннотаций. Задача метафоры заключается не просто в семантической замене, а в такой передаче информации, которая одновременно даёт возможность интерпретации и точного ответа на вопрос о сущностных характеристиках объекта.

Как языковой и ментальный механизм интерпретации мира и формирования поведенческих сценариев метафора стала активно осмысляться во второй половине XX века в контексте философской критики объективизма и лингвистического поворота в гуманитарных науках. В работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона метафора впервые описывается как когнитивная модель обработки информации и получения знания. Ключевая особенность метафоры, согласно Лакоффу и Джонсону, заключается в интерактивности – способности интерпретировать свойства предметов, допуская категориальную ошибку, когда в процессе обработки информации в сознании человека проектно совмещаются признаки объектов разных таксономических классов. Сущность метафоры была увидена не в эстетической составляющей её смысла, а в концептуальной – в способности создавать модели восприятия и высвечивать аспекты семантики, необходимые для «схватывания» образа и понимания смысла [Лакофф, Джонсон 2004, 215]. Механизм метафорической концептуализации в этом случае рассматривается как процесс пересечения признаков разных информационно-понятийных областей – сферы-источника (source domain) и целевой сферы-мишени (target domain).

Процесс порождения метафорического смысла осуществляется как семантический сдвиг, результирующий в сферу эмоционального, образного и оценочного изменённые представления об исходном объекте. Семантический парадокс метафоры заключается в том, что в процессе формирования значения она реализуется как логическая операция выбора и совмещения определённых признаков исходного и переносного значений, но делает это как бы в обход сознания, опираясь на эмоциональный и образный план восприятия. Причём считается, что чем более несовпадающими будут сравниваемые области, тем более яркой и запоминающейся станет метафора. Результатом взаимодействия признаков становятся такие взаимовлияние и взаимосвязь элементов, в результате которых каждый получает новые смысловые видоизменения и прираще-

ния. Характерно, что многие исследователи, описывая этот процесс, также прибегают к метафорическим выражениям; например, Х. Ортега-и-Гассет понимал метафору как процесс «столкновения предметов, когда ломается их твёрдый остов, и внутренняя материя в расплавленном состоянии напоминает плазму, готовую принять новую форму и новую структуру» [Ортега-и-Гассет 1991, 107].

Метафора служит средством понятийного переноса не только из сферы конкретного в область абстрактного. Для обыденного языка она незаменима как механизм категоризации, лишённой эффектов образности и эмоциональности. В этом случае сознание оперирует генетическими или мёртвыми метафорами со стёртой образностью (но обладающими ею первоначально), аспектирующими функцию предмета (*ручка двери, носик чайника*). Представляется, что такой диапазон возможностей метафоры отражает её существенную когнитивную характеристику – способность улавливать сходства, устанавливать аналогию между известным и новым, познаваемым. В этом ракурсе понимания метафоры лингвистами выделяется её моделирующий потенциал, способность к рождению продуктивных моделей семантического переноса, под которыми понимается «схема формирования метафорического значения, характеризующаяся единством тематической отнесенности номинативных и переносных метафорических значений типа ассоциативного уподобления, являющаяся языковой репрезентацией типового соотношения соответствующих понятийных сфер» [Резанова 2007, 37]. В этом контексте рассуждений метафора рассматривается «как феномен, играющий существенную роль в установлении того, что является для нас реальным» [Лакофф, Джонсон 2004, 176]. Метафорическая модель выступает проекцией существующей в сознании носителей языка схемы взаимодействия между понятийными сферами по принципу: «*a – это b*». При этом связи между компонентами данной формулы отражают то подобие, которое рассматривается как когнитивная проекция реальных связей [Чудинов 2008, 424].

Принцип развертывания метафорической модели в тексте отражает её когнитивную способность организовывать связи внутри образной системы в логике ассоциативной деривации, когда зоны семантического напряжения (яркая образность, актуализированная метафорой) генерируют смежные образы, распространяющие или аспектирующие понимание базовой метафоры. Таким образом, в границах лингвокогнитивного подхода моделирующая способность метафоры рассматривается как её базовая функция создавать

в сознании носителей языка целостное представление о мире – картину мира.

В этом аспекте своего функционирования метафора интересует сегодня не только лингвистов, она актуальна в разных областях знания, включая нейрофизиологию, психотерапию, педагогику, теорию искусственного интеллекта.

Промежуточный результат и его обсуждение

В теории музыкального искусства метафора рассматривается с точки зрения психологии восприятия [Бонфельд 2006], и в этом направлении концепция Лакоффа и Джонсона существенно уточняется теорией концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера, согласно которой ментальные структуры человека представляют собой динамическую систему взаимодействующих концептуальных блоков. Ментальные операции метафорического и метонимического переноса отражают фундаментальную способность человека к обобщению через механизмы имплозии (максимального сжатия) и эмерджентности (несводимости свойств целого к образующим его элементам) [Fauconnier, Turner 2008]. Музыка как сфера высшей абстрагирующей деятельности построена на концептуальной интеграции, метафоричной в своей основе. Моделирующие возможности метафоры в музыкальном тексте проявляются в её способности задавать восприятию новое измерение, систему взаимосвязанных образов-ассоциаций. Именно поэтому метафора становится неотъемлемым механизмом порождения и восприятия музыки. Австрийский теоретик музыки Э. Ганслик обосновывал мысль о том, что основополагающим критерием музыки, отвечающим особенностям музыкального мышления, является способность к воображению. Рассматривая вопрос, как в музыкальном тексте воссоздаются эстетически совершенные формы и структуры без определенного содержания, он сравнивал музыкальный «ход мысли» с изобразительным, когда структурные элементы произведений объединяются, образуя композицию и выражая идею [Hanslick 1854]. Кроме этого, метафора в музыке рассматривается как способ выражения синестезии, когда звучание музыки может вызывать ассоциации с широкой сферой перцептивных образов – цветовых, тактильных, осознательных.

Сочетания и динамика музыкальных звуков часто передают образы пространства, времени, природы. Этот эффект музыкального звучания упоминается в книге Масакуни Китадзавы «Звук как ме-

тафора»: «Когда мы слышим название “Капля дождя”, мы сразу думаем о прелюдии № 15 Шопена. Говорят, что идея этого произведения возникла у композитора, когда он слышал стук дождевых капель по карнизу дома. Ля бемоль, звучащий прерывисто, и его изменения намекают на звук дождя». Китадзава приводит ещё несколько примеров, указывая на роль метафоры в построении музыкального образа: «В песенном цикле Ф. Шуберта “Прекрасная мельничиха” триоли изображают стремительный поток и брызги воды, а в “Фингаловой пещере” Ф. Мендельсона – особый ритм, начинающийся на слабой доле, наводит на мысль о постоянном звуке волн». «Знаменитый пианист и композитор Ференц Лист однажды сказал, что когда он впервые услышал прелюдию к “Тристану и Изольде” Вагнера, то “почувствовал себя как в тумане”» [Китадзава 2020, 99–102].

Характерно, что в музыке классического периода композиторы часто использовали нарративные названия, отсылающие к картинам природы. Например, 6-я симфония Бетховена (пасторальная) ассоциируется с пейзажем. При этом каждая часть имеет соответствующие названия: (1) Пробуждение радостных чувств по прибытии в деревню; (2) Сцена у ручья; (3) Радостное собрание деревенских жителей; (4) Гроза, буря; (5) Пасторальная песня, радостное благодарение после бури.

Таким образом, метафора выступает как инструмент, позволяющий объединить музыкальные впечатления и вербально выражаемые образы, то есть сделать музыкальный текст изоморфным его интерпретации. Именно эта особенность когнитивной природы метафоры может быть использована при работе с музыкальным текстом, который необходимо проинтерпретировать студенту на языке-посреднике. В силу дефицита учебного времени, которое приоритетно для занятий по музыкальной специальности, решение задачи может быть найдено в практике работы с метафорическими образами. Прежде всего это могут быть те выражения, которые необходимо разбирать на занятиях или даже заучивать, чтобы понимать речь преподавателей. Как правило, они часто используют метафоры как своеобразные профессиональные клише, помогающие интерпретировать музыку и добиваться необходимых технических решений при её исполнении.

Продемонстрируем некоторые примеры метафорических выражений и пояснений к ним, записанные во время занятий японских студентов специального исполнительского курса Московской консерватории при университете Сакуё (видео представлено на YouTube-канале «Сердолик», https://youtu.be/Nsoz_dLsLuY).

- Уходите (указание на постепенное уменьшение громкости).
- Играйте так, как будто вы катитесь на коньках (требование играть мягко, гладко).
- Твоя рука – рычаг (указание на правильное использование силы).
- Не играйте, как в старинном танце, а стойте твёрдо на земле (требование играть, удерживая опору).
- Ваша игра похожа на Кентавра (отмечается смешение аутентического и современного стилей игры).
- Немного большие театральности. Вы – актриса! (требование играть артистично).
- Здесь валторна! (указание изобразить звук валторны на фортепиано).
- Рассказывайте историю (требование играть с интонацией).
- Здесь есть воля! Нужно выразить приказ (требование играть решительно).
- Аккомпанемент оркестра похож на поезд. Здесь слышен звук рельсов (указание на игру в правильном ритме).
- Путь начался (указание играть так, как будто кто-то постепенно движется).
- Сначала начинается унисон, а затем канон. Как будто дорога разделилась (пояснение относительно музыкальной формы).
- Здесь мёртвая пауза (пояснение относительно пауз).
- Вы – император! (требование играть величественно, решительно, с достоинством и гордостью).

Слыша такие указания, выраженные в метафорической форме, студенты более точно понимают требуемую от них исполнительскую технику. Если, например, вместо «Играй громче!» прозвучит «Ты – император!», то ученик усвоит представление о том, какая коннотация должна быть связана с тоном. В отношении высоты такой метафорический образ также информативен: указывает на то, что нужно играть величественно и «авторитетно», изысканно и с достоинством, выбирая каждое касание клавиш. Движения рук должны быть не суетливыми, а изящными. Комплекс этих смыслов вложен в понятие «играть, как император». Время произнесения фраз «Играй громче!» и «Ты – император!» практически одинаково, однако разница в объёме передаваемой информации колоссальна.

Отметим, что для описания музыки на языке принято использовать номинации из более конкретных сенсорных областей, таких как тактильные ощущения – мягкие и твёрдые (звуки), вкусовые – сладкие и горькие, пространственные – высокие и низкие, большие и маленькие, визуальные – сверкающие и мрачные и т.д. Подобные

понятия входят в долголетнюю информационную базу человека, отражают опыт его конкретно-чувственных контактов с миром. Поэтому метафоры, построенные на перцептивной семантике исходных образов, можно считать когнитивными универсалиями, формирующими общие фрагменты картин мира разных языков и культур. В музыкальном метаязыке подобные образы требуют чёткости при передаче смысла, в противном случае это подрывает саму основу метафоры, задаёт ей другой вектор интерпретации.

В музыкальном опыте объект познания становится качеством – эстетическим результатом. Для понимания этой закономерности учащиеся знакомятся с различными элементами музыки, то есть с её «формальной стороной», структурой, а затем воспринимают «содержательную сторону» – возникновение смысла. М. Китадзава утверждал, что «содержательная сторона», то есть качество, по своей сути является чем-то ощутимым и не поддающимся выражению словами. Следовательно, образные выражения на уроках музыки являются языковыми выражениями, сравнивающими «содержательную сторону», которая по своей сущности не поддаётся вербализации, с чем-то другим [Китадзава, 2020, 105].

Метафорические выражения возникают у автора из желания передать свои неясные чувства и ощущения, возникшие на основе собственного опыта, и добиться их понимания. Для того чтобы поделиться с другими людьми своими ощущениями от музыки, приходится выражать их словами. Поэтому образные выражения, используемые музыкантами на уроках и занятиях, возникают в процессе коммуникации, в которой говорящие стремятся передать «содержательную сторону» своих ощущений от музыки так, чтобы быть понятым.

Следующим шагом на пути достижения именно такого понимания учителя и ученика может стать попытка учиться видеть метафоры в других образных системах – вербальных и изобразительных текстах. Представляется, что такой подход помогает настроиться на тот вектор декодирования смыслов, который объединит результаты музыканта и студента, изучающего иностранный язык как язык-посредник. В том и другом случае сознание сфокусировано на интерпретации метафорического образа как одного и того же кода, объединяющего разные семиотические системы. Приведём ещё один пример техники обучения языку, построенный на пересечении языковых и музыкальных знаний. Результат в этом случае имеет двойное значение: с одной стороны, он заключается в актуализации интерпретативной способности, поскольку музыканту

необходим именно этот навык, и развивается он в контексте анализа текстов разной семиотической природы, с другой стороны, происходит «запуск» речи, поскольку при отработке заданий на интерпретацию (грамматически это предложения, построенные по модели «это похоже на...», «это подобно...») студент формирует навык ассоциировать, сопоставлять, когда воображение, в основе которого – эмоциональная доминанта, помогает запоминать, подбирать слова, говорить.

В методике обучения иностранным языкам и в принципе в методиках обучения, построенных на метафорах, во главу угла ставится фактор бессознательного, способность снимать психологические, а значит, коммуникативные барьеры. Этот эффект воздействия метафоры определяется локализацией психических процессов ассоциирования в правом полушарии, что обеспечивает активацию творческих ресурсов при ослабленном контроле критики. Психологический эффект метафоры заключается в способности преодолевать стереотипы мышления и реагирования, переводить внимание с видения преград на понимание возможностей и алгоритмов действий, что в целом способствует формированию ценностных установок и творческих способностей учащихся [Ткачева 2007, 307–308].

Отметим, что значимым аспектом мотивации выступает нацеленность студентов работать с профессиональным музыкальным материалом: лексика и грамматика могут изучаться не на отвлечённых от предмета заданиях, а в контексте музыкальных сюжетов и образов. Например, при работе с песенным циклом М. Мусоргского «Песни и пляски смерти» студентам могут быть предложены задания на интерпретацию образа смерти с опорой на синопсис картин В. Верещагина «Апофеоз войны», М. Шагала «Лунный свет», «Распятие», К. Малевича «Черный квадрат». При восприятии картин в качестве преамбулы важно задать направление для соединения в сознании образов из разных семиотических рядов. Задания, активирующие творческий процесс, должны направить студентов на выражение собственных чувств: «Попробуйте выразить свои впечатления словами», «Опишите ваши ощущения».

Представляется, что акцент на таких заданиях поможет студентам в диалогах с преподавателем настроиться на метафорический язык, используемый для анализа музыки, как в случае, например, с пояснением музыкальных терминов японским студентам: *Разберёмся, что значит piano и что значит espressivo / Мне кажется, что когда композитор ставит вообще где бы то ни было piano / Любой, тем более романтический, композитор... Григ, Шопен, Брамс / Даже в общем*

Рахманинов / то piano – это общая краска / Piano не значит «тихо», да? Piano значит негромко / Я бы играл mezzo piano / Потому что написано espressivo / И тогда в сумме mezzo piano и pianissimo получится piano / Вот как раз та самая общая краска... (см.: YouTube-канал «Сердолик» https://youtu.be/Nsoz_dLsLuY).

Заключение

Метафору в музыкально образовательном дискурсе можно рассматривать не только как когнитивно-языковой механизм моделирования образов и ассоциативных рядов, но и как семиотическую и коммуникативную универсалию. Функционируя в музыкально-образовательном дискурсе на пересечении разных семиотических систем, метафора инициирует те смыслы, которые отражают наш опыт концептуализации, помогает представить то, что не поддаётся представлению в музыке, и усвоить то, что даёт понимание языка.

В качестве итогов работы укажем на возможности работы с метафорой в практике обучения русскому языку как иностранному. Прежде всего нужно сказать, что работа с метафорой в аспекте её интерпретационного потенциала может быть эффективной не только в профессиональной среде специалистов, занимающихся искусством. Для изучающих язык метафора ценна своей способностью актуализировать ментальный опыт моделирования смысла через сравнение признаков познаваемых объектов. В этом случае важно учитывать структурно-морфологические особенности языка носителей. К примеру, если это студенты – носители юго-восточных азиатских языков, то метафора может быть органичным способом целостного схватывания смысла в комплексе буквальных и коннотативных признаков. Языки изолирующего, аморфного типа не предполагают выделения в слове структурно значимых элементов, поэтому слово как целостная единица, выраженная в иероглифе, задаёт алгоритм восприятия смысла с активным подключением правополушарных интуитивно-чувственных процессов. В силу того, что «аналитически-дифференцированные и логические операции, которые развиваются в ходе побуквенного анализа слова и способствуют совершенствованию механизмов левополушарного мышления, получили меньшее развитие, модель изолирующих языков избрала для своего выражения преимущественно не понятийную, а художественно-образную форму» [Владимирова 2007, 155]. Представляется, что метафора, отвечающая именно такой рецептивной особенности воспринимать смысл фразы или текста

в комплексе буквальных и концептуальных значений, может быть эффективно использована при обучении языку. Стоит отметить, что сами студенты с большим интересом реагируют на задания, предполагающие декодирование смысла текста, включающего метафорические образы. Помимо когнитивной стороны восприятия, метафора значимо актуализирует эмотивный план, поскольку направляет внимание к лингвокультурной специфике изучаемого языка, подкрепляя мотивацию освоить язык через понимание его картины мира. В этой связи отметим, что метафорический анализ учебного текста может быть построен на межсемиотическом переводе, то есть включать элементы невербальной семиотики в виде художественных или музыкальных произведений, побуждающих к эмоциональному переживанию и закреплению информации как личностно усвоенных смыслов. В этом контексте работа с метафорами становится опытом нахождения семиотических универсалий в разных языковых и культурных системах.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Байсултанова и др. 2024 – Байсултанова К. Ш., Горбулёва М. С., Мелик-Гайказян И. В., Первушина Н. А. Мысленный эксперимент для конструирования семиотического оптимума в аудитории (на примере занятия на тему «Этика» в курсе «Философия») // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2024. № 3. С. 37–57.
- Бонфельд 2006 – Бонфельд М. Ш. Музыка: язык, речь, мышление. СПб.: Композитор, 2006.
- Владимирова 2007 – Владимирова Т. Е. Призванные в общение: русский дискурс в межкультурной коммуникации. М.: КомКнига, 2007.
- Гвоздевская 2015 – Гвоздевская Г. А. Японская традиционная система музыкального обучения и перспективы её использования в России // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 1. С. 264–270.
- Горбулёва 2024 – Горбулёва М. С. Семиотический оптимум и цвет: контекстуальные вызовы в образовательных технологиях // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 82. С. 297–301. doi: 10.17223/1998863X/82/27
- Горбулёва, Мелик-Гайказян 2024 – Горбулёва М. С., Мелик-Гайказян И. В. Визуализация специфики философского мировоззрения: обнаружение семиотического оптимума в подборке иллюстративного материала к открытой лекции // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2024. № 1 (39). С. 143–166.
- Елистратова 2003 – Елистратова Г. Б. Музыкальное мышление как форма креативной деятельности: дис. ... канд. филос. наук. Саранск, 2003.
- Иссерс 2015 – Иссерс О. С. Дискурсивные практики нашего времени. М.: Ленанд, 2015.

- Калашникова 2006 – Калашникова Л. В. Метафора как механизм когнитивно-дискурсивного моделирования действительности (на материале художественных текстов): дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2006.
- Китадзава 2020 – Китадзава М. Звук как метафора. Киото: Изд-во Киотского ун-та. 2020.
- Лакофф, Джонсон 2004 – Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. М.: Едиториал УРСС, 2004.
- Лотман 2000 – Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000.
- Мелик-Гайказян 2024 – Мелик-Гайказян И. В. Семиотический оптимум: новый концепт для мысленных экспериментов с информацией // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 82. С. 302–315. doi: 10.17223/1998863X/82/28
- Ортега-и-Гассет 1991 – Ортега-и-Гассет Х. Эссе на эстетические темы в форме предисловия // Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. С. 93–112.
- Первушина 2024 – Первушина Н. А. Педагогическая биоэтика: область применения «семиотического оптимума» в условиях цифровизации образования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 82. С. 316–321. doi: 10.17223/1998863X/82/29
- Резанова 2007 – Резанова З. И. Метафора в лингвистическом тексте: типы функционирования // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2007. № 1. С. 18–29.
- Ткачева 2007 – Ткачева Е. Е. Музыкальное мышление – способ формирования личности учащихся // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. № 21 (51). С. 302–308.
- Черемисин 2004 – Черемисин А. М. Музыкально-коммуникативное событие: факторы формирования музыкального дискурса: дис. ... канд. филос. наук. Тамбов, 2004.
- Чернявская 2009 – Чернявская В. Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учеб. пособие. М.: Либроком, 2009.
- Чудинов 2008 – Чудинов А. П. Когнитивно-дискурсивное исследование метафоры в текстах СМИ // Язык средств массовой информации: учеб. пособие для вузов. М.: Акад. проект; Альма Матер, 2008. С. 419–436.
- Якупов 1995 – Якупов А. Н. Музыкальная коммуникация (история, теория, практика управления): автореф. дис. ... д-ра искусствоведения. М., 1995.
- Clark 2005 – Clark H. On Stochastic Grammar // Language. 2005. № 81. Р. 23–56.
- Fauconnier, Turner 2008 – Fauconnier G., Turner M. Rethinking Metaphor // The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought / ed. R.W. Gibbs, Jr. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 53–66. URL: [https://library.mibckerala.org/lms_frame/eBook/Language%20and%20Theology/Metaphor/Gibbs%20-%20The%20Cambridge%20Handbook%20of%20Metaphor%20and%20Thought%20\(CUP\).pdf](https://library.mibckerala.org/lms_frame/eBook/Language%20and%20Theology/Metaphor/Gibbs%20-%20The%20Cambridge%20Handbook%20of%20Metaphor%20and%20Thought%20(CUP).pdf) (accessed: 17.04.2025).

- Hanslick 1854 – Hanslick E. Vom Musikalisch Schönen. Leipzig; Rudolph Weigel, 1854. URL: http://www.koelnklavier.de/quellen/hanslick/_index.html (datum des Zugriffs: 21.04.2025).
- Pickering, Garrod 2007 – Pickering M. J., Garrod S. Automaticity in Language Production in Monologue and Dialogue // Automaticity and Control in Language Processing. Hove: Psychology Press, 2007. P. 1–20.

REFERENCES

- Baisultanova, K. Sh., Gorbuleva, M. S., Melik-Gaykazyan, I. V., & Pervushina, N. A. (2024). *A thought experiment for constructing a semiotic optimum in the classroom (based on the ethics lesson in the philosophy course)*. *ПРАΞΗМА. Journal of Visual Semiotics*, 3, 37–57. (In Russian). [10.23951/2312-7899-2024-3-37-57](https://doi.org/10.23951/2312-7899-2024-3-37-57)
- Bonfeld, M. Sh. (2006). *Muzyka: yazyk, rech', myshlenie* [Music: Language, speech, thinking]. Kompozitor.
- Cheremisin, A. M. (2004). *Muzykal'no-kommunikativnoe sobystie: faktory formirovaniya muzykal'nogo diskursa* [Musical-communicative event: Factors in the formation of musical discourse]. Philosophy Cand. Diss. Tambov.
- Chernyavskaya, V. E. (2009). *Lingvistika teksta: polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost'* [Linguistics of the text: Policodeity, intertextuality, interdiscursivity]. Knizhnyi dom "LIBROKOM".
- Chudinov, A. P. (2008). Kognitivno-diskursivnoe issledovanie metafory v tekstakh SMI [A cognitive-discursive study of metaphor in media texts]. In *Yazyk sredstv massovoi informatsii* [The language of mass media] (pp. 419–436). Akademicheskii Proekt; Al'ma Mater.
- Clark, H. (2005). On stochastic grammar. *Language*, 81, 23–56. <https://doi.org/10.1353/lan.2005.0015>
- Elistratova, G. B. (2003). *Muzykal'noe myshlenie kak forma kreativnoi deyatel'nosti* [Musical thinking as a form of creative activity]. Philosophy Cand. Diss. Saransk.
- Fauconnier, G., & Turner, M. (2008). Rethinking metaphor. In R. W. Gibbs, Jr. (Ed.), *The Cambridge handbook of metaphor and thought* (pp. 53–66). Cambridge University Press. [https://library.mibckerala.org/lms_frame/eBook/Language%20and%20Theology/Metaphor/Gibbs%20-%20The%20Cambridge%20Handbook%20of%20Metaphor%20and%20Thought%20\(CUP\).pdf](https://library.mibckerala.org/lms_frame/eBook/Language%20and%20Theology/Metaphor/Gibbs%20-%20The%20Cambridge%20Handbook%20of%20Metaphor%20and%20Thought%20(CUP).pdf)
- Gorbuleva, M. S. (2024). Semioticheskii optimum i tsvet: kontekstual'nye vyzovy v obrazovatel'nykh tekhnologiyakh [Semiotic optimum and color: Contextual challenges in educational technologies]. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 82, 297–301. <https://doi.org/10.17223/1998863X/82/27>
- Gorbuleva, M. S., & Melik-Gaykazyan, I. V. (2024). Vizualizatsii spetsifiki filosofskogo mirovozzreniya: obnaruzhenie semioticheskogo optimuma v podborke illustrativnogo materiala k otkrytoi lektsii [Visualizing the specifics of a philosophical worldview: Discovering the semiotic optimum

- in a selection of illustrative material for an open lecture]. *ПРАЕХМА. Journal of Visual Semiotics*, 1(39), 143–166.
- Gvozdevskaya, G. A. (2015). Yaponskaya traditsionnaya sistema muzykal'nogo obucheniya i perspektivy ee ispol'zovaniya v Rossii [The Japanese traditional system of music education and prospects for its use in Russia]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 1, 264–270.
- Hanslick, E. (1854). *Vom Musikalisch Schönen*. Leipzig. http://www.koelnklavier.de/quellen/hanslick/_index.html
- Issers, O. S. (2015). *Diskursivnye praktiki nashego vremeni* [Discursive practices of our time]. Lenand.
- Kalashnikova, L. V. (2006). *Metafora kak mekhanizm kognitivno-diskursivnogo modelirovaniya deistvitel'nosti (na materiale khudozhestvennykh tekstov)* [Metaphor as a mechanism for cognitive-discursive modeling of reality (based on literary texts)]. Philology Dr. Diss. Volgograd State University.
- Kitazawa, M. (2020). *Sound as metaphor*. Kyoto University Press.
- Lakoff, G., & Johnson, M. (2004). *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by] (A. N. Baranov, Trans.). Editorial URSS.
- Lotman, Yu. M. (2000). *Semiosfera* [The semiosphere]. Iskusstvo-SPb.
- Melik-Gaykazyan, I. V. (2024). Semioticheskii optimum: novyi kontsept dlya myslennykh eksperimentov s informatsiei [Semiotic optimum: A new concept for thought experiments with information]. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 82, 302–315. <https://doi.org/10.17223/1998863X/82/28>
- Ortega y Gasset, J. (1991). Esse ob esteticheskikh temakh v forme predisloviiia [Essay on aesthetic topics in the form of a preface]. In *Estetika. Filosofiya kul'tury* [Aesthetics. Philosophy of culture] (pp. 93–112). Iskusstvo.
- Pervushina, N. A. (2024). Pedagogicheskaya bioetika: oblast' primeneniya "semioticheskogo optimuma" v usloviyakh tsifrovizatsii obrazovaniya [Pedagogical bioethics: The field of application of the "semiotic optimum" in the context of educational digitalization]. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 82, 316–321. <https://doi.org/10.17223/1998863X/82/29>
- Pickering, M. J., & Garrod, S. (2007). Automaticity in language production in monologue and dialogue. In A. S. Meyer, L. R. Wheeldon, & A. Krott (Eds.), *Automaticity and control in language processing* (pp. 1–20). Psychology Press.
- Rezanova, Z. I. (2010). Metaforicheskii fragment russkoi yazykovoi kartiny mira: idei, metody, resheniiia [The metaphorical fragment of the Russian linguistic world view: Ideas, methods, solutions]. *Tomsk State University Journal of Philology*, 1(9), 26–43.
- Tkacheva, E. E. (2007). Muzykal'noe myshlenie sposob formirovaniya lichnosti uchashchikhsya [Musical thinking as a way of shaping students' personality]. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 21(51), 302–308.
- Vladimirova, T. E. (2007). *Prizvannye v obshchenie: Russkii diskurs v mezhekul'turnoi kommunikatsii* [Called into communication: Russian discourse in intercultural communication]. KomKniga.

Yakupov, A. N. (1995). *Muzykal'naya kommunikatsiya (istoriya, teoriya, praktika upravleniya)* [Musical communication (history, theory, management practice)]. Abstract of Art History Dr. Diss. Moscow.

Материал поступил в редакцию 22.07.2025

ШЕРЛОК ХОЛМС, ОХОТНИК И СИМВОЛИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Е. А. Жарков

Национальный исследовательский

Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского,

Нижний Новгород, Россия

flash45@yandex.ru

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда

№ 25-28-00879, <https://rscf.ru/project/25-28-00879/>

Цель работы состоит в осмыслиении проблематики символической власти научного знания, а также поиске характерных форм её реализации. К ключевым методам исследования относятся компаративистский анализ, историко-научный и историко-культурный подходы. Кроме того, в методологическую орбиту включаются элементы анализа повседневности и анализа кейсов. В качестве основы, раскрывающей суть концепции символической власти, используются идеи П. Бурдье, связывающие актуализацию данного типа власти с конструктивистской ролью высказываний («творение вещей с помощью слов»). Подчёркивается связь идей Бурдье с представлениями о вездесущности власти М. Фуко. На примере экспертной роли учёных как особых высказывающихся акторов обсуждается проблема соотношения действительной и символической власти научного знания. Продемонстрировано, что символическая власть присуща учёным в качестве неотъемлемого элемента, в то время как обладание действительной властью оказывается сильно зависимым от контекста. В связи с этим одной из атрибуций символической власти выступают *non-human* акторы – продукты науки и технологий, встроенные в мир повседневности. Они не только символизируют действенность тезиса «Знание ↔ Сила», но в определённом смысле обладают настоящими властно-экспертными функциями. Обсуждается символическая специфика образа «башни из слоновой кости», выражаемая одним из его архитектурных (геометрических) атрибутов – возвышенностью. В контексте прогностической силы высказываний учёных относительно практического потенциала научных открытий или возможностей реализации технических идей выделяются два модуса возвышенности: взгляд «свысока» (скептический) и взгляд «вдаль» (визионерский), олицетворяющие сложные грани властных отношений учёных как со своими собственными знаниями, так и с «внешним миром». В качестве философского образа, эксплицирующего властные оттенки научного познания, рассматривается процесс Охоты. Властность здесь относится как к собственному эпистемическому полю науки, так и к связи науки и внешнего мира, науки и практики. Заостряется внимание на четырёх процессах, свойственных науке, рассматриваемой в оптике Охоты: преследовании, обследовании, исследовании, расследовании. Проде-

монстрировано, что в роли характерного актора, интегрирующего в своей онтологии различные виды «следований», выступает Шерлок Холмс. Это «культурное высказывание», обусловленное властью и влиянием научного знания и выражающее соответствующую символику. С помощью обращения к классическим текстам А. Конан Дойля показано, что исследовательская деятельность известного персонажа реализуется в пространстве вненаходимой лаборатории. В контексте насущной проблематики современности (неопределенность, искусственный интеллект, технологический алармизм) подчёркивается характерная «гуманитарность» облика Шерлока Холмса.

Ключевые слова: символическая власть, научное знание, «башня из слоновой кости», исследование, расследование, вненаходимая лаборатория, детектив

SHERLOCK HOLMES, THE HUNTER, AND THE SYMBOLIC POWER OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Evgeniy A. Zharkov

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia
flash45@yandex.ru

An example of a complex interaction in the system “Science, Technology, Society” can serve as a coupling between science and politics, science and power. The study aims to analyze the problematic of the symbolic power of scientific knowledge and to search for characteristic forms of its actualization. The focus is also on the problem of the relationship between real and symbolic power. The history of science and culture, comparative analysis, analysis of everyday life, and case analysis are used as tools. The scientific and theoretical basis of the work is the ideas of P. Bourdieu, who linked acts of manifestation of symbolic power with the role of statements made by different actors of social reality. The similarity of Bourdieu’s position with M. Foucault’s ideas of the totality of power is emphasized. Within the framework of the case of scientific and expert knowledge, the prevalence of the symbolic power of scientists over their real power, which in fact takes place only episodically, is shown. The power-symbolic role of scientific and technological agents is briefly discussed. Like human actors, they are characterized by a dual power role. Aspects related to the interpretation of the image of the “ivory tower” as a location for prognostic statements of scientists are discussed. Here, two polar scenarios are distinguished: skeptical (dismissive) and visionary (strategic). It is demonstrated that in their implementation, subtle relationships of scientists with their “knowledge” and “non-knowledge” are traced. In this regard, visionary scientists (for example, M. Faraday), possessing an implicit socio-technical imaginativeness (Sh. Jasanoff), are most endowed with symbolic power. Four epistemic pro-

cesses inherent in the scientific and practical activity are distinguished: pursuit, examination, research, investigation (inquiry). The features of their interaction in the broad context of the existence of science are discussed. It is demonstrated that a well-known hero, Sherlock Holmes, acts as a special actor integrating various types of “investigations” in his ontology. Currently, he is an entire cultural phenomenon. At the same time, this phenomenon can be interpreted as a “cultural statement” conditioned by the influence of scientific knowledge and expressing the corresponding attributes of symbolic power. Using the analysis of classic texts by A. Conan Doyle, it is shown that Sherlock Holmes’s activity is realized in a distributed space – outsideness (M. M. Bakhtin) laboratory. Here, the crime scene turns out to be the detective’s laboratory location (field laboratory), and evidence and small details acquire the role of laboratory samples, laboratory records. In the context of pressing problems of our time (uncertainty, risks, artificial intelligence), the characteristic humanity of the appearance of the great detective Sherlock Holmes is emphasized, which is another of his significant symbolic elements.

Keywords: symbolic power, scientific knowledge, ivory tower, research, investigation, outsideness laboratory, detective, clue

DOI 10.23951/2312-7899-2025-4-100-121

В последние десятилетия в западной литературе приобрело актуальность направление исследований, известное под аббревиатурой STS – Science & Technology & Society («Наука ↔ Технологии ↔ Общество») [Sismondo 2010]. Целесообразно рассмотреть данное наименование в виде троичной эпистемической схемы, редуцированной до бинарных, асимметричных комбинаций. Например, вариант «Наука → Технологии» отсылает к вопросу о соотношении целей и ценностей фундаментальной и прикладной науки, проблематике технонауки и научной политики. Вариант «Общество → Технологии» эксплицирует возможные особенности технологического уклада общества в зависимости от его социально-экономической и политической систем. Обратный сценарий, «Технологии → Общество» открывает, в частности, дискуссию об этических аспектах технологических изменений.

Примечательными элементами приведённых схем являются даже не используемые понятия, а стрелочки, подчёркивающие множественные аспекты влияния и взаимовлияния, что неминуемо сталкивает нас с проблематикой властного и политического. Безусловно, многое здесь зависит от деталей понимания. Какие именно субъекты выступают в качестве властных акторов? Насколько их воздействие оказывается при этом прямым или косвенным, явным или неявным, сиюминутным или отложенным?

Конечно, в рамках общей проблематики власти и политики подобные вопросы неоднократно обсуждались в литературе. Учитывая акцент множественности взаимовлияний, разумно полагать, что один из самых ёмких ответов на них связан с Мишелем Фуко, придававшим понятию власти вездесущный, всепроникновенный характер. Близкие по духу мысли обнаруживаются и у Пьера Бурдьё, утверждавшего, что власть – это своего рода «круг, центр которого находится повсюду и нигде» [Бурдьё 2007, 88]. Как известно, одной из ключевых задач Бурдьё было исследование проблематики «символического» в генезисе и структуре социальных полей.

Целью же нашего исследования является разработка вопроса о символической власти научного знания, а также поиск и осмысливание характерных форм её актуализации.

Действительность и символичность власти научного знания

П. Бурдьё демонстрирует весьма многогранное понимание сути представлений о символической власти. С одной стороны, её носителями выступают элементы символического капитала («имена», титулы, звания и др.) [Бурдьё 2007, 84]. С другой стороны, автор характеризует символическую власть как способность «творить вещи при помощи слов», «конструировать реальность, устанавливая гносеологический порядок», «учреждать данность через высказывание, заставлять видеть и верить, утверждать или изменять видение мира» [Бурдьё 2007, 89–95]. Кроме того, он наделяет её подчинённым статусом по отношению к другим формам власти. Выделение сторон здесь не подразумевает строгую амбивалентность, а, скорее, напоминает о сложности концептуализации символической власти в свете соотношения субъективизма и объективизма. Заметим, в силу общности формулировки процесс «творения вещей с помощью слов» может предполагать весьма широкий спектр интерпретаций, и это целесообразно выразить в виде следующих вопросов: Какие «слова» (высказывания) приводят к «творениям» и каким? Кем они произносятся? В каких ситуациях? Какую «субъективность» или «объективность» они символизируют?

Так, процесс «творения вещей с помощью слов» вполне может быть представлен экспертными суждениями современных учёных. Безусловно, сам вопрос о соотношении их позиций с принимаемыми действительными властными акторами решениями далеко не тривиален и зависит от контекста. Ключевой момент – кто здесь выступает последней инстанцией?

В эвристических целях выделим два следующих полярных сценария: полноценными властными акторами становятся (1) не-учёные, в той или иной мере являющиеся потребителями научного знания, (2) сами учёные. Данная оппозиция носит схематический характер, поскольку на деле более вероятны различные промежуточные сценарии, топология которых и определит реальное распределение власти, а также характер взаимосвязи власти действительной и символической.

Первый сценарий подразумевает отсутствие у экспертов полноценной действительной власти, что наделяет реальных властных акторов правом принятия или отклонения их позиции по конкретным вопросам. Вместе с тем это никак не умаляет символическую власть учёных, представленную их квалификацией, званиями и регалиями, составляющими атрибутику поля науки как социального института. В случае же согласия «свыше» учёные оказываются со-властными акторами, поскольку участвуют в проектировании практической ситуации. Другое дело, насколько эта власть окажется устойчивой.

В случае же несогласия у учёных остаётся только власть символическая. При этом само отклонение их позиции может носить характер так называемого учёта мнения. Так, в юридической практике известен принцип «свободной оценки доказательств», согласно которому никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. В частности, с этим связан парадокс «экспертных свидетельств»¹, обусловленный отсутствием специально научных компетенций у судей, обладающих при этом статусом *iudex peritus peritorum*: «Судья – эксперт всех экспертов» [Carlizzi 2020, 152].

Существенно, что в роли характерных субъектов высказывания – доказательных агентов и свидетелей – способны выступать и нечеловеческие акторы. С одной стороны, их использование носит инструментальный характер, поскольку они находятся в юрисдикции человеческих акторов. С другой стороны, нередко именно им принадлежит последнее слово. Так, сегодня очень распространены камеры видеонаблюдения, например фиксирующие нарушения ПДД и выписывающие штрафы. В футболе применяется система видеопомощи арбитрам (VAR), призванная корректировать огрехи человеческого фактора, хотя особенности её использования и вызывают дискуссии. Интенсивная «камеризация» присуща и современному городскому пространству, иногда описываемому метафор-

¹ Paradox of expert testimony [Carlizzi 2020, 133].

рой «цифрового паноптикума» [Sherman 2023, 1209–1210]. Система наблюдения здесь весьма разнопланова: камеры зданий и помещений, видеорегистраторы автомобилей, стихийное использование камер смартфонов. В последнем случае человеку свойственна особо двоякая роль, поскольку он легко может оказаться как субъектом, так и объектом наблюдения, а засвидетельствованные факты способны обрести существенное медийное и / или юридическое значение.

Сам же смартфон – один из ярчайших символов сегодняшней социотехнической реальности. Это своего рода говорящий агент, воспевающий функциональность тезиса «Знание → Сила». Гаджет имплицитно демонстрирует и элементы символического капитала науки, поскольку в нем, как известно, «защита» не одна Нобелевская премия. Соответственно, гаджет выступает субъектом символической власти научного знания, но речь здесь идёт о символизации его практических результатов, многие из которых стали возможны благодаря многочисленным успехам исследовательской программы в сфере электричества и магнетизма.

Заметим, путь от чистого (фундаментального) научного знания до практических результатов и технологий тернист и слабо предсказуем. Вместе с тем развитие различных институциональных форм науки в XX веке породило некоторые гибридные типы научной активности, нацеленные на решение практических задач с помощью фундаментальной науки. Например, промышленные исследования (*industrial research*) [Bud 2018]. Так, ряд важных открытий в сфере полупроводников, приведших к разработке транзистора, был сделан физиками, работавшими в лабораториях промышленных компаний. Подобные институции – своеобразные «линзы», концентрирующие усилия учёных для превращения возможности в действительность – идей и знаний в рыночные продукты. Сами же знания при этом оказываются символами, конструктами соответствующих возможностей, поскольку отражают элементы возможного (практического) мира [Масланов 2024, 339].

Вместе с тем, несмотря на успехи процессов институциализации науки и её современное постнеклассическое состояние в целом (по В. С. Степину), проблематика осмыслиения науки как «чистого познания» не теряет своей актуальности. В связи с этим вопрос о соотношении символической и действительной власти научного знания – лишь одно из конкретных её проявлений.

Примечательно, что сама актуализация возможности обладания символической властью некоторым актором говорит об ини-

циации властного действия. Оно носит эпистемический характер, поскольку, являясь исследователями, мы как бы устанавливаем границы определённого предмета. Наша (действительная) власть олицетворяет здесь собственно процесс занятия наукой, в чём и заключается её символичность. Граница же как характерный «символ» наделяется собственно демаркирующей властностью¹.

Символическая власть научного знания в «башне из слоновой кости»

Бытие науки в целом сегодня сопряжено с множеством «границ». В связи с уже обозначенным контекстом заострим внимание на двух характерных областях: первая относится к собственному эпистемическому полю науки, вторая – к её взаимодействию с внешним миром. Подобная оппозиция напоминает нам о классическом образе локализации жизненного мира чистой науки – «башне из слоновой кости», наглядность которого обеспечивается очевидной архитектурной коннотацией. Согласно энциклопедическим определениям, «башня – сооружение, для которого доминирующим размером является высота». Таким образом, характерная *возвышенность*, равно как и *стены* (отграничивающие элементы), есть существенный атрибут башни.

Из истории науки известно, сколь непростые отношения у неё порой складываются с внешним миром. Весьма контрастно это выглядит на фоне взаимодействия между наукой и техникой и вопросами практической пользы науки. Хрестоматийный пример: когда в ходе визита к Майклу Фарадею важный представитель британского казначейства спросил о возможной выгоде исследований электричества и магнетизма, великий физик ответил, что, вполне возможно, через некоторое время правительство будет получать от этого выгоду в виде налогов. Из уст Фарадея подобный прогноз звучит как вполне политически нагруженное высказывание, поскольку символизирует и практико-экономические преобразования, и ценность занятий чистой наукой самой по себе. Так или иначе учёный проявил дальновидность и, как, вероятно, мог бы сказать Б. Латур, вышел за пределы своей лаборатории. В словах Фарадея ощущается и акт «символического одаривания» (Ж. Бодрийяр).

Вместе с тем прогнозы учёных относительно возможностей реализации тех или иных технических задумок далеко не всегда оказы-

¹ На семиотической сущности границы как феномена настаивает И. В. Мелик-Гайказян [Мелик-Гайказян 2022].

вались благосклонными. Ещё более полувека назад писатель и футуролог А. Кларк замечал: «Выдающиеся астрономы и физики то и дело попадают в наиглупейшее положение, заявляя во всеуслышание, что такой-то и такой-то научный замысел неосуществим» [Кларк 1966, 18]. Наиболее известные случаи неудачных научных пророчеств учёных связаны с авиацией и космонавтикой¹.

Интересно проанализировать приведённые выше примеры в несколько расширенном смысле, рассматривая их в контексте прогностических последствий высказываний учёных. Используем для этого и образ «башни из слоновой кости». Примечательно, что «возвышенность» как своего рода властный символ проявляет себя при этом особенно амбивалентно. Мы полагаем, это связано со следующими её потенциальными проявлениями: взглядом «свысока» и взглядом «вдаль». Опишем их подробнее.

Первый взгляд («свысока») свойствен учёным, позиционирующими себя истинными знатоками возможного и невозможного в какой-либо конкретной прогностической ситуации. Совершая предсказания, они выходят за пределы «башни из слоновой кости» как изолированной локации, но выход может оказаться недолгим, поскольку опровержение предсказаний фактически возвратит их «назад». Плюс ко всему, в лице общественности это, вероятно, усилит градус представления об оторванности науки от жизни и высокомерии учёных. Заметим, здесь мы сталкиваемся со следующим тонким аспектом: различием между властью учёных как непосредственных акторов и властью самого знания (как отдельной «субъективности»).

Безусловно, в своих прогнозах учёные опираются на определённые представления, теории, парадигмы, фактически терпящие крушение в условиях конкретных практических ситуаций. Данная фальсификация нивелирует первоначальные властные интенции учёных, одновременно передавая пальму первенства власти их же знаний над их же умами. Знания оказываются характерными идолами, когнитивными ловушками, пленяющими трезвость взгляда. Как писал Ф. Бэкон, «...тонкость природы во много раз превосходит тонкость рассуждения» [Бэкон 1978, 15]. В нашем случае речь идёт об изобретениях, технических разработках – элементах искусственной природы, также имеющей свои тонкости, а роль рассуждений отводится теориям и парадигмам.

В изложенном сюжете наблюдается ситуация своеобразной «игры» знания и не-знания. С одной стороны, используемые в

¹ Например, в начале XX столетия учёные почти единодушно говорили о невозможности полётов аппаратов тяжелее воздуха [Кларк 1966, 24].

предсказаниях представления на деле оказываются препятствием на путях развития техники. Тезис «Знание → Сила» в этом смысле отражает отнюдь не благую силу авторитета науки. С другой стороны, учёные, искренне убеждённые в правильности своих знаний, вряд ли заслуживают именно строгого порицания, поскольку ошибаются они эпистемически и как бы непреднамеренно¹. Конечно, им вполне можно поставить в укор определённую нехватку мудрости, «учёного не-знания» или эпистемологического оппортунизма. Вместе с тем свобода практиков и изобретателей (в случае их успеха) от скованности теориями и парадигмами – характерное «не-знание», в итоге свидетельствует о его действительной силе.

Второй же взгляд («вдаль») присущ учёным, оказывающимся теми гигантами, на плечах которых так или иначе строится в дальнейшем будущая практическая реальность. В терминах Ш. Джасанофф можно сказать, что им свойствен высокий уровень социотехнической имагинативности [Jasanoff 2015, 5–7], хотя и в весьма интуитивной форме (условно, как у Фарадея). Другое дело, что пример с Фарадеем является, скорее, исключением из правил в том смысле, что великие учёные прошлого нередко весьма скептически относились к практическому потенциалу своих открытий. Например, у Г. Герца такое отношение было к электромагнитным волнам, а у Э. Резерфорда – к ядерным реакциям.

Примечательно, что подобные скептические высказывания, вроде бы явно удерживающие учёных в «башне из слоновой кости», затем растворяются в действительной силе добытого ими знания, приводимой в жизнь уже другими акторами [Савченко 2025, 79]. Это лишний раз напоминает, что (чистая) наука может преобразовать мир, изначально совсем этого не предполагая («не хотеть – не значит не сделать»), а соответствующие учёные в этом смысле также становятся в ряд гигантов.

Тем не менее именно в контексте власти условный «учёный-ви-зионер» вроде Фарадея все-таки оказывается на ступеньку выше коллег по цеху, скептически или нейтрально относящихся к потенциальным последствиям своих открытий. В первую очередь это обусловлено самим фактом осознания возможного практического «пере-творения» мира. Примечательно, что здесь мы сталкиваемся с представлением об учёном как своего рода «богоподобном»

¹ Здесь специально предполагается отсутствие ангажированных интересов у учёных. Вместе с тем научный подход может быть использован как во благо, так и в завуалированных корыстных целях, и в обоих случаях символический капитал науки будет служить весомым аргументом от авторитета [Шибаршина 2023, 106].

субъекте [Фуллер 2021, 178]. Так, классическая прерогатива Бога – обитание в Высших Сферах (Небо). Чем больше «высота», тем ближе к Божественному Миру. В данном контексте взгляд «свысока» приобретает иной, отличный от пренебрежительного характер и в каком-то смысле сливается со взглядом вдаль. Равно как и наоборот. Оба способа видения вырождаются в единое «со-творяющее» отношение.

Думается, и сам образ «башни из слоновой кости» здесь должен трансформироваться в нечто иное. С одной стороны, оно должно сохранить ограничивающую функциональность, поскольку речь идёт как бы о двух мирах, «небесном» и «земном». С другой стороны, один мир «подчиняет» себе другой, а башня как высокий объект символизирует данное отношение. И все-таки указать конкретный результат трансформации представляется нетривиальной задачей. Вместе с тем здесь обнаруживаются примечательные созвучия с другим известным образом – Вавилонской башней. И. В. Мелик-Гайказян предлагает интерпретацию данного образа в свете анализа деятельности человека в сфере высоких технологий, прототипические зародыши которых обнаруживаются уже в библейском описании её строительства. В частности, речь идёт об использовании кирпичей вместо камней, что является примером замены естественного искусственным. В расширенном смысле подобная замена и означает деятельность «наукоемких технологий», а известные современные проекты (информационное общество, общество знаний) оказываются аналогами проекта Вавилонской башни, олицетворяющими обретение человеком роли конструктора практического мира [Мелик-Гайказян 2016, 94–95].

Современные инновационные и технологические проекты реализуются, как правило, коллективным субъектом, но роли входящих в него акторов не являются равноценными. Перефразируя известное выражение Дж. Оруэлла, можно сказать, что «все акторы властительны, но одни властительнее других». Так, учёные, вынесенные судом истории на роль гигантов, способны, вероятно, достаточно долго пребывать в подобном качестве и сохранять в своих именах «роль личности». Имена станут своеобразными высказываниями, атрибутирующими их символическую власть.

Власть Охотника

В некотором смысле состояние политеизма может быть охарактеризовано в терминах коллективного субъекта – здесь у каждого

«божества» свой удел в виде определённого навыка, ремесла либо стихии Природы. Древнему же человеку было свойственно синтетическое миропонимание: он не обходился как без условного магического мышления, так и без практических знаний, вырабатываемых предками и передаваемых «по наследству» в процессе личного обучения. Человек, живущий вплотную с природой, не мог так или иначе её не исследовать. В роли же «теоретиков» – знатоков правильного и неправильного – выступали вожди и шаманы [Касавин 2000, 55–72].

Примечательный образ шамана содержится в романе Г. Гессе «Игра в бисер». Речь идёт о Йозефе Кнхете, но не проживающем в Касталии («башне из слоновой кости»), а Кнхете-кудеснике, предсказателе, охотнике, описанном в одном из трёх дополнений к роману и олицетворяющем «научно-прогностическую институцию» своего племени. Гессе весьма филигранно изображает вневременные свойства героя, вкладывая в него прототипические черты современного учёного: «Он глядел на рисунки на листьях дерева или на сетчатые линии на головке сморчка и предчувствовал при этом нечто таинственное, возможное в будущем: магию знаков, числа и письменность, сведение бесконечного и тысячеликого к простому, к системе, к понятию» [Гессе 1994, 390].

Несмотря на то, что Кнхет Касталии и Кнхет-шаман принадлежали к различным жизненным мирам, их объединяет одно существенное обстоятельство: стремление к истине, и к истине практической, связанной с вопросом том, как жить дальше. Касталийского Кнхета сильно волновала проблематика взаимодействия с «внешним миром», куда он в итоге и мигрировал. Для принятия такого решения ему пришлось пройти длинный путь: изучить множество книг (собрать факты), поучаствовать в дискуссиях, продвинуться по «карьерной лестнице», обдумать немало мыслей и представить письменное обоснование своего поступка – в некотором роде исследовательский вывод. Это позволяет, хотя и в метафорическом ключе, говорить о касталийском Кнхете как Охотнике. Его «добыча» – правильный для себя «жизненный мир», проникновение в который и символизирует успех Охоты.

На специфику Охоты в контексте проблемы познания обратил пристальное внимание А. Ф. Лосев. Он подчёркивал, что в диалогах Платона часто используется образ Охотника как субъекта, разыскивающего и преследующего истину, а познание в целом описывается как предмет «охотничьего уловления» [Лосев 2000, 295]. Детально разработанная картина подобного процесса содержится в

«Теэтете». Познание описывается здесь Платоном как двухстадийный процесс ловли голубей: сначала необходимо, приложив усилия, поймать голубей (знания) и поместить их в своей душе, а затем продолжить ловлю голубей уже внутри своей души, её успех будет означать обретение полного знания и возможность его использования. Примечательно, что в других диалогах Сократ неоднократно уподобляет участников беседы осуществляющим преследование «ищёйкам» [Лосев 2000, 297]. Для нас же существенно, что Охота так или иначе заключает в себе властное действие, а фигура Охотника – символ этой власти.

«Праксис» охоты прослеживается во многих аспектах науки. Например, существуют так называемые магнитные ловушки, используемые для удержания плазмы в задачах термоядерного синтеза. Радиолокатор, разработанный в период Второй мировой войны – вполне «охотничий прибор». В математике существует метод половинного деления, используемый для решения трансцендентных уравнений и основанный на итерационном двукратном уменьшении интервала поиска для улавливания корня.

Полифония «следований»

Очевидно, в процессе Охоты немалая роль принадлежит «следам». А это слово, как известно, содержится в качестве корня в словах «преследование», «исследование», «обследование», «расследование». Рассмотрим данные процессы в переплетённой совокупности в широком контексте «бытия науки».

Так, (современный) учёный, занимаясь *исследованием*, обычно преследует определённую цель. С одной стороны, аспект *преследования* здесь нередко носит формальный характер вроде постановки задачи. С другой стороны, движение к цели в науке может иметь соревновательное значение, когда учёному нужно застолбить за собой право первооткрывателя и опередить конкурентов. Или человек, выполняющий диссертационное исследование, делает обзор проблематики – своего рода *обследование эпистемической территории*, что можно трактовать как интеллектуальную поимку. В терминах Бентама и Фуко, учёный создаёт тем самым нечто вроде «пан-оптикума» данных и фактов, подвергающихся затем дальнейшему властному воздействию – исследованию.

Заметим – не секрет, что в науке бывают ошибки, случаи принятия желаемого за действительное или намеренно сфабрикованные результаты. Большая надежда здесь возлагается на плечи других ис-

следователей, осуществляющих верификацию эффекта¹, и это, по сути, является актом расследования. Тем не менее в этическом плане ключевое значение имеет критическое отношение учёных к своим результатам. Показательным примером здесь служит история открытия реликтового излучения А. Пензиасом и Р. Вильсоном. Получив необычные сигналы из космоса с помощью радиотелескопа, учёные вначале посчитали их влиянием помех, на роль которых, помимо прочего, претендовал голубиный помёт, обнаруженный на поверхности чаши телескопа. В результате тщательного расследования – анализа всех возможных влияний – учёные все-таки убедились в наличии нового явления [Вильсон 1979, 606].

Подобный эпизод напоминает и о том, что учёный, как Охотник, не только использует «ловушки» в целях исследования (как инструментарий), но и сам в каком-то смысле рискует в них угодить. А они могут проявиться в самых разнообразных «мелочах». Например, плохо откалиброванная измерительная аппаратура, перепутанный образец, случайная примесь, попавшая в колбу с реактивом. Вспоминая Б. Латура – «вещи дают сдачи». Злую шутку, вероятно, способны сыграть с учёным и результаты, описанные в статьях других авторов, если он слишком оголтело использует их в своей работе.

Между тем сама «методическая аналогия» между исследованием и расследованием также имеет давнюю историю, с чем связана юридическая метафора естествознания. Э. Мах сравнивал задачу естествоиспытателя с задачей судьи, вытягивающего признание, вспоминая при этом Ф. Бэкона, называвшего экспериментальный метод допросом природы. И к нему исследователь подходит во всеоружии используемых «для пытки» инструментов и аппаратов [Max 2001, 43].

Для некоторых научных дисциплин, например криминалистики, задача исследования во многом совпадает с задачей расследования, но лежащей уже в юридической, а не чисто эпистемической плоскости. Конечно, это относится к современной сильно институциализированной науке. Хотя и в более ранние времена учёные иногда посвящали своё время и навыки службе закону. Серьёзных успехов здесь добился выдающийся американский физик Роберт Вуд (1868–1955). Особенно это касалось случаев, связанных с подры-

¹ Конечно, далеко не во всех случаях подобная верификация легко или быстро осуществима. Например, может отсутствовать аналогичный «большой коллайдер» с необходимой исследовательской инфраструктурой и т.п. Более того, в настоящее время в науке наблюдается «кризис воспроизводимости» [Бажанов 2022, 70–71].

вами. Вду весьма искусно удавалось реконструировать взрывные устройства по исследованию осколков и разнообразных следов, а некоторые его результаты стали предметом научных докладов [Сибрук 1985, 247–265].

Личность Вуда вызывает уважение, поскольку его жизненный мир включал в себя как «базис» – занятие чистой наукой, так и существенную «надстройку» – служение обществу и справедливости. В дискурсе научной политики Вуд – герой и фундаментальной, и прикладной науки, и ему почти в равной мере вольготно как в башне из слоновой кости, так и за её пределами. Но... указанное «почти» и искупаётся различием «базиса» и «надстройки». «Базис», то есть собственно наука, все-таки существеннее. Вообще говоря, его можно интерпретировать в рамках метафоры «пытки природы», и тогда «исследование» станет «расследованием», но оно, опять же, вырождается при этом в характеристику властного колорита научного метода в собственном эпистемическом поле, теряя связь с обыденным миром.

Таким образом, представляет интерес обратная ситуация, когда в качестве «базиса» выступит расследование – в более прямом, не метафорическом смысле, а исследование будет ему подчинено.

Вненаходимая лаборатория Шерлока Холмса

В контексте обсуждения¹ различных видов «следований» заметим, что обследование, как правило, – первостепенная задача медицины, существенная черта которой – непосредственная практическость. «Следы» для медика – симптомы и признаки, и они могут обладать различной степенью видимости, зависящей в том числе и от эпистемических установок исследующего. Так, З. Фрейд упоминал, что нередко случается «проявление великого в малом» и что «самые незначительные, скромные явления, так сказать, отбросы из мира явлений служат материалом, над которым работает психоанализ» [Фрейд 2000, 25]. Он проводил аналогию и с процессом рас-

¹ Обсуждение слов (понятий) преследование, исследование, обследование, расследование есть дань семиотике в представленном рассуждении о сущностной основе, на которой «вырастают» знаковые формы, эксплицирующие аспекты взаимодействия науки и власти. Внешнее выражение этого взаимодействия с позиций семиотики дано совсем недавно [Тихонова 2023] и было встречено возражениями, опирающимися на разные реализации семиотического подхода [Вархотов 2023; Мелик-Гайказян 2023]. Кроме того, анализ образа Шерлока Холмса в ракурсе исследования проблематики символической власти научного знания имплицитно содержит новации визуальной семиотики.

следования убийств, подчёркивая, что в подобных случаях следователю необходимо работать со всеми ничтожными признаками.

Самый же известный в мире специалист по анализу ничтожных признаков – Шерлок Холмс. Конечно, с той оговоркой, что это вымышленный персонаж, хотя его прототипом и послужил реальный профессор медицины [Росс 2021, 18, 19]. В настоящее время Шерлок Холмс представляет собой целое культурное явление (Шерлокиана, Холмсиана). Образ великого детектива совсем не теряет актуальности, обрастаю все новой фактурой – множеством интерпретаций, адаптаций и схожих персонажей [Naidu 2017; McCaw 2020, 36].

Ореол влияния оригинального образа Шерлока Холмса чрезвычайно многомерен. В первую очередь – популярность самих канонических произведений и вытекающее из этого «пленение» самого автора: ведь для создания новых произведений писателю пришлось «воскресить» своего героя, придав истории его падения с Рейхенбахского водопада иное развитие. Характерным духом власти и влияния пропитана и вся повседневность великого сыщика. Он постоянно шокирует людей своей наблюдательностью и аналитическими способностями. У него множество связей в различных странах, к нему обращаются за помощью персоны, занимающие важные правительственные посты. Так, в рассказе «Обряд дома Месграйвов» Холмс даёт оценку своей репутации: «Не только публика, но и официальные круги считают меня последней инстанцией для разрешения спорных вопросов» [Конан Дойль 1966а, 93].

С одной стороны, ключевой процесс для Холмса – расследование. С другой стороны, по характеру работы он часто действует, как учёный [Ward, Orbell 1988, 15; Buchmann 2020], хотя и не является им в полном смысле. В ходе одного из разговоров с Ватсоном (повесть «Знак четырёх») он утверждает: «Расследование преступления – точная наука, или по крайней мере должно ею быть» [Конан Дойль 1966б, 153]. Здесь расследование и есть тот «базис», которому подчинена «надстройка» (исследование), но имеющая при этом весьма глубокое содержание. Холмс не только рьяно занимался самообразованием в различных областях знаний, но и публиковал результаты собственных исследований [Конан Дойль 1966б, 154].

Тексты Конан Дойля демонстрируют насыщенное разнообразие жизненного мира Холмса, обусловленное «топологическим сплетением» деятельности расследования и исследования, что хорошо иллюстрируют следующие слова доктора Ватсона: «Комнаты наши были вечно полны странных предметов, связанных с химией или какой-нибудь уголовщиной» [Конан Дойль 1966а, 91]. В этой свя-

зи интересно взглянуть на жизненный мир Шерлока Холмса в оптике понятия *лаборатории*, прочно вошедшего в настоящее время (во многом благодаря Б. Латуру) в оборот эпистемологии науки и STS-исследований.

В рамках исследования эпистемических аспектов понятия научной лаборатории автором настоящей работы было введено представление о *вненаходимости* как свойстве, выражающем пространственное распределение, специфику лаборатории как локации научно-технических практик [Жарков 2020, 184–186]. Апелляция к *вненаходимости* расширяет классический образ научной лаборатории, связанный с представлением о ней как специально-оборудованном месте для осуществления опытов и экспериментов.

Исследовательская деятельность Холмса осуществляется как в стационарной лаборатории – в его квартире, так и на местах преступлений и в связанных с ними локациях. В свете *вненаходимости* место преступления также принимает статус *лабораторной локации* сыщика, становясь полевой лабораторией¹, а улики обретают роль *лабораторных образцов*, *лабораторных записей*. Более того, *вненаходимая лаборатория* Холмса оказывается пространством интеграции всех типов следований. Так, процесс «преследования» свойствен Холмсу в самой явной форме: он участвует в погонях и задержаниях, а его любимое оружие – охотничий хлыст. Кроме того, полевая лаборатория Холмса иногда выступает и в роли «театральной сцены», на которой разыгрывается кульминация раскрытия дела. Как описывает доктор Ватсон, после демонстрации одной из подобных разгадок, сильно восхитившей присутствующих, «Холмс поклонился, как кланяется драматург, вызванный на сцену рукоплесканиями зрителей» (рассказ «Шесть Наполеонов») [Конан Дойль 1966в, 429–430].

Холмс не принадлежит к типичным обитателям «башни из словновой кости» и не смотрит на окружающий мир «свысока». Наоборот, ему свойствен выраженный взгляд «вдаль», в котором, в свою очередь, просматривается два измерения. Первое олицетворяет одну из ключевых целей (результатов) его работы – восстановление картины произошедших событий, своего рода «ретроспективное пророчество» [Росс 2021, 115]. Второе же носит проективно-стратегический характер, ведь детектив фактически выступает апологетом тезиса «Знание → Сила», стремясь к полноценному «онаучиванию» сыскного дела. Чувствуется в Холмсе и нечто от образности мудреца-шамана: он встроен в некоторую социальную действительность, но занимает в ней особенное положение.

¹ И локацией обследования.

Итоги

Тот факт, что Шерлок Холмс в настоящее время – яркое культурное явление, свидетельствует о его символической нагруженности, достигшей определённой точки роста¹. Это культурное явление, обусловленное влиянием научного знания. Более широко – онто-эпистемическим значением науки как символической формы (Э. Кассирер). В подобном смысле «Шерлок Холмс» – мощное высказывание науки в культуре, олицетворяющее её символическую власть. Кроме того, оно повлияло и на саму науку, поскольку Холмс стал предметом исследований и даже идеяным вдохновителем такого известного подхода, как «уликовая парадигма» (К. Гинзбург). Таким образом, можно говорить о цепочке влияния «Наука → Культура».

На страницах же канонических произведений Шерлок Холмс – актор действительной власти, воплощающий в себе индивидуальную экспертную институцию и безотказный механизм правосудия. И все-таки, несмотря на всю его аналитичность, сметливость и эффективность, великий детектив – «человеческий» актор, и даже «слишком человеческий», поскольку, например, от отсутствия интересных дел легко впадает в хандру. И это в нашу эпоху роста влияния искусственного интеллекта и технологий в целом делает его особенно привлекательным. Вместе с тем, если уж у Холмса появляется дело, к нему он подходит энергично и во всеоружии света разума.

Мы полагаем, в этом смысле он может служить хорошим ролевым примером как для учёных, так и вообще для всех людей, пытающихся осмысливать окружающую действительность или стоящих перед практическими проблемами. Сегодня вокруг нас много различных неопределённостей, всевозможных «пост»-явлений, взаимодействовать с которыми нелегко, но, возможно, иногда будет полезным прибегнуть к ментальному дистанцированию от запутанных ситуаций, чтобы увеличить свой «обзор» и тем самым попытаться прийти к верному решению.

БИБЛИОГРАФИЯ

Бажанов 2022 – Бажанов В. А. Затрагивает ли кризис воспроизведимости математику? // Философия науки и техники. 2022. Т. 27, № 1. С. 70–83.

¹ «Символы растут» (Ч. Пирс).

- Бурдье 2007 – Бурдье П. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2007.
- Бэкон 1978 – Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1978. Т. 2.
- Вархотов 2023 – Вархотов Т. А. Неконвенциональное согласие: как мы все еще мыслим вместе // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 313–318. doi: 10.17223/1998863X/75/27
- Вильсон 1979 – Вильсон Р. Космическое микроволновое фоновое излучение // Успехи физических наук. 1979. Т. 129, № 4. С. 595–613.
- Гессе 1994 – Гессе Г. Игра в бисер // Гессе Г. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Прогресс-Литера; Харьков: Фолио, 1994. Т. 5. С. 7–466.
- Жарков 2020 – Жарков Е. А. Лаборатория как вненаходимая сущность // Социология науки и технологий. 2020. Т. 11, № 4. С. 175–190.
- Касавин 2000 – Касавин И. Т. Традиции и интерпретации: фрагменты исторической эпистемологии. М.-СПб.: Издательство РХГИ, 2000.
- Кларк 1966 – Кларк А. Черты будущего. М.: Мир, 1966.
- Конан Дойль 1966а – Конан Дойль А. Обряд дома Месграйвов // Конан Дойль А. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Правда, 1966. Т. 2. С. 90–110.
- Конан Дойль 1966б – Конан Дойль А. Знак четырёх // Конан Дойль А. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Правда, 1966. Т. 1. С. 151–264.
- Конан Дойль 1966в – Конан Дойль А. Шесть Наполеонов // Конан Дойль А. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Правда, 1966. Т. 2. С. 411–432.
- Лосев 2000 – Лосев А. Ф. История Античной эстетики. Высокая классика. М.: АСТ, 2000.
- Масланов 2024 – Масланов Е. В. К вопросу о политической субъектности науки // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 8, № 3. С. 339–351.
- Мах 2000 – Мах Э. Популярные лекции по физике. Ижевск: Регулярная и хаотическая динамика, 2001.
- Мелик-Гайказян 2016 – Мелик-Гайказян И. В. Вавилонская башня – метафора о «семиотическом аттракторе» динамики Hi-Tech // Философия науки и техники. 2016. Т. 21, № 1. С. 92–103.
- Мелик-Гайказян 2022 – Мелик-Гайказян И. В. Об одной географической метафоре // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 69. С. 27–31. doi: 10.17223/1998863X/69/4
- Мелик-Гайказян 2023 – Мелик-Гайказян И. В. «Пост-нормальное» состояние науки: противостояние впечатлений измерениям // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 319–323. doi: 10.17223/1998863X/75/28
- Росс 2021 – Росс С. Наука Шерлока Холмса: методы знаменитого сыщика в расследовании преступлений прошлого и настоящего. М.: Эксмо, 2021.
- Савченко 2025 – Савченко И. А. Системные диахотомии современного этоса науки (к 115-летию Роберта Мертона) // Социология науки и технологий. 2025. Т. 16, № 1. С. 74–90.

- Сибрук 1985 – Сибрук В. Роберт Вуд: современный чародей физической лаборатории. М.: Наука, 1985.
- Тихонова 2023 – Тихонова С. В. Праксис и дейксис научного гуманитарного исследования: в поисках новой нормальности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 300–306. doi: 10.17223/1998863X/75/25
- Фрейд 2000 – Фрейд З. Психоанализ. Донецк: Сталкер, 2000. (Золотая библиотека психологии).
- Фуллер 2021 – Фуллер С. Постправда: знание как борьба за власть. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021.
- Шибаршина 2023 – Шибаршина С. В. К проблеме использования символической власти научно-экспертного знания // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2023. Т. 6, № 2. С. 102–117.
- Buchmann 2020 – Buchmann A. The mediatization of Sherlock Holmes: autoethnographic observations on literary and film tourism // The Routledge Companion to Media and Tourism / M. Mansson, A. Buchmann, C. Cassinger, L. Eskilsson (eds.). Milton: Routledge, 2020. P. 326–336.
- Bud 2018 – Bud R. Categorizing Science in Nineteenth and Early Twentieth-Century Britain // Basic and Applied Research: The Language of Science Policy in the Twentieth Century / D. Kaldewey, D. Schauz (eds.). New York, Oxford: Berghahn Books, 2018. P. 35–63.
- Carlizzi 2020 – Carlizzi G. Scientific Questions of Fact Between Free Evaluation of Evidence and Proof Beyond any Reasonable Doubt in the Criminal Trial // Quaestio Facti. International Journal on Evidential Legal Reasoning. 2020. Vol. 1. P. 133–176.
- Jasanoff 2015 – Jasanoff S. Future Imperfect: Science, Technology, and the Imaginations of Modernity // Dreamscapes of Modernity: Sociotechnical Imaginaries and the Fabrication of Power / S. Jasanoff, S. Kim (eds.). Chicago: Chicago University Press, 2015. P. 1–33.
- McCaw 2020 – McCaw N. Sherlock Holmes and a Politics of Adaptation // Sherlock Holmes and Conan Doyle / S. Vanacker, C. Wynne (eds.). London: Palgrave Macmillan UK, 2020. P. 36–48.
- Naidu 2017 – Naidu S. Introduction // Sherlock Holmes in Context / S. Naidu (ed.). London: Palgrave Macmillan UK, 2017. P. 1–5.
- Sherman 2023 – Sherman S. The Polyopticon: a diagram for urban artificial intelligences // AI & SOCIETY. 2023. Vol. 3. P. 1209–1222.
- Sismondo 2010 – Sismondo S. An Introduction to Science and Technology Studies. Oxford: John Wiley & Sons, 2010.
- Ward, Orbell 1988 – Ward V., Orbell J. Sherlock Holmes as a Social Scientist // Political Science Teacher. 1988. Vol. 1 (1). P. 15–18.

REFERENCES

- Bacon, F. (1978). *Sochineniya v dvukh tomakh* [Works in two volumes] (vol. 2). Mysl'.

- Bazhanov, V. A. (2022). Zatragivaet li krizis vosproizvodimosti matematiku? [Does the reproducibility crisis affect mathematics?]. *Philosophy of Science and Technology*, 27(1), 70–83.
- Bourdieu, P. (2007). *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of social space]. Aleteiya.
- Buchmann, A. (2020). The mediatization of Sherlock Holmes: Autoethnographic observations on literary and film tourism. In M. Mansson, A. Buchmann, C. Cassinger, & L. Eskilsson (Eds.), *The Routledge Companion to Media and Tourism* (pp. 326–336). Routledge.
- Bud, R. (2018). Categorizing science in nineteenth and early twentieth-century Britain. In D. Kaldewey & D. Schauz (Eds.), *Basic and Applied Research: The Language of Science Policy in the Twentieth Century* (pp. 35–63). Berghahn Books.
- Carlizzi, G. (2020). Scientific questions of fact between free evaluation of evidence and proof beyond any reasonable doubt in the criminal trial. *Quaestio Facti: International Journal on Evidential Legal Reasoning*, 1, 133–176.
- Clark, A. C. (1966). *Cherty budushchego* [Profiles of the future]. Mir.
- Conan Doyle, A. (1966a). Obryad doma Mesgreyyvov [The adventure of the Musgrave ritual]. In *Sobranie sochinienii: v 8 t.* [Collected works: In 8 volumes] (vol. 2, pp. 90–110). Pravda.
- Conan Doyle, A. (1966b). Znak chetyrekh [The sign of the four]. In *Sobranie sochinienii: v 8 t.** [Collected works: In 8 volumes] (Vol. 1, pp. 151–264). Pravda. (Original work published 1890).
- Conan Doyle, A. (1966c). Shest' Napoleonov [The adventure of the six Napoleons]. In *Sobranie sochinienii: v 8 t.* [Collected works: In 8 volumes] (Vol. 2, pp. 411–432). Pravda. (Original work published 1904).
- Freud, S. (2000). *Psikhoanaliz* [Psychoanalysis]. Stalker.
- Fuller, S. (2021). *Postpravda: Znanie kak bor'ba za vlast'* [Post-truth: Knowledge as a power game]. Izdatel'skiy dom Vysshay shkoly ekonomiki.
- Hesse, H. (1994). Igra v biser [The glass bead game]. In *Sobranie sochinienii: v 8 t.* [Collected works: In 8 volumes] (vol. 5, pp. 7–466). Progress–Litera.
- Jasanoff, S. (2015). Future imperfect: Science, technology, and the imaginations of modernity. In S. Jasanoff & S. Kim (Eds.), *Dreamscapes of Modernity: Sociotechnical Imaginaries and the Fabrication of Power* (pp. 1–33). University of Chicago Press.
- Kasavin, I. T. (2000). *Traditsii i interpretatsii: Fragmenty istoricheskoi epistemologii* [Traditions and interpretations: Fragments of historical epistemology]. Russian Christian Humanitarian Institute.
- Losev, A. F. (2000). *Istoriya Antichnoi estetiki. Vysokaya klassika* [The history of classical aesthetics. The high classic period]. AST.
- Mach, E. (2001). *Populyarnye lektsii po fizike* [Popular scientific lectures on physics]. Regulyarnaya i Khaoticheskaya Dinamika.
- Maslanov, E. V. (2024). K voprosu o politicheskoi sub"ektnosti nauki [On the political subjectivity of science]. *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*, 8(3), 339–351.

- McCaw, N. (2020). Sherlock Holmes and a politics of adaptation. In S. Vanacker & C. Wynne (Eds.), *Sherlock Holmes and Conan Doyle* (pp. 36–48). Palgrave Macmillan.
- Melik-Gaykazyan, I. V. (2016). Vavilonskaya bashnya – metafora o “semioticheskoy attraktore” dinamiki Hi-Tech [The Tower of Babel – a metaphor for the “semiotic attractor” of Hi-Tech dynamics]. *Philosophy of Science and Technology*, 21(1), 92–103.
- Melik-Gaykazyan, I. V. (2022). About one geographical metaphor. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 69, 27–31. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/1998863X/69/4>
- Melik-Gaykazyan, I. V. (2023). A “post-normal” state of science: confrontation between impressions and measurements. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 75, 319–323. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/1998863X/75/28>
- Naidu, S. (2017). Introduction. In S. Naidu (Ed.), *Sherlock Holmes in Context* (pp. 1–5). Palgrave Macmillan.
- Ross, S. (2021). *Nauka Sherloka Kholmsa: metody znamenitogo synshchika v rassledovanii prestuplenii proshloga i nastoyashchego* [The science of Sherlock Holmes: From barker street to the valley of the fear]. Eksmo.
- Savchenko, I. A. (2025). Sistemnye dikhotozioni sovremennoego etosa nauki (k 115-letiyu Roberta Mertona) [Systemic dichotomies of the modern ethos of science (on the 115th anniversary of Robert Merton)]. *Sociology of Science and Technology*, 16(1), 74–90.
- Sherman, S. (2023). The polyopticon: A diagram for urban artificial intelligences. *AI & SOCIETY*, 38, 1209–1222. <https://doi.org/10.1007/s00146-021-01340-8>
- Shibarshina, S. V. (2023). K probleme ispol'zovaniya simvolicheskoi vlasti nauchno-ekspertnogo znaniya [On the problem of using the symbolic power of scientific and expert knowledge]. *Digital Scholar: Philosopher's Laboratory*, 6(2), 102–117.
- Sibrook, W. (1985). *Robert Wood: sovremennyi charodei fizicheskoi laboratorii* [Robert Wood: A modern wizard of the laboratory]. Nauka.
- Sismondo, S. (2010). *An introduction to science and technology studies* (2nd ed.). Wiley-Blackwell.
- Tikhonova, S. V. (2023). Praxis and deixis of scientific humanitarian research: in search of a new normality. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 75, 300–306. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/1998863X/75/25>
- Varkhotov, T. A. (2023). Non-conventional consent: How we still keep thinking together. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 75, 313–318. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/1998863X/75/27>
- Ward, V., & Orbell, J. (1988). Sherlock Holmes as a social scientist. *Political Science Teacher*, 1(1), 15–18.

- Wilson, R. W. (1979). Kosmicheskoe mikrovolnovoe fonovoe izluchenie [The cosmic microwave background radiation]. *Uspekhi Fizicheskikh Nauk*, 129(4), 595–613.
- Zharkov, E. A. (2020). Laboratoriya kak vnenakhodimaya sushchnost' [The laboratory as an ex-situ entity]. *Sociology of Science and Technology*, 11(4), 175–190. http://j-spacetime.com/actual%20content/t10v1/t10v1_PDF/2227-9490e-apr0v_e-ast10-1.2015.115.pdf

Материал поступил в редакцию 07.08.2025

BOOK COVER AS A SEMIOTIC TRANSLATION: THE CASE OF THE AUTOBIOGRAPHY MAYRIG BY HENRI VERNEUIL

Mkrtich S. Mkrtchyan

Institute of Language after H. Acharyan,
National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Yerevan, Armenia;
Brusov State University, Yerevan, Armenia
mkrtich.mkrtchyan@bryusov.am

Beyond their conventional role, book covers function as sophisticated agents of cultural communication and semiotic translation. While extant research often analyzes the linguistic aspects of translation, the interplay of verbal and non-verbal elements on book covers, particularly in the context of autobiographical narratives and cross-cultural adaptation, remains neglected. This study examines the book cover as a site of semiotic translation in Henri Verneuil's autobiography, Mayrig, in its French, Armenian, and American editions. The interplay between its verbal and nonverbal elements is explored through a comparative lens, informed by Gérard Genette's insightful paratextual theory. Particular attention is paid to how the very fabric of the cover subtly reveals patterns and variations that vividly illustrate the cultural and temporal adaptations of the narrative's core themes. Drawing on Roland Barthes' concept of photography as an "umbilical cord", the analysis examines how photographic elements enhance the autobiographical pact. Thus, the study evaluates the connections that emerge from combining various media, such as family photos, movie stills, and narrative quotes. This article concludes that Mayrig's covers actively serve as dynamic sites of semiotic translation that employ various semiotic strategies to successfully convey the main themes of the work to a diverse audience.

Keywords: book cover, semiotic translation, autobiography, semiotics of photography, Mayrig, Henri Verneuil

ОБЛОЖКА КНИГИ КАК ФОРМА СЕМИОТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА: НА ПРИМЕРЕ АВТОБИОГРАФИИ «МАЙРИК» АНРИ ВЕРНЕЯ

М. С. Мкртчян

Институт языка имени Р. Ачаряна Национальной академии наук
Республики Армения, Ереван, Армения
Государственный университет имени В. Я. Брюсова, Ереван, Армения
mkrtich.mkrtchyan@bryusov.am

Цель статьи – используя сравнительный семиотический анализ, выявить стратегии передачи смысла автобиографического текста на обложку

книги посредством семиотического перевода. Материалом исследования являются обложки автобиографии Анри Вернея «Майрик» в её французском, армянском и американском изданиях. Эти обложки функционируют как сложные знаковые системы, объединяющие вербальные и невербальные элементы. Методологическую основу исследования составляют семиотический и сравнительный анализ, дополненные теорией паратекста Жерара Женетта. Семиотический перевод осмысливается как процесс мультимодального смыслообразования, при котором ключевые темы текста передаются через взаимодействие вербальных и невербальных кодов, ориентированных на конкретную аудиторию. Особое внимание уделяется метафоре Ролана Барта о фотографии как «пуповине», связывающей автора и читателя и создающей метонимическую связь между обложкой и содержанием книги. Это свойство фотографии активизируется через интертекстуальные и интермедиальные связи, тем самым усиливая автобиографический пакт Филиппа Лежёна. В ходе анализа выявлены культурные коды, презентируемые в визуальном оформлении обложек, отражающих специфику национальных изданий. Сравнительный подход позволяет установить, что французские версии акцентируют личные воспоминания, тогда как армянские – коллективную память, что проявляется, например, в использовании картины Аршила Горки «Художник и его мать» как автобиографического визуального элемента. Появление кадров из экranизации на позднейших обложках иллюстрирует феномен интермедиальности.

Таким образом, обложки автобиографии «Майрик» предстали как динамичные платформы семиотического перевода, в которых реализуются разнообразные стратегии для эффективной передачи ключевых тем произведения.

Ключевые слова: обложка книги, семиотический перевод, автобиография, семиотика фотографии, Майрик, Анри Верней

DOI 10.23951/2312-7899-2025-4-122-141

Introduction

Book covers transcend their primary function as protective shells to become complex sites of semiotic translation that engage with dynamic multimedia narratives and profound cultural shifts. While the linguistic dimensions of translation have received extensive scholarly attention, the multimodal interplay of verbal and nonverbal elements on book covers – and their profound role in cross-cultural semiotic translation – represents a significant yet critically underexplored area of research. This gap is particularly pronounced within the burgeoning field of paratextual studies, especially concerning autobiographical

narratives, where the cover must negotiate the deeply personal with broader cultural contexts. Although previous studies have recognised book covers as semiotic constructs [Sonzogni 2011; Mossop 2017; Torop 2019; Jiang 2021], there is still a notable lack of in-depth comparative analysis. This gap is especially pertinent given that books, in the marketplace, function primarily as commodities, a role their covers are strategically designed to support [Liu, Zhang 2025]. Through the deliberate orchestration of imagery and text, covers perform a semiotic translation of the book's content, thereby serving both marketing and interpretive functions. This article responds to this research gap by analyzing the French, Armenian, and American editions of Henri Verneuil's autobiography, *Mayrig*, using a semiotic translation framework. In doing so, it contributes to a deeper understanding of how book covers operate as active agents in cultural memory formation and in the complex dynamics of multimodal communication.

Methodology

This article employs a qualitative, comparative case study approach to analyze the intersemiotic translation of Henri Verneuil's autobiography *Mayrig* across its French, Armenian, and American editions. The analytical framework combines three key theoretical fields:

– **Paratextuality:** Gérard Genette's concepts of peritext and epitext are used to analyze the verbal and non-verbal elements surrounding the main text.

– **Photography and autobiography:** Roland Barthes' concept of photography as “umbilical cord” and Philippe Lejeune's “autobiographical pact” are used to explore the role of photographic images in establishing authenticity and conveying familial themes.

– **Intersemiotic translation and intermediality:** Roman Jakobson's and Gideon Toury's models of translation provide a basis for understanding the transfer of meaning across sign systems. This is further developed using Irina Rajewsky's concept of intermediality to analyze the combination of media (text, photography, painting, film stills) on the covers.

The analysis identifies diachronic and cultural differences to reveal how marketing, cultural memory, and audience shape the paratextual presentation of the book.

Theoretical framework: Semiotics and translation

Semiotics is a burgeoning interdisciplinary field that provides researchers with tools to analyze meaning-making across various modes

of communication. As Juri Lotman [1990, 5] aptly noted, “everything which the semiotic researcher turns his/her attention to becomes semiotized in his hands”. Similarly, Robert E. Innis [1985, vii] asserts that “semiotics deals with meanings and messages in all their forms and in all their contexts”. According to Evangelos Kourdis [2022, 139], semiotics serves as a cultural theory of communication and an interdisciplinary field analysing cultural encoding and decoding in verbal and non-verbal systems. This interdisciplinary aspect makes semiotics particularly valuable for a vast array of disciplines seeking to explain various complex phenomena, transcending the limits of any single discipline.

In his seminal article “On Linguistic Aspects of Translation”, pioneer structural linguist Roman Jakobson [1959] argued that word meaning is fundamentally semiotic, grasped through its translation into other signs, whether within or across verbal and nonverbal systems [Jakobson 1959, 126–127]. He identified three types of translation: **intralingual** (rewording within a language), **interlingual** (between languages), and **intersemiotic** (transmutation from verbal to nonverbal signs). Not only did Jakobson’s semiotic approach broaden the scope of translation studies, but it also facilitated an understanding of translation that transcended purely linguistic applications.

However, this groundbreaking contribution was not without its critics. Gideon Toury [1986], in particular, argued that Jakobson’s typology remained linguistically biased, thereby neglecting the wider semiotic dimensions of translation. Toury highlighted that translation often involves crossing multiple semiotic borders (e.g., oral to written, religious to secular). Consequently, he proposed a binary typology: **intrasemiotic** (translation within or between languages, encompassing intralingual and interlingual) and **intersemiotic** (translation between language and non-language) [Toury 1986, 1113]. Toury’s revised model is more applicable and acknowledges that language itself is a sign system, aligning with Ferdinand de Saussure’s [2011, 16] structuralist view, making intrasemiotic translation inherently cover both within-language and between-language translation cases.

The study of such translational processes falls within semiotics of translation or translation semiotics, an interdisciplinary field that explores translation as a semiotic activity. Dinda Gorlee’s [1994, 226–227] concept of **semiotranslation** owes its inspiration to the semiotic theory of Charles S. Peirce, American philosopher and co-founder of modern semiotics, who famously claimed that interpretation precedes translation and meaning is “the translation of a sign into another sign system of signs” [Peirce 1931–1935, vol. 4, 127]. This Peircean insight also

influenced Jakobson's work. Namely, building upon Peirce's concept of invariance, Jakobson argued that any analysis of a sign, particularly within translation, must consider both its stable core and its potential for variation: "on no level is it possible to deal with a sign without considering both an invariant and a transformational variation" [Jakobson 1985, 252]. Therefore, in line with the semiotic understanding of signs encompassing invariant and variant features, translation inherently involves additions, substitutions, and deletions. Crucially, however, the underlying invariance is what preserves the recognisability of the source text.

Ultimately, translation studies have increasingly recognized the valuable insights offered by semiotics. Rather than relying solely on linguistic models, scholars now conceive of translation as a broader, interdisciplinary process of meaning-making. The semiotics of translation is a diverse topic of research that derives from and incorporates various academic traditions [Sütiste 2024, 182]. This reflects a more comprehensive understanding of translation as a semiotic process, involving the interpretation and negotiation of signs across cultural, linguistic, and multimodal contexts.

The embrace of a semiotic perspective opens up exciting new avenues for research, allowing scholars to look into previously overlooked aspects of translation, such as the role of visual elements, cultural codes, pedagogy, and the interpretative processes that are ubiquitous in today's complex communicative landscapes.

Building on these fundamental semiotic and translation theories, we can now examine how these principles manifest themselves in the translation of meaning on book covers.

Semiotics of translating book covers

In general, texts are interdependent entities, and to comprehend one, it is necessary to consider other texts. This relationship is called intertextuality, a term coined by Julia Kristeva [1980] aimed to show that the meaning of a specific text is always shaped by other texts. This focus on relations as the primary units of analysis is key to understanding how texts function, especially in translation, where meaning is created through interaction of multiple semiotic layers, such as linguistic, oral, and visual, all of which must be considered to achieve an adequate translation of the verbal component [Valdeón 2024, 4], and it is this relational perspective that "constitutes the foundation of meaning-making in translation" [Cantó-Milà et al., 2025, 5]. Within this relational par-

adigm, Gérard Genette [1997a] offers a strong framework for classification, proposing the term “*transtextuality*” as a broader concept than *intertextuality*, with five subtypes: *intertextuality*, *paratextuality* (the surrounding elements of a text such as titles, headings, illustrations, blurbs, dust jackets, etc.), *architextuality* (genre), *metatextuality* (critical commentary), and *hypotextuality* (underlying/transformed text).

Given our focus on the book cover, a crucial element of Genette’s *paratext*, understanding how readers engage with a book requires looking beyond the text itself, leading us to delve deeper into this concept. Therefore, to fully analyze a book, one must consider these surrounding *paratextual* elements that Genette outlines. Moreover, to make the *paratext* more explicit, Genette [1997b, 5] divided it into *peritext* and *epitext*, where *peritext* is “*included in the book-as-object*”. Thus, *peritexts* are supplementary details included within the physical book itself or directly bound to it, such as on the covers, but not in its actual content. On the other hand, *epitext* can exist freely and independently of the book; examples of *epitext* include book reviews, stickers, awards, literary criticisms, interviews with the author, and many others. Genette [1997b, 5] posits that *peritext* and *epitext* share “*the spatial field of the paratext*”, and it can be presented with this formula: “*paratext = peritext + epitext*”. Among the crucial elements comprising the *peritext*, and thus directly bound to the *book-as-object*, are book covers and dust jackets. These give information about the author and the publisher, and sometimes about the translator. Additionally, they also present further information about the content, which gives a more complete understanding of the work and its intended audience. Moreover, Brian Mossop [2017] argues that book covers are marketing tools, capitalizing on the fact that buyers judge books by their covers, and as freestanding art pieces, book covers frequently evoke notions in potential buyers’ minds that are separate from the source or target text. Furthermore, Mossop notes that in some cases, book covers can also “*contradict the text and also display inconsistencies between different wordings on a single cover and between wordings and imagery*” [Mossop 2017, 2].

From a semiotic standpoint, these verbal and non-verbal elements act as signs that convey meaning about the book, and their translation requires careful consideration of potential variations in interpretation. Moreover, *paratexts* can actively reframe a book’s core narrative to serve a specific agenda [Tan 2024]. This perspective is effectively illustrated by Alexis Weedon [2007, 117], who argues that “[b]ook covers can be seen as a doorway through which we glimpse the text. [...] It is the threshold between the public commercial arena where the book is for sale and the more intimate world of the text where the author speaks to us alone”.

The interplay between a book cover and its content exemplifies a part–whole relationship. Weedon [2007, 117] elucidates this by stating that covers operate through a process of partial concealment and partial disclosure. This notion of partial representation finds a parallel in translation theory. Namely, building on Lawrence Venuti's [2017] notion of translation's inherent incompleteness, Maria Tymoczko [1999, 55] argues that the translator's necessary interpretive choices and selection of aspects inevitably lead to a partial representation, defining translation as metonymic: "it is a form of representation in which parts or aspects of the source text come to stand for the whole".

These peritextual elements, including book covers and dust jackets, act as crucial information carriers and the interface between the potential reader and the book's content. Moreover, from an intersemiotic standpoint, these verbal (e.g., title, author's name) and non-verbal (e.g., imagery, design) elements act as signs that translate key aspects of the book into a different semiotic mode. Therefore, armed with the tools of semiotic analysis and Genette's insights into paratexts, the subsequent examination will delve into the specific intersemiotic translations evident in the French, Armenian, and American editions of *Mayrig*.

Book covers of the autobiography *Mayrig* across times and cultures

Henri Verneuil, a successful French director of his time [Hayward 2025] of Armenian origin, recounts his journey in his autobiography *Mayrig*, "mother" in Western Armenian. Here he details his arrival in Marseilles, integration into French society, and the loss of his mother and loved ones, alongside his traumatic experiences as a non-French individual and his family's escape from the Armenian Genocide. It is a story of one family, three mothers, as Verneuil would call his mother and his two aunts. Published in 1985, the book was a success and led Verneuil to write and direct a film adaptation at the suggestion of his friend, the Armenian-French writer Henri Troyat¹.

The study of the autobiography book covers remains relatively unexplored territory. This becomes particularly interesting when considering the inherent limitations of autobiographical narratives during the analysis of the book cover and/or dust jacket. As Genette [1997b, 23] points out, printed covers – those made of paper or board – are a relatively recent development, emerging around the early nineteenth century. The increasing focus on covers can likely be attributed to economic factors, aiming to boost sales. The industrialization and expand-

¹ <https://en.168.am/2016/09/06/10564.html>, accessed 29 April 2025.

ing consumer culture of the time likely drove this shift in book cover production, catering to desires for ownership and gift-giving. Furthermore, with the rise of the film industry and the adaptation of books into cinema (intersemiotic translation), cinematic illustrations began appearing on book covers as a strategy to attract a wider audience, especially those familiar with the film but not the book. This created a mutually beneficial relationship where the film and the book could promote each other in the market.

Building upon Genette's concept of the peritext, the following analysis examines the early French editions of *Mayrig* (Fig. 1) to illustrate how verbal and nonverbal signs on the cover function as an initial intersemiotic translation of the autobiography's core themes. The first editions of *Mayrig* [Verneuil 1985; Verneuil 1987] (Fig. 1a and Fig. 1b) feature a cover with a family photograph showing Henri Verneuil with his mother, Araxi, holding him as a baby, set against a yellowish background with the author's name in white on a green band and the title in black font (Fig. 1b). This prominent family photograph serves as a key nonverbal sign, immediately establishing the central relationship of the autobiography: the bond between the author and his mother. This visual element initiates an intersemiotic translation of the personal and familial nature of the narrative. Notably, the photograph at the bottom of the title is positioned askew. This slight irregularity in the visual peritext could be interpreted as a subtle semiotic cue, perhaps hinting at the subjective nature of autobiography. From a semiotic perspective, this photograph functions as an indexical sign (in Peirce's terminology), directly pointing to a real moment in the author's past and establishing a sense of authenticity that is crucial to the autobiography. Moreover, the connotations associated with the black-and-white family photograph, such as nostalgia, intimacy, and the passage of time, contribute to the reader's initial understanding of the tone and themes of the autobiography, even before engaging with the verbal text. The yellowish background, while potentially a marketing choice, also conveys connotations of warmth and perhaps a connection to the Mediterranean setting of the early narrative.

This use of a foreign word as the title is a purposeful act of foreignisation, a verbal sign that, in conjunction with the author's recognized name, initiates a process of intersemiotic translation by indicating the autobiography's cultural origins to a French-speaking audience. On the back cover, readers learn that Verneuil will miss his "Mayrig", the Armenian word for mother. This section also explains that the book was written in response to numerous requests from European viewers curious about his childhood, a topic he had often mentioned. The second

edition adopts a white background and a slightly brighter family picture. The author's name is now in blue, but the back cover retains the same information as the first edition. This shift from warmer colors to tranquil tones could be attributed to evolving fashion trends or a deliberate marketing strategy.

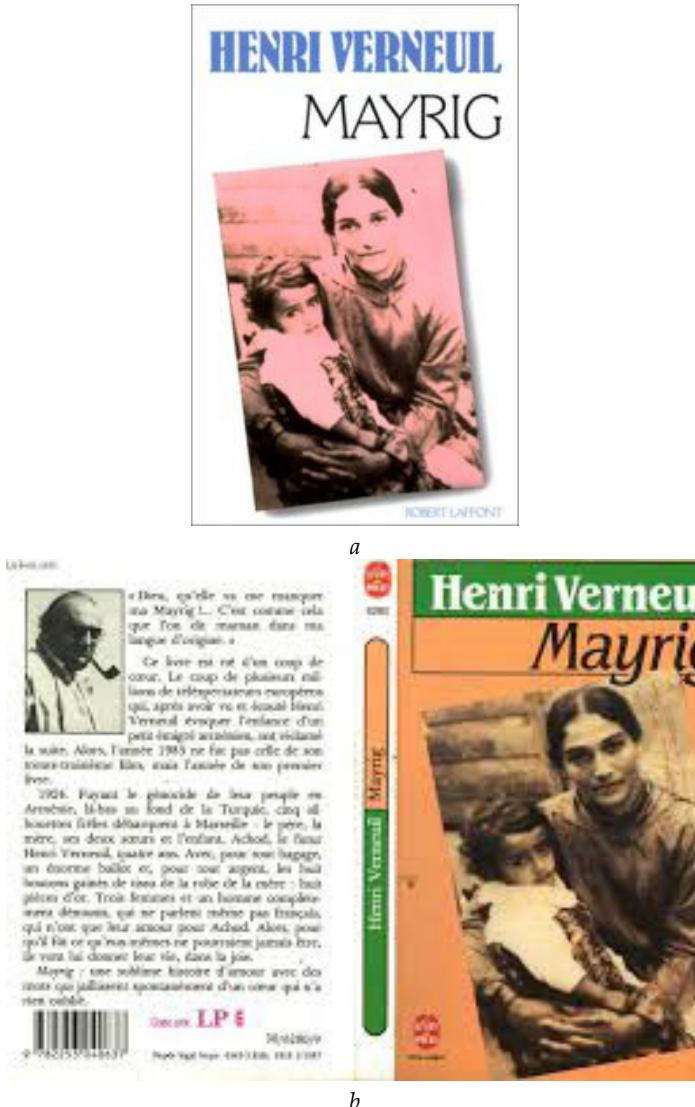

Fig. 1. French editions of *Mayrig*: (a) [Verneuil 1985]; (b) [Verneuil 1987]

The title, *Mayrig*, a Western Armenian word, targets a French readership already familiar with the name Henri Verneuil and his Armenian

heritage. This choice represents a foreignisation method, retaining the unfamiliar *Mayrig* while leveraging the known name of Henri Verneuil. This extratextual information is essential for understanding the auto-biographies of famous individuals. Building upon this understanding of extratextual influence, Gasparyan Gayane [2024] specifically argues that the information surrounding a text shapes its comprehension, especially for works with national specificity. This perspective directly supports Genette's concept of paratext, highlighting how elements like the author's background and cultural context, alongside titles and other framing devices, significantly impact a reader's interpretation. Thus, rather than alienating the prospective reader, the choice of the foreign word emphasizes the origins of the author, Henri Verneuil, potentially increasing the book's appeal.

The cover photography of *Mayrig* strongly suggests a link between the author and his mother. Nevertheless, according to Philipe Lejeune's "autobiographical pact" [1996], typical indicators of autobiography are the author, narrator, and protagonist sharing a name or a clear "Autobiography" subtitle. Without these, the work is usually an autobiographical novel. Furthermore, as Weedon [2007] notes, a book cover acts as a threshold, shaping the reader's initial glimpse of the text. In the context of autobiography, this threshold plays a crucial role in establishing a kind of implicit "pact" with the reader. While Lejeune focuses on explicit textual markers such as the coincidence of the author's name with the narrator's, the cover itself, through its nonverbal language and the prominence of certain verbal elements, can also contribute to this initial framing. For example, the presence of a personal photograph on the cover can visually signal the autobiographical nature of the work, even before the reader examines the title page or any explicit general statements.

Mayrig presents an interesting case: while its Armenian title, meaning "mother", lacks a direct autobiographical cue, its narrative focus on Verneuil's childhood, family, and the autobiographical son-mother relationship ultimately leads to its classification as an autobiography based on its content.

The intimate nature of this connection finds resonance in Roland Barthes' influential *Camera Lucida* [1981], where he famously employs the metaphor of an "umbilical cord" to describe the link between a photograph and its subject. As he explains, "A sort of umbilical cord links the body of the photographed thing to my gaze: light, though impalpable, is here a carnal medium, a skin I share with anyone who has been photographed" [Barthes 1981, 81]. Beyond a mere distant recollection, photography becomes a medium for sharing our narratives. This view

is supported by Marianne Hirsch [2012, 6], who, drawing on Barthes' "umbilical cord" analogy, argues that photography is deeply embedded in family life and reinforces familial ideology. Therefore, the choice of the photography on the cover is to reinforce the familial bond, the origins of Henri Verneuil.

Continuing with the Armenian editions (Fig. 2), the use of distinct intersemiotic translation strategies reflects various cultural and temporal contexts. The Soviet edition of *Mayrig* [Vernoy 1989] (Fig. 2a) is designed with a plain brown background and yellow writing, with little emphasis on bright colors. In contrast, the modern edition of *Mayrig* [Vernoy 2015] (Fig. 2b) has a dark red backdrop and yellow-orange text. Furthermore, the modern cover conveys a deeper meaning by partially depicting a woman's face. However, this is not just any face but the mother of the Armenian American artist Arshile Gorky (1904–1948), depicted in his poignant self-portrait, *The Artist and His Mother*. This incorporation of Gorky's painting adds a significant layer of intertextuality, as one Armenian artist's autobiographical work visually promotes another's. From an intersemiotic standpoint, the use of this image translates the concept of "mother" beyond the personal to a shared cultural experience of loss and remembrance. This autobiographical painting was based on a picture taken before the Armenian Genocide, and it reflects Gorky's grief over the loss of his mother and his motherland.

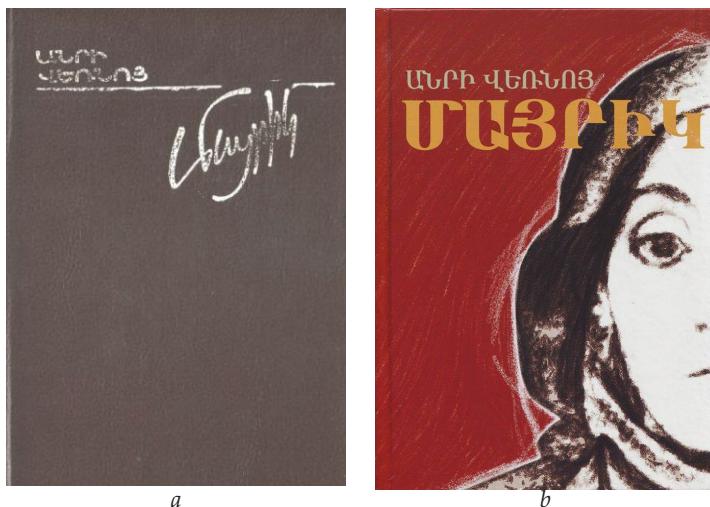

Fig. 2. Armenian editions of *Mayrig*: (a) published during the Soviet period [Vernoy 1989]; (b) a modern edition [Vernoy 2015]

The decision to feature Gorky's mother on the cover of another prominent Armenian's autobiographical work was most likely planned

to appeal to the reader's emotions. This is more than a picture; it is an interweaving of stories and media –intertextuality that evolves into intermediality. As Irina O. Rajewsky [2005, 52] eloquently puts it about intermediality, this crossing of media borders is a “communicative-semiotic concept, based on the combination of at least two medial forms of articulation”.

Here, the intermediality of the “mother” goes beyond a simple familial connection. For Armenians, “mother” often embodies the motherland itself, symbolizing (lost) childhood and a cherished homeland. Two people, two media, two types of narrative, yet a single story of mother-to-son connection, which translates this bond into a broader concept of motherland that transcends time and space. Both live far from their homeland, and the memories of their mother in the form of a picture or painting transform that umbilical cord into a wider notion of love, grievance, and the search for identity: French Armenian, American Armenian.

This “collage of media” becomes increasingly evident when we consider how book covers and jackets adopt movie imagery after a “semiotic translation”, i.e., book-to-cinema media transfer. However, the use of Gorky’s deeply personal and historically resonant painting on *Mayrig* operates on a more profound level and expands our understanding of the autobiographical narrative through a visual language that is already imbued with emotional and cultural value.

Following the intersemiotic translation of the book into film, later editions of *Mayrig* further illustrate the interplay between media and their paratextual elements (Fig. 3). Namely, subsequent editions include excerpts accompanied by quotes, transforming these books into intermedial texts – a woven, interconnected, intricate collage. For instance, the French book cover from 1991b resembles the 1987 edition, while the dust jacket showcases a rounded image from the film *Mayrig* [Verneuil 1991b], featuring celebrated actors Omar Sharif and Claudia Cardinale and other actors with their belongings at the film’s beginning in Marseille. This inclusion of a film still, featuring the recognizable figures of Omar Sharif and Claudia Cardinale in a key scene, exemplifies intermediality, as it involves the “combination of at least two medial forms of articulation” [Rajewsky 2005, 52] – the visual language of cinema integrated into the print medium of the book. This intermedial element likely aims to leverage the film’s popularity to attract a wider readership. Similarly, the back cover of the 2021 Armenian edition features a still from the film *Mayrig*, specifically the beloved pakhlava-making scene. This deliberate incorporation of a cinematic moment into the book’s paratext demonstrates intermediality. By presenting a visual fragment

from the film, the book engages with the reader's potential familiarity with the movie, creating a dialogue between the two media and potentially evoking emotional resonance associated with that specific scene. This strategy is carefully planned from a marketing perspective to attract new readers. Thus, the release of the movie or the intersemiotic translation of the book into cinema brings changes to the book market, too.

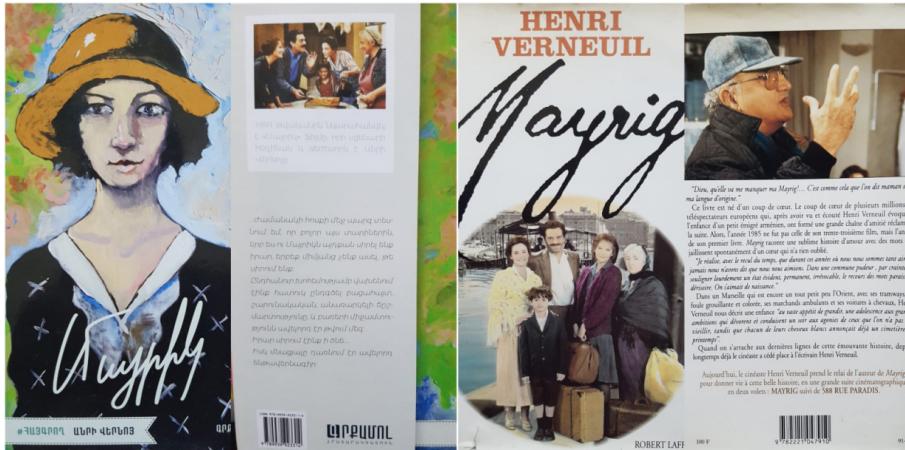

Fig. 3. French edition ([Verneuil 1991a], right) vs. Armenian edition ([Vernoy 2021], left)

The book cover, title, illustration, and description are essential elements for understanding an autobiography from the perspective of book consumption. Additionally, Vincent Jouve [2020, 13–14] suggests including the following elements in Genette's list: the table of contents, the notes, the chapter titles, the subheadings, the name of the publisher, the title of the collection, the prefaces, and the afterwords.

Finally, examining the American edition of *Mayrig* [2005] reveals yet another layer of intersemiotic translation, tailored for a specific diasporic audience. The American edition's cover (Fig. 4) employs a "family album" framing around the photograph of young Henri in his mother's arms. The "family album" framing around the photograph acts as a metonymic sign, where a part (the album format) stands in for the whole concept of personal history, memory, and familial archives. This visual cue strongly signals the autobiographical nature of the book. This nonverbal element acts as an intersemiotic translation of the autobiography's deep engagement with memory and the past, visually suggesting a cherished recollection brought forth from a personal archive. The photograph itself, depicting the foundational bond between mother and

son, mirrors the central theme of the narrative of *Mayrig*, translating this core relationship into a visual representation of tenderness and early connection – the umbilical cord. The publishing house of the English translation is St. Vartan Press, and the copyright owner is the Diocese of the Armenian Church. The translator from French into English is Elise Antreassian Bayizian. The involvement of the Diocese of the Armenian Church of America (Eastern) strongly suggests this publication is in the interest of the collective Armenian community, at least in the USA. This can be interpreted as an attempt to raise awareness about the life stories of the Armenian Genocide survivors on the other side of the Atlantic Ocean, keeping the bond stronger within the Armenian diaspora by sharing the microhistory, or personal narratives, of the Armenian Genocide survivors' difficult lives as migrants in France with American Armenians.

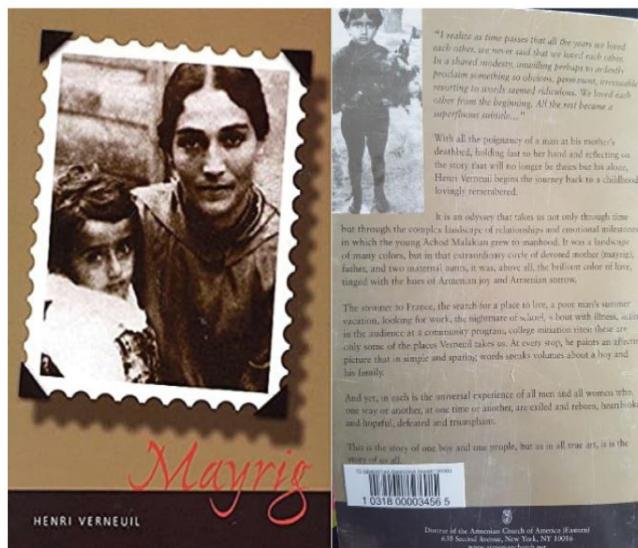

Fig. 4. American edition [Verneuil 2005], translator Elise Antreassian

Verbal descriptions on book covers often offer a brief overview of the content through one or more quotations from the book. This serves to attract the intended reader by introducing a key aspect of the work in a metonymic manner – one quotation representing the whole. For example, all the book covers in this analysis share the same poignant quotation from the book in their respective languages:

I realize as time passes that all the years we loved each other, we never said that we loved each other. In a shared modesty, unwilling perhaps to ardently proclaim something so obvious, permanent, irrevocable, resorting to words

seemed ridiculous. We loved each other from the beginning. All the rest became a superfluous subtitle ... [Verneuil 2005] (italics are original)

The retention of the Armenian title, *Mayrig*, for an English-speaking audience, coupled with this evocative image, potentially serves to maintain a connection to the author's cultural heritage while simultaneously presenting a universally relatable image of maternal love. Furthermore, the poignant quote visually resonates with the intimate and enduring connection depicted in the photograph, where the unspoken bond between mother and child is palpable. As already mentioned, this quote itself serves as a metonymy (Tymoczko's conception of translation), representing the whole text, and can be understood as an intrasemiotic translation (in Toury's terms) or an intralingual translation (in Jakobson's terms), summarising the narrative's emotional core. Moreover, as seen in the case analysis of *Mayrig*, the book cover can be a focal point of intermedial translation (in Rajewsky's terms) when a film still snippet appears on the book cover or dust jacket.

Additionally, the book cover can also incorporate an epitext, i.e., extratextual information about the author or the topic that the book is about. Hence, at the back of the English translation, the description of the book ends by stating that in each portrayal of the bond between the son and his mother, there is "the universal experience of all men and all women who, one way or another, are exiled and reborn, heartbroken and hopeful, defeated and triumphant". The description ends with the phrase that this story is the story "of one boy and one people, but as in all true art, it is the story of us all" [Verneuil 2005].

Conclusion

The analysis of book covers of French [Verneuil 1985; Verneuil 1987; Verneuil 1991a; Verneuil 1991b], Armenian [Vernoy 1989; Vernoy 2015; Vernoy 2021], and American [Verneuil 2005] editions of Henri Verneuil's autobiography, *Mayrig*, reveals that book covers are culturally dynamic sites of intersemiotic translation that evolve with cultural trends. Employing Genette's paratextual framework and semiotic translation theories, this study demonstrates how the interplay of verbal and non-verbal cues on these covers shapes the reader's initial encounter with Verneuil's autobiography.

Reflecting this cultural context, early French covers prioritize the mother-son relationship and introduce the author's background, utilizing family photography – a motif echoed in later editions across cultures. In contrast, Armenian editions evolve to incorporate collective

cultural memory and intertextual references (such as Arshile Gorky's autobiographical artwork). Furthermore, the recent French and Armenian book covers establish an intermedial connection to the film. The American cover, on the other hand, frames the personal narrative within a "family album" motif, emphasizing memory and universal emotions for the diaspora and a broader audience.

For autobiographical books, the cover often engages with the implicit claim of authenticity, where visual cues such as photography convey the personal nature of the narrative. Moreover, the photography on an autobiographical book cover is more than just a marketing strategy; it serves as an umbilical cord connecting the content with the reader and the author, acting as a metonymy that translates all paratextual elements both inside and outside the book.

REFERENCES

- Barthes 1981 – Barthes, R. (1981). *Camera lucida: Reflections on photography*. Hill and Wang.
- Cantó-Milà et al. 2025 – Cantó-Milà, N., Roig-Sanz, D., Ashrafi, N., & Meylaerts, R. (2025). Relational approaches and translation studies: An interdisciplinary dialogue. *The Translator*, 31(1), 1–16. <https://doi.org/10.1080/13556509.2025.2457878>
- Gasparyan 2024 – Gasparyan, G. (2024). Extratextual information as an integral part of literary communication. *Terra Linguistica*, 4(58), 34–51. <https://doi.org/10.18721/JHSS.15403> (In Russian).
- Genette 1997a – Genette, G. (1997a). *Palimpsests: Literature in the second degree*. U of Nebraska Press.
- Genette 1997b – Genette, G. (1997b). *Paratexts: Thresholds of interpretation*. Cambridge University Press.
- Gorlée 1994 – Gorlée, D. L. (1994). *Semiotics and the problem of translation: With special reference to the semiotics of Charles S. Peirce*. Amsterdam: Brill.
- Hayward 2025 – Hayward, S. (2025). Henri Verneuil (1920–2002) – cinéaste de première classe. *French Screen Studies*, 25(1–2), 82–99. <https://doi.org/10.1080/26438941.2024.2321708>
- Hirsch 2012 – Hirsch, M. (2012). *Family frames: photography, narrative, and postmemory*. Cambridge, Mass: Harvard University Press.
- Innis 1985 – Innis, R. E. (1985). *Semiotics. An introductory anthology*. Bloomington: Indiana University Press.
- Jakobson 1959 – Jakobson, R. (1959). On linguistic aspects of translation. In R. Brower (Ed.), *On Translation* (pp. 232–239). Harvard University Press.
- Jakobson 1985 – Jakobson, R. (1985). Communication and society. In S. Rudy (Ed.), *Selected writings VII: Contributions to comparative mythology. Studies in linguistics and philology, 1972–1982* (pp. 98–100). Mouton.

- Jiang 2021 – Jiang, M. (2021). Book cover as intersemiotic translation: Between image, text, and culture. *Asia Pacific Translation and Intercultural Studies*, 8(3), 219–235. <https://doi.org/10.1080/23306343.2021.1971421>
- Jouve 2020 – Jouve, V. (2020). *Poétique du roman*. Armand Colin.
- Kourdis 2022 – Kourdis, E. (2022). Semiotics. In F. Zanettin & C. Rundle (Eds.), *The Routledge handbook of translation and methodology* (pp. 139–154). Routledge.
- Kristeva 1980 – Kristeva, J. (1980). *Desire in language: A semiotic approach to literature and art*. Columbia University Press.
- Lejeune 1996 – Lejeune, P. (1996). *Le pacte autobiographique*. Seuil.
- Liu, Zhang 2025 – Liu, B., Zhang, J. (2025). Books' physiognomic appeal and the overseas dissemination of Chinese *dianji* (classics): A focus on the *Library of Chinese Classics. Int. Commun. Chin. Cult*, 12, 37–59. <https://doi.org/10.1007/s40636-024-00316-9>
- Lotman 1990 – Lotman, Y. (1990). *Universe of the mind: A semiotic theory of culture*. Indiana University Press.
- Mossop 2017 – Mossop, B. (2017). Judging a translation by its cover. *The Translator*, 24(1), 1–16. <https://doi.org/10.1080/13556509.2017.1287545>
- Peirce 1931–1935 – Peirce, C. S. (1931–1935). *Collected papers of Charles Sanders Peirce*. (C. Hartshorne & P. Weiss, Eds.). The Belknap Press.
- Rajewsky 2005 – Rajewsky, I. O. (2005). Intermediality, intertextuality, and remediation: A literary perspective on intermediality. *Intermédialités / Intermediality*, 6, 43–64. <https://doi.org/10.7202/1005505ar>
- Saussure 2011 – Saussure, F. de. (2011). *Course in general linguistics*. Columbia University Press.
- Sütiste 2024 – Sütiste, E. (2024). Semiotics of translation. In A. Lange, D. Monticelli, Ch. Rundle (Eds.). *The Routledge handbook of the history of translation studies* (pp. 181–196). Routledge.
- Sonzogni 2011 – Sonzogni, M. (2011). *Re-covered rose: A case study in book cover design as intersemiotic translation*. John Benjamins Publishing Company.
- Tan 2024 – Tan, X. (2024). Paratextual mediation and (re)framed narratives: A case study of Ganxiao Liuji. *Social Semiotics*, 35(4), 581–598. <https://doi.org/10.1080/10350330.2024.2375068>
- Torop 2019 – Torop, P. (2019). Book as/in culture. In K. Kroó (Ed.), *The book phenomenon in cultural space* [A könyvejelenség a kultúrális téren] (pp. 18–32). Eötvös Loránd University; University of Tartu.
- Toury 1986 – Toury, G. (1986). Translation. In T. Sebeok (Ed.), *Encyclopedic dictionary of semiotics* (pp. 1107–1124). Mouton de Gruyter.
- Tymoczko 1999 – Tymoczko, M. (1999). *Translation in a postcolonial context: Early Irish literature in English translation*. St. Jerome Publishing.
- Valdeón 2024 – Valdeón, R. A. (2024). The translation of multimodal texts: Challenges and theoretical approaches. *Perspectives*, 32(1), 1–13. <https://doi.org/10.1080/0907676X.2024.2290928>
- Venuti 2017 – Venuti, L. (2017). *The translator's invisibility: A history of translation*. Routledge.

- Verneuil 1985 – Verneuil, H. (1985). *Mayrig*. Robert Laffont.
- Verneuil 1987 – Verneuil, H. (1987). *Mayrig*. Le Livre de Poche.
- Verneuil 1991a – Verneuil, H. (1991a). *Mayrig*. Robert Laffont.
- Verneuil 1991b – Verneuil, H. (1991b). *Mayrig*. AMLF.
- Verneuil 2005 – Verneuil, H. (2005). *Mayrig* (E. Antreassian, Trans.). St Vartan Press.
- Vernoy 1989 – Vernoy, A. (1989). *Mother* [Mayrik] (S. Avagyan, Trans.). Xorhrdayin grogh (In Armenian).
- Vernoy 2015 – Vernoy, A. (2015). *Mother* [Mayrik] (S. Avagyan, Trans.). AREDIT (In Armenian).
- Vernoy 2021 – Vernoy, A. (2021). *Mother* [Mayrik] (S. Avagyan, Trans.). Grqamol (In Armenian).
- Weedon 2007 – Weedon, A. (2007). In real life: book covers in the Internet bookstore. In N. Moody & N. Matthews (Eds.), *Judging a book by its cover* (pp. 117–128). Routledge.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Barthes R.* Camera lucida: Reflections on photography. New York: Hill and Wang, 1981.
- Cantó-Milà N., Roig-Sanz D., Ashrafi N., Meylaerts R.* Relational approaches and translation studies: an interdisciplinary dialogue // The Translator. 2025. Vol. 31, № 1. P. 1–16. doi: 10.1080/13556509.2025.2457878
- Гаспарян Г.Р.* Внекодексовая информация как важный компонент художественной коммуникации // Terra Linguistica. 2024. Т. 58, № 4. С. 34–51. doi: 10.18721/JHSS.15403
- Genette G.* Palimpsests: Literature in the second degree. Lincoln, NE: University of Nebraska Press, 1997a.
- Genette G.* Paratexts: Thresholds of interpretation. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1997b.
- Gorlée D. L.* Semiotics and the problem of translation: with special reference to the semiotics of Charles S. Peirce. Amsterdam–Atlanta, GA: Brill, 1994.
- Hayward S.* Henri Verneuil (1920–2002) – cinéaste de première classe // French Screen Studies. 2025. Vol. 25, № 1–2. P. 82–99. doi: 10.1080/26438941.2024.2321708
- Hirsch M.* Family frames: photography, narrative, and postmemory. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2012.
- Innis R. E.* Semiotics. An introductory anthology. Bloomington: Indiana University Press, 1985.
- Jakobson R.* On linguistic aspects of translation // On Translation / R. Brower (ed.). Cambridge, MA: Harvard University Press, 1959. P. 232–239.
- Jakobson R.* Communication and society // Selected Writings VII: Contributions to comparative mythology. Studies in linguistics and philology, 1972–1982 / S. Rudy (ed.). Berlin: Mouton, 1985. P. 98–100.

- Jiang M.* Book cover as intersemiotic translation: Between image, text and culture // Asia Pacific Translation and Intercultural Studies. 2021. Vol. 8, № 3. P. 219–235. doi: 10.1080/23306343.2021.1971421
- Jouve V.* Poétique du roman. Paris: Armand Colin, 2020.
- Kourdis E.* Semiotics // The Routledge handbook of translation and methodology / F. Zanettin, C. Rundle (eds.). London; New York: Routledge, 2022. P. 139–154.
- Kristeva J.* Desire in language: a semiotic approach to literature and art. New York: Columbia University Press, 1980.
- Lejeune P.* Le pacte autobiographique. Seuil, 1996.
- Liu B., Zhang J.* Books' physiognomic appeal and the overseas dissemination of Chinese *dianji* (classics): a focus on the *Library of Chinese Classics* // Int. Commun. Chin. Cult. 2025. Vol. 12. P. 37–59. doi: 10.1007/s40636-024-00316-9
- Lotman Y.* Universe of the mind: a semiotic theory of culture. London; New York: Tauris, 1990.
- Mossop B.* Judging a translation by its cover // The Translator. 2017. Vol. 24, № 1. P. 1–16. doi: 10.1080/13556509.2017.1287545
- Peirce Ch. S.* Collected papers of Charles Sanders Peirce / C. Hartshorne, P. Weiss (eds.). Cambridge: The Belknap Press, 1931–1935.
- Rajewsky I. O.* Intermediality, intertextuality, and remediation: A literary perspective on intermediality // Intermédialités / Intermediality. 2005. Vol. 6. P. 43–64. doi: 10.7202/1005505ar
- Saussure F. de.* Course in general linguistics. New York: Columbia University Press, 2011.
- Sütiste E.* Semiotics of translation // The Routledge handbook of the history of translation Studies / A. Lange, D. Monticelli, Ch. Rundle (eds.). London; New York: Routledge, 2024. P. 181–196.
- Sonzogni M.* Re-covered rose: a case study in book cover design as intersemiotic translation. John Benjamins Publishing Company, 2011.
- Tan X.* Paratextual mediation and (re)framed narratives: A case study of Ganxiao Liuji // Social Semiotics. 2024. Vol. 35, № 4. P. 581–598. doi: 10.1080/10350330.2024.2375068
- Torop P.* Book as / in culture // The Book phenomenon in cultural space [A könyvejelenség a kulturális térben] / K. Kroó (ed.). Budapest; Tartu: Eötvös Loránd University, University of Tartu, 2019. P. 18–32.
- Toury G.* Translation // Encyclopedic dictionary of semiotics / T. Sebeok (ed.). Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1986. P. 1107–1124.
- Tymoczko M.* Translation in a postcolonial context: Early Irish literature in English translation. Manchester: St. Jerome Publishing, 1999.
- Valdeón R. A.* The translation of multimodal texts: Challenges and theoretical approaches // Perspectives. 2024. Vol. 32, № 1. P. 1–13. doi: 10.1080/0907676X.2024.2290928
- Venuti L.* The translator's invisibility: a history of translation. London; New York: Routledge, 2017.
- Verneuil H. Mayrig.* Paris: Robert Laffont, 1985.

- Verneuil H. Mayrig.* Paris: Le Livre de Poche, 1987.
- Verneuil H. Mayrig.* Paris: Robert Laffont, 1991a.
- Verneuil H. Mayrig.* AMLF, 1991b.
- Verneuil H. Mayrig / E. Antreassian (trl.).* New York: St Vartan Press, 2005.
- Vernoy A. Mother [Mayrik] / S. Avagyan (trl.).* Yerevan: Xorhrdayin grogh, 1989.
(In Armenian).
- Vernoy A. Mother [Mayrik] / S. Avagyan (trl.).* Yerevan: AREDIT, 2015.
(In Armenian).
- Vernoy A. Mother [Mayrik] / S. Avagyan (trl.).* Yerevan: Grqamol, 2021.
(In Armenian).
- Weedon A.* In real life: book covers in the Internet bookstore // Judging a Book by its Cover / N. Moody, N. Matthews (eds.). London; New York: Routledge, 2007. P. 117–128.

Материал поступил в редакцию 11.06.2025

РОЛЬ ВИЗУАЛЬНОГО СЕМИОТИЧЕСКОГО КОДА В МОДЕЛИРОВАНИИ КОНЦЕПТОСФЕРЫ УЧЕБНОГО ТЕКСТА

Е. А. Серебренникова

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия
selena224@list.ru

В. Ю. Зюбанов

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия,
zyubanovvy@tspu.ru

А. В. Курьянович

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия
Цзилиньский университет иностранных языков, Чанчунь, Китай
kurjanovich.anna@rambler.ru

Работа выполнена в рамках реализации государственного задания
Министерства просвещения Российской Федерации «Разработка
стратегии кросскультурной адаптации и интеграции российских
образовательных ресурсов для мультилингвального обучения в Кении»
(проект QZOY-2025-003).

Рассматривается функциональный ресурс визуального семиотического кода, реализующийся в учебном тексте как сложном структурно-содержательном знаковом феномене. Учебный текст выступает важнейшим компонентом образовательного процесса, в том числе в сфере поликультурной языковой коммуникации: транслируя фрагменты когнитивного знания, он воздействует на сознание обучающихся, формирует их картину мира, включая представление о культурных ценностях. Материалом для изучения являются лингводидактические тексты, цель использования которых состоит в овладении иностранным языком средствами самого языка: естественный язык определяется одновременно как объект и инструмент познания. Для решения лингводидактических задач помимо знаков естественного изучаемого языка привлекается арсенал других единиц визуального семиотического кода. Отмечается их роль в передаче когнитивного и культурного знания. Отправной при этом становится идея об организации концептуального содержания лингводидактического текста в виде концептосферы как совокупности смыслов, объединённых вокруг ключевых концептов ЧЕЛОВЕК и ЯЗЫК. Акцентируется особая значимость семиотического уровня в содержательном наполнении концептосферы учебного текста данного типа. Роль визуального семиотического кода в моделировании концептосферы учебного текста исследуется на примере пособия по русскому языку как иностранному для обучающихся – граждан Республики Кения. Анализируются функциональные свойства визуальных знаков как элементов текстовой структуры с точки зрения их способности выступать

средством концептуализации содержания и ретрансляции фрагментов картины мира авторов – исконных носителей русского языка и русской культуры – адресатам, представляющим кенийскую лингвокультуру и владевающим русским языком в качестве вторичных языковых личностей. Основное внимание уделяется анализу когнитивных свойств визуальных знаков, функционирующих в учебном языковедческом тексте, как средств формирования вторичной картины мира обучающихся. Результаты исследования показывают, что визуальный семиотический код является неотъемлемым и активным компонентом моделирования концептосферы лингводидактического текста, обеспечивая эффективную коммуникацию между автором и обучающимся в пространстве кросскультурного образовательного взаимодействия.

Ключевые слова: визуальный семиотический код, визуальный знак, учебный текст, лингводидактический текст, концептосфера лингводидактического текста, русский язык как иностранный, представители кенийской лингвокультуры

THE ROLE OF THE VISUAL SEMIOTIC CODE IN MODELING THE CONCEPTOSPHERE OF THE EDUCATIONAL TEXT

Elena A. Serebrennikova

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia
selena224@list.ru

Vadim Yu. Zyubanov

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia
zyubanovv@tspu.ru

Anna V. Kurjanovich

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia
Jilin University of Foreign Studies, Changchun, China
kurjanovich.anna@rambler.ru

The work was carried out as part of implementing the state order of the Ministry of Education of the Russian Federation, "Development of a strategy for intercultural adaptation and integration of Russian educational resources for multilingual education in Kenya" (Project QZOY-2025-003).

The functional resource of the visual semiotic code, as realized in the educational text, is considered as a complex structural and meaningful sign phenomenon. The educational text is the most important component of the educational process, particularly in the field of multicultural language communication, as it conveys fragments of cognitive knowledge, influences

students' consciousness, and forms their worldview, including their understanding of cultural values. The learning materials are linguodidactic texts whose aim is to learn a foreign language with the help of the language itself: Natural language is defined both as an object and an instrument of cognition. In order to solve linguo-didactic problems, a whole arsenal of other units of the visual semiotic code is used in addition to the signs of the natural language to be learned. Their role in conveying cognitive and cultural knowledge is well known. The starting point is the idea of organizing the conceptual content of the linguo-didactic text in the form of a conceptosphere, comprising a series of meanings united around the key concepts of "human" and "language". The particular importance of the semiotic level for the content of the conceptosphere of such a didactic text is emphasized. The role of the visual semiotic code in modeling the conceptosphere of an educational text is examined through the example of a textbook on Russian as a foreign language for students from the Republic of Kenya. The functional properties of visual signs as elements of the text structure are analyzed in terms of their ability to act as a means of conceptualizing the content and conveying fragments of the worldview of the authors – native speakers of the Russian language and Russian culture – to addressees who represent Kenyan linguaculture and know the Russian language as secondary language personalities. The main focus is on analyzing the cognitive properties of visual signs that function in educational linguistic texts as a means of forming a secondary worldview in students. The results of the study demonstrate that the visual semiotic code is an integral and active component of modeling the conceptosphere of the linguo-didactic text, thereby ensuring effective communication between the author and the student within the context of intercultural educational interaction.

Keywords: visual semiotic code, visual sign, educational text, linguodidactic text, conceptosphere of linguo-didactic text, Russian as a foreign language, representatives of Kenyan linguaculture

DOI 10.23951/2312-7899-2025-4-142-172

Введение

Вектор развития современной гуманитарной науки определяет текстоориентированный и антропоцентричный подход, позволяющий объединять теоретико-методологические установки в отношении исследуемых объектов, обозначая новые возможности в их изучении с опорой на междисциплинарную практику. В данном исследовании описывается опыт интегрирования семиотического инструментария в область проблематики когнитивно-дискурсивной лингвистики, теории текста и лингводидактики.

Сегодня в лингвистических исследованиях наблюдается смеще-

ние акцентов с изучения структурно-коммуникативных характеристик текстов на анализ их концептуологических свойств (см. обобщение истории вопроса об этом: [Колесникова 2023]). Н. Ф. Алефиренко причисляет текст к инструментам вербализации культурных смыслов, делая акцент на мысли о том, что в содержании любого текста как речевого произведения объективируются фрагменты картины мира этноса [Алефиренко 2003]. Выделяя в перечне структурирующих национальную языковую картину мира концептуальных единиц лингвокультурные концепты, С. Г. Воркачёв обоснованно называет текст «знаковым телом» последних, подчёркивая тем самым их «семиотическую сущность» [Воркачёв 2014]. Сказанное обуславливает актуальность рассмотрения концептуологического содержания текстов разных типов в аспекте изучения визуальных семиотических средств его воплощения. К последним, вслед за Ч. С. Пирсом, традиционно относят иконы (= визуальное сходство), индексы (= причинное-следственные и / или ассоциативные связи) и символы (= произвольный, условный характер, обусловленный культурными, языковыми и социальными соглашениями между коммуникантами) [Пирс 2004]. Знаки, функционирующие в учебных текстах, представляют визуальные символы или графические элементы, которые маркируют в сознании адресатов устойчивые паттерны поведения и / или кванты когнитивного знания. Это абстракции, созданные человеческим умом, замещающие предметы, явления, действия в человеческом сознании и социальном общении. Они облегчают восприятие учебного материала, обеспечивают более ясное понимание и более лёгкое его запоминание, помогают структурировать информацию и формируют наглядность, усиливая pragmaticальное воздействие на адресата. В качестве таких знаков можно рассматривать диаграммы, схемы, чертежи, картинки-образы, фотографии, физические и математические модели, пиктограммы, эмблемы, единицы естественного языка. Подробнее история вопроса изучения визуальных знаков разных типов представлена в работах [Гриненко 2021; Мустафин 2022].

Особый интерес для исследования с позиций концептуальной лингвосемиотики представляют учебные тексты, выполняющие одновременно информативную, дидактическую и когнитивно-регулятивную функцию. Вслед за В. С. Аванесовым, Н. В. Глущенко, Б. Е. Железовским, Ч. Р. Зиганшиной и другими учёными, мы определяем учебные тексты в качестве создаваемых специально для реализации целей обучения речевых произведений. Тексты данного типа не только передают знания, но и формируют фрагменты картины мира обучающихся [Яхибаева 2008; Подолина 2017].

Большинство учебных текстов имеет креолизованную природу: присутствующие в них «вербальные и иконические элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное прагматическое воздействие на адресата» [Анисимова 2003, 17]. Данное свойство учебных текстов позволяет задействовать в их интерпретации, помимо единиц вербального кода, иные кодовые механизмы, включая элементы визуального семиотического кода. Опыт подобного рода анализа описан, например, в следующих работах: [Мелик-Гайказян 2014; Мелик-Гайказян 2022; Горбулёва 2024; Дерунова и др. 2025].

С решением задач иноязычного обучения связано использование в образовательном процессе лингводидактических текстов, например учебников *по русскому языку как иностранному* (РКИ). Своебразие текстов данного типа, в том числе с позиций осмысливания их как знаковых поликодовых единиц, обусловливается рядом факторов. Во-первых, значимым является фактор адресованности учебного материала носителям иностранного языка. Иностранцы осваивают русский язык в качестве вторичных языковых личностей, что влечёт появление новых требований к учебному тексту: необходимость соотносить содержание обучения с уровнем владения иностранца русским языком, учёт лингвокультурных особенностей дидактической коммуникации, например связанных с этикетными нормами речевого поведения в русскоговорящем коллективе и пр. Во-вторых, русский язык, как и любой другой естественный язык, служащий для общения в социуме, выступает одновременно в качестве объекта и инструмента познания, что определяет ключевую роль в языковедческом учебнике вербальных средств и, соответственно, вербального кода в понимании и усвоении учебного материала. Наконец, концептуальное содержание учебника РКИ реализует функцию не только отражения фрагментов русской языковой картины мира, но и её ретранслирования в сознание представителей чужой лингвокультуры, выступая основой для формирования вторичной картины мира [Карагодин, Карагодина 2018; Воробьёва 2020]. Функциональный вариант русской языковой картины мира, объективированный в концептуальном содержании учебника РКИ, определяется в качестве *концептосферы* [Серебренникова, Курьянович 2024]. С опорой на составляющие концептосферы учебника РКИ (доминирующие концепты ЧЕЛОВЕК, ЯЗЫК и метаконцепты ОБЩЕСТВО, СЕМЬЯ, ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА, РОССИЯ, ДРУЖБА, БЫТ, ПРОФЕССИЯ, ОКРУЖАЮЩИЙ МИР и пр.) иностранный обучающийся развивает способность к интерпретации

устойчивых доминантных смыслов, характерных для сознания исконного носителя русского языка и составляющих основу русской языковой картины мира.

В моделировании концептосферы учебника РКИ проявляют активность единицы различных кодовых систем. Исследования, посвящённые анализу этой проблемы, в последнее время всё чаще появляются в научном поле [Тихонова 2020; Кораблёва 2025]. Однако эти исследования носят общий характер, поскольку в них остаются чётко не прописанными механизмы активизации ресурсности визуальных знаков с точки зрения обусловленности когнитивными, коммуникативными (лингводидактическими) и этнокультурными факторами.

В данном исследовании акцент сделан на роли семиотической составляющей в процессе моделирования концептосферы лингводидактического текста. В ситуации различий систем национальных языков (родного и изучаемого), культурных традиций, включая правила письменности, исторических и политических дискурсивных обстоятельств «пиктографические надписи могут быть поняты людьми, говорящими на разных языках, даже если пиктографические письма этих языков различны» [Цветков, Вознесенская 2010, 57]. Визуальные семиотические знаки в учебнике РКИ являются полифункциональными средствами, участвующими в реализации коммуникативной, регулятивной, контактноустанавливающей, дидактической, информативной и прочих функций. Особо выделим наличие у них адаптивной функции, позволяющей хотя бы частично нейтрализовать результаты действия коммуникативных барьеров и «культурного шока», который испытывают многие иностранцы, овладевающие русским языком, особенно в ситуации нахождения в социокультурной среде исконных носителей русского языка. В перечне визуальных знаков значительное количество имеет универсальное значение, одинаковым или похожим образом интерпретируемое в целом ряде лингвокультур. К тому же «язык визуальных образов свободен от трудных для понимания терминов, почти не нуждается в переводе» [Курьянович, Драгунайте 2015, 153], что делает визуальные знаки востребованными в дидактике. Особенность ценность визуального ряда как способа функционирования учебной концептуальной информации и семиотического кода для её усвоения проявляется сегодня, в ситуации широкого распространения электронных технологий в обучении и включённости участников лингводидактического взаимодействия в кросскультурную многоязычную электронную образовательную среду.

Цель статьи – исследовать роль визуальных знаков как единиц семиотического кода, присутствующего в концептосфере учебника РКИ, в реализации задач лингводидактической этноориентированной коммуникации.

Научная новизна исследования определяется, во-первых, вниманием к когнитивному ресурсу визуальных знаков как их потенциальному свойству, проявление которого обязательно для взаимодействия в лингводидактической сфере и регламентируется её спецификой; во-вторых, реализацией визуальными знаками своих когнитивных свойств с учётом функционирования в концептосфере учебника РКИ, т.е. интегрированных в её структуру концептов; в-третьих, рассмотрением в качестве текстового знака оригинального этноориентированного учебника специально для кенийских обучающихся, аналогов которому не существует в современной методической науке. В разработке данного учебника принимали участие авторы статьи, и он ещё не становился объектом теоретического анализа.

Материал и методы исследования

Материалом анализа в статье выступает текст учебного издания «Русский язык как иностранный для кенийских обучающихся: элементарный уровень» [Богданова, Забродина, Мымрина 2024]. При его создании учтены «специфические культурные, языковые, исторические и социальные контексты целевой аудитории» [Курьянович, Драгунайте 2015, 154]. Уникальность издания состоит также в том, что содержание входящих в него дидактических материалов связано с описанием и осмысливанием фактов истории и культуры России. Предполагается, что в процессе освоения русского языка граждане Республики Кения «знакомятся с культурой России, её обычаями и традициями, ценностными ориентирами российского общества, открывают для себя сходство и различие двух лингвокультур – российской и кенийской» [Курьянович, Драгунайте 2015, 154].

Единицы анализа – знаки, которые визуально напоминают изображаемый объект или представление о нём и служат для его условного обозначения. Эти знаки, присутствующие в разных сферах социального взаимодействия и выступающие инструментом познания смыслов для пользователей информации, в лингводидактической коммуникации используются для ретрансляции и обработки когнитивного знания – учебного языковедческого материала.

В сферу анализа вовлечены визуальные знаки, как вербальные, так и иконические, присутствующие в структуре рассматриваемого текстового знака. Вербальные знаки обозначают единицы изучаемого (русского) языка и языка-посредника (английского). Иконические знаки (в тексте их более 150 единиц) представляют собой семиотические единицы невербальной природы, имеющие вид «цветных иллюстраций и символов, которые оказывают влияние на эффективность обучения русскому языку и изучение особенностей русской культуры» [Курьянович, Драгунайте 2015, 153] в аудитории кенийских слушателей.

Методология исследования основывается на комплексном применении семиотического и концептуологического видов анализа для изучения когнитивного ресурса визуальных знаков с учётом фактора актуализации значения последних в концептосфере учебника РКИ для граждан Кении. В частности, описываются паттерны когнитивного смыслопорождения и интерпретации, связанные с объективацией в концептуальном содержании текстового знака представлений о человеке, познающем чужую культуру посредством овладения национальным языком, представляющим эту культуру. Этот человек выступает в качестве вторичной языковой личности, овладевающей русским языком как иностранным и формирующей посредством знакомства с русским языком фрагменты вторичной картины мира, которые отражают образ России, русского человека, русской истории и русской культуры в сознании представителя кенийской лингвокультуры. Декодирование смыслов, составляющих это представление о человеке и языке, разворачивается в рамках лингводидактической этноориентированной коммуникации, в том числе при помощи единиц семиотического кода – визуальных знаков, присутствующих в учебнике РКИ для кенийской аудитории.

Методологический инвентарь исследования дополняется за счёт привлечения других методов и приёмов: обобщения и систематизации научной информации, интроспекции и стороннего наблюдения, элементов дискурсивного и интерпретативного анализа, количественного, лингвокультурологического, кросскультурного, социологического опроса.

Процедура анализа предполагает выявление когнитивного ресурса конкретного визуального знака, присутствующего в анализируемом учебном тексте и выступающего маркёром той или иной когнитивной деятельности со стороны обучающегося. С этой целью 1) анализируется этно- и кросскультурный контекст функционирования знака; 2) разграничиваются универсальные (свойственные в целом лингводидактической коммуникации) и диффе-

ренциальные визуальные знаки (характерные для этноориентированной коммуникации в аудитории обучающихся определённой национальной и этнической принадлежности); 3) описываются устойчивые значения, присвоенные визуальным знакам участниками лингводидактической коммуникации; 4) экспериментально, на основании сбора данных о результатах коллективной рецепции вторичных языковых личностей, проверяются результаты интроспекции исследователей (отзывы кенийцев об учебнике как средстве изучения русского языка); 5) делается вывод о функционировании в лингводидактической сфере повторяющихся паттернов, отражающих механизм интерпретации культурно и когнитивно значимой информации, заключённой в текстовом знаке.

Результаты и обсуждение

Семиотический код, специфичный для учебных текстов по РКИ, опирается преимущественно на визуальные образы, что не отрицает наличия иных сигнальных элементов, например, аудиального ряда (так, в состав рассматриваемого учебного текста входит аудиоприложение).

Из перечня знаковых разновидностей, выделенных Ч. С. Пирсом, в лингводидактическом тексте преобладают единицы-символы – условные обозначения, которые используют согласованные символы для представления определенных понятий, объектов или процессов. Функционирование этих знаков в лингводидактической сфере обусловлено ориентацией коммуникантов на обучающие задачи, связанные с изучением иностранного языка и погружением адресата в иной социокультурный контекст.

Все визуальные семиотические единицы, входящие в состав лингводидактического текста, можно разделить на знаки универсальные и дифференциальные.

Универсальные знаки присутствуют в каждом учебном тексте, предназначенном для изучения любого национального языка как иностранного представителями различных лингвокультур. Единицы универсального семиотического кода, фигурирующие в учебном лингводидактическом тексте, как и любые другие знаки, имеют коммуникативную природу. При этом их значение формируется участниками образовательных отношений с учётом предметной сферы. В данном случае речь идёт об обучении иностранному языку посредством единиц самого языка. Следовательно, ключевыми знаками в лингводидактическом тексте будут выступать вербаль-

ные знаки того естественного языка, который выбран обучающимися в качестве объекта изучения. Язык – универсальный визуальный код. Единицы любого национального языка – это в основном знаки-символы, представляющие определённое значение, знание о котором закреплено договорённостью между носителями языка. Они не связаны напрямую с означаемым (как индексы), а опираются на условное соглашение: определённый звук или графический знак обозначает конкретное понятие или предмет.

Помимо вербальных знаков – единиц изучаемого языка, все остальные знаки в лингводидактическом тексте являются метазнаками – семиотическими единицами, которые используются для обозначения или характеристики, служат для описания, классификации или анализа вербальных единиц, принадлежащих системе изучаемого языка. Функциональные свойства метазнаков обусловливаются задачами лингводидактической коммуникации, реализация которых направлена на эффективное освоение учебного материала, развитие познавательных способностей и воспитание личности обучающегося средствами предмета «Иностранный язык». В числе этих задач выделим 1) ознакомление обучающихся с учебным материалом в объёме, регламентируемом требованиями стандартов к уровню освоения иностранного языка; 2) развитие способности самостоятельно анализировать, делать выводы, применять полученные знания; 3) стимулирование интереса к предмету, мотивации к его познанию; 4) укрепление навыка критического мышления, самостоятельности; 5) формирование ценностных ориентиров.

В качестве примера приведём традиционный для учебника любого национального языка компонент – свод условных обозначений, как правило, предваряющий знакомство с учебной книгой (ил. 1).

Перечень условных обозначений – полифункциональный компонент учебного текста. Он облегчает восприятие информации, способствует быстрому и наглядному декодированию структуры и содержания материалов за счёт использования символов, знаков или сокращений; обеспечивает однозначность и ясность подачи учебного материала, исключает двусмысленности, делает прочтение и интерпретацию информации более точными; оптимизирует технику работы с учебным материалом, упрощая навигацию в рамках текстового знака; стандартизирует представление информации, облегчает использование одних и тех же обозначений в разных разделах или документах, делая систему более целостной и понятной.

СПИСОК УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ И СИМВОЛОВ <i>List of Symbols</i>							
Диалог <i>Dialogue</i>		Чтение <i>Reading</i>					
Игра <i>Game</i>		Запомните <i>Remember</i>					
Упражнение <i>Exercise</i>		Повторение <i>Review</i>					
Грамматика <i>Grammar</i>		Самостоятельная работа <i>Self-test</i>					
Аудирование <i>Listening</i>		Говорение <i>Speaking</i>					
Прослушайте <i>Listen</i>		Перевести <i>Translate</i>					
Список слов <i>Word list</i>		Письмо <i>Writing</i>					
Заметки <i>Note</i>		Смотреть видео <i>Watch video</i>					

Ил. 1. Универсальный компонент лингводидактического текста – список условных обозначений¹

Например, знак «Диалог» представляет стилизованное изображение двух людей в процессе общения и относится к группе универсальных символических средств, формирующих представление обучающихся о коммуникации, понятных и не требующих дополнительного вербального пояснения. В рамках текстового знака постановка данного кодового инструмента сопровождает упражнения на диалоги, задания на обсуждение, ролевую игру («Задайте вопросы вашему соседу»). Преимущественно знак размещается в начале раздела «Знакомство» или рядом с ключевой фразой «Прочтайте диалог / Задайте вопросы в группе». Наиболее часто он встречается в разделах, где есть задания на формирование коммуникативной компетенции. Знак создаёт позитивный настрой на общение. Его роль в моделировании концептосферы состоит в донесении до адресата информации: человек есть Homo Socius – существо социальное, взаимодействующее по определённым правилам.

Отметим, что единицы родного для обучающихся языка или языка-посредника, используемые в учебном тексте с целью перевода и облегчения восприятия информации, также могут рассматриваться в качестве метазнаков. В рассматриваемом тексте в качестве таковых выступают вербальные единицы английского языка, поскольку Кения – англоговорящая страна, где английский является официально признанным языком, на котором осуществляются документооборот и обучение. Формулировки заданий, дидактический и в ряде случаев учебный языковой материал, приводимый на русском языке, сопровождаются переводом на английский язык (ил. 2).

¹ Здесь и далее, если не указано иное, иллюстрации представляют собой скриншоты страниц анализируемого учебного текста [Богданова, Забродина, Мымрина 2024].

**Задание 10 (дέсять). Посмотрите Видео 1. Часть 2. Согласные.
Ответьте на вопросы.**

Exercise 10. Watch Video 1. Part 2. Consonants. Answer the questions.

1. Сколько согласных?	1. How many consonants are there?
2. Какие согласные?	2. What are the consonants?
3. Сколько согласных имеют пары?	3. How many consonants have pairs (soft/hard)?
4. Какие согласные всегда мягкие?	4. Which consonants are always soft?
5. Какие согласные всегда твёрдые?	5. Which consonants are always hard?
6. Какой согласный最难 to pronounce?	6. Which consonant is the most difficult to pronounce?

Ил. 2. Пример использования единиц вербального семиотического кода из рассматриваемого текстового знака

Универсальным для любого лингводидактического текста является целый ряд невербальных визуальных знаков, роль которых также определяется задачей обучения иностранному языку. Имеются в виду такие единицы, как схемы, таблицы, стрелки, способствующие реализации в сознании обучающегося таких функций, как систематизация, обобщение, категоризация информации, работа с моделями, выявление черт сходства и различия. Особый коммуникативный эффект в сочетании с воплощением принципа наглядности возникает в случаях применения знака «бабл». Приём заключения информации в «бабл» (от англ. bubble – пузырь) – это графический, или визуальный, способ представления данных, сообщений или комментариев в виде фигурного облака или пузыря. Этот метод широко используется в учебных текстах для визуального выделения определённой информации (в сочетании с колорированием этой информации), что делает сообщение заметным и легко читаемым, актуализируя механизм интуитивного понимания: благодаря привычному виду пузыря обучающийся ассоциирует его с речью или важной заметкой. В сочетании с картинкой сила воздействия и обучающий эффект усиливаются (ил. 3).

Помимо универсальных визуальных знаков в учебных языковедческих текстах встречаются дифференциальные единицы. *Дифференциальные знаки* различают лингводидактические тексты в зависимости от факторов: (1) объектной направленности – какой конкретный национальный язык изучается; (2) адресатной специфики – для представителей какой целевой группы (возрастной, национальной / этнической, социальной или профессионально ориентированной, а также возможно объединение указанных показателей) и какого уровня владения РКИ создан данный учебный текст; (3) авторского начала – какие предпочтения присутствуют в отбо-

ре и изложении учебного материала со стороны автора, включая индивидуальные особенности творческой манеры и когнитивного стиля. Дифференциальные кодовые знаки маркируют этноориентированную лингводидактическую коммуникацию. С учётом перечисленных выше факторов эти знаки развивают устойчивое значение в рамках взаимодействия определённых участников лингводидактической коммуникации, актуализируя вариант данного устойчивого значения в конкретном текстовом знаке – учебном тексте.

 Составьте диалог по модели со словами из задания 1.
Create a dialogue following the model using the words from Exercise 1.

– Привёт! Это твой / твой _____.

– Привёт! Да, Это мой / мой _____.

– А Это твой / твой _____.

– Да, Это мой / мой _____ /
 Нет, Это не мой / не мой _____.

Ил. 3. Пример использования знака «бабл» в рассматриваемом учебном тексте

В характеристике семиотической природы обучения русскому языку, выступающему в качестве объекта лингводидактической коммуникации, необходимо сделать акцент на знаках, использование которых в учебном тексте будет облегчать иностранцам овладение языковыми нормами. Так, в перечне наиболее трудных для освоения вторичной языковой личностью фактов русского языка традиционно называются подвижность ударения в русских словах, грамматические нормы образования падежных, видовременных, родовых, числовых форм, большинство правил орфографии и пунктуации, толкование значения слов, особенно паронимов, омонимов и идиом. В связи с этим авторы рассматриваемого учебного текста оправданно прибегают к использованию отдельных единиц семиотического визуального кода, например, знака «акут» при маркировке ударного слога в русских словах. Целесообразным также видится использование приёма контрастного выделения информации с помощью размера шрифта, цвета, композиционного размещения в тексте, комбинированного применения визуальных знаков разных типов (ил. 4).

 Запомните! Remember!

в понедельник	Я говорю	по-русски	на сухáйли
вторник		по-английски	на бáнту
в среду			
в четвёрг	Я понимаю	по-русски	сухáйли
в пятницу		по-английски	бáнту
в субботу			
в воскресенье	Я изучаю	русский язык	хýмию
		английский язык	биолóгию
		сухáйли	историю
		бáнту	географию
		математику	
		физику	
		музыку	
		литературу	

Что

Days of the Week
Дни недели

Monday	понедельник
Tuesday	вторник
Wednesday	среда
Thursday	четвёрг
Friday	пятница
Saturday	суббота
Sunday	воскресенье

Ил. 4. Пример комбинированного использования визуальных семиотических знаков в рассматриваемом учебном тексте

Авторское начало в анализируемом текстовом знаке проявляется в выборе научного – кросскультурного – подхода и соответствующего методического инструментария в освещении учебного материала, например заданий на сравнение с целью выявления лингвокультурных различий. Для этого используются визуальные семиотические знаки соответствующего содержания. При этом актуализируются свойства знака как эффективного активатора ассоциативных связей (ил. 5).

УРОК 4. УЧЁБА В РОССИИ И В КЕНИИ

Lesson 4. Studying in Russia and Kenya

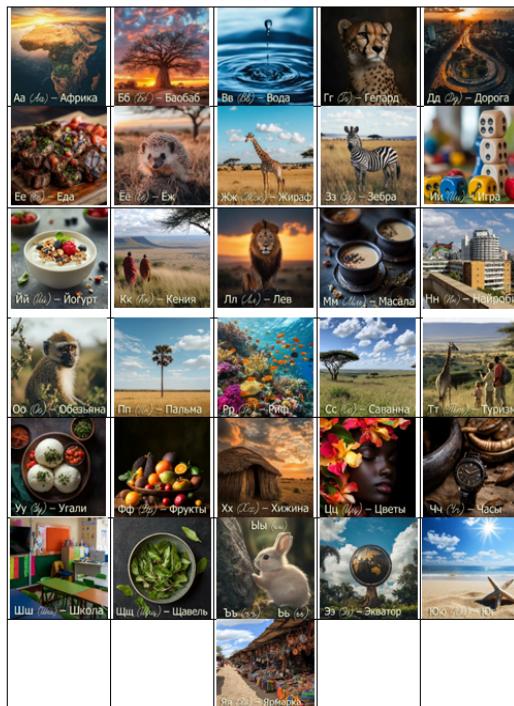
Akili ni mali.
Intelligence is wealth.
Ум дороже денег.
Intelligence is worth more than money.
Masomo hayana mwisho.
Live and learn.
Век живи — век учись.
Live for a century, learn for a century.

На этом уроке Вы научитесь:
 ☐ называть дисциплины, уровни образования на русском языке;
 ☐ употреблять глаголы на -СЯ;
 ☐ рассказывать об уровнях образования в России и в Кении;
 ☐ писать о своём университете.

In this lesson, you will learn how to:
 ☐ Identify the names of academic subjects and education levels in Russian;
 ☐ Use reflexive verbs (ending in -СЯ);
 ☐ Talk about the levels of education in Russia and Kenya;
 ☐ Describe your university.

Ил. 5. Пример использования визуальных семиотических знаков в русле кросскультурного подхода, реализуемого в рассматриваемом учебном тексте

 Задание 1 (один). Выучите буквы алфавита.
Exercise 1. Learn the letters of the alphabet.

Ил. 6. Этноориентированное представление русского алфавита, предлагаемого к изучению обучающимся из Кении

Особо следует выделить значимость такого фактора, как национальная принадлежность адресатов. Рассматриваемое пособие носит этноориентированный характер, поскольку разработано специально для граждан Республики Кения с учётом особенностей национальной лингвокультуры, контекста исторического развития Кении, языкового странового ландшафта, специфических черт современной кенийской системы обучения. Например, буквы русского алфавита в данном учебном издании предлагаются к изучению в сопровождении картинки с кенийским антуражем (ил. 6).

Уровень овладения языком определяется как элементарный, что придаёт единицам визуального кода большую степень функциональной нагрузки. Значение визуальных знаков выводится напрямую из их визуальных характеристик через узнавание, сходство со стороны пользователей, что делает знаки потенциально более универсальными и доступными для декодирования на начальных этапах изучения языка, когда языковая конвенция ещё не освоена в полной мере.

Кения представляет собой лингвокультурное пространство, характеризующееся высокой степенью многоязычия и полиглоссии, что обуславливает специфику языковой социализации её граждан и особенности функционирования визуального семиотического кода в процессе обучения иностранному языку. На территории страны официально используется более 60 языков, среди которых ведущими являются английский и суахили, закреплённые в качестве государственных в Конституции Республики Кения. Наряду с английским и суахили свою активную коммуникативную функцию сохраняют этнические языки, в числе которых Dholuo, Kikuu, Kamba и др.¹

Ситуативная полифormalность речевого поведения, характерная для кенийского социума, порождает явление межъязыковых интерференций, особенно ярко проявляющееся в среде молодёжи. Типичным коммуникативным кодом для городских подростков и студентов является так называемый *Sheng* – гибридная форма речи, синтезирующая элементы английского языка, суахили и локальных этнических диалектов. *Sheng* демонстрирует высокую динамичность и символизирует языковую креативность как способ культурной адаптации и самоидентификации. Такое лингвокультурное многообразие усложняет процесс рецепции типизированных учебных моделей и требует адаптации визуальных и вербальных компонентов учебного текста с учётом поликодовой реальности адресата.

Лингвистическая политика Кении предусматривает обязательное изучение языка суахили в системе общего образования, что способствует консолидации национальной идентичности и укреплению культурной когезии. Однако обучение в высших учебных заведениях и во многих школах Кении ведётся и на английском языке [Sifuna, Chege, Oanda 2022]. Следовательно, значительная часть кенийских обучающихся обладает устойчивыми когнитивными схемами, сформированными на базе суахили и английского языка. При проектировании семиотической составляющей учебного текста данное обстоятельство следует учитывать при выборе визуальных знаков, актуализирующих культурные коды, понятные и интерпретируемые представителями кенийской лингвокультуры.

Отдельное внимание необходимо уделить этнорелигиозной специфике страны. При доминирующей позиции христианства (более 85 % всего населения) в обществе сохраняются ислам и тра-

¹ The Language spoken in Kenya. URL: <https://evisa-to-kenya.info/news/what-languages-are-spoken-in-kenya/> (accessed: 09.07.2025).

диционные верования, что влияет на выбор единиц символического ряда и реализацию интерпретационных стратегий в образовательной сфере [Selvam, Githinji 2022]. Это требует предельной осторожности в использовании визуальных элементов, связанных с религиозной и этнокультурной идентичностью.

Визуальные презентации, использующие контрастные этнокультурные, природно-климатические и поведенческие коды, становятся средствами когнитивного моста между картиной мира адресата и содержанием учебного текста. Визуальные знаки не только передают информацию, но и формируют культурную рамку интерпретации, задавая режим взаимодействия между субъектами учебной коммуникации [Kress, van Leeuwen 2020]. Соответственно, продуманная визуализация способствует снижению интерпретационных барьеров, усилиению мотивации и формированию вторичной картины мира у обучающихся на основе узнаваемых и значимых символических элементов. Подобный этноориентированный принцип, лежащий в основе кросскультурного подхода в изложении учебного материала, находит отражение в способах реализации визуального семиотического кода. Информация о некоторых способах и формах презентации кросскультурного подхода посредством визуального знака «картинка»¹ в рассматриваемом лингводидактическом знаке содержится в табл. 1.

Фиксация перечисленных особенностей позволяет обоснованно подойти к выбору и структурированию визуального семиотического кода в учебнике РКИ, способствуя формированию концептосферы, адекватной когнитивным и культурным ожиданиям кенийской аудитории. Учитывая кросскультурный статус обучающихся и специфику их визуального восприятия, особую роль приобретают изображения, способные выполнять как познавательную, так и адаптационную функцию.

Этноориентированная направленность учебного текста распознаётся и оценивается адресатами положительно. На это указывают результаты опроса, проведённого в декабре 2024 г. в аудитории слушателей Центра открытого образования (г. Найроби). В опросе приняли участие 56 респондентов – представителей молодёжной обучающейся аудитории, владеющих английским, суахили и локальными этническими языками.

¹ Все картинки в рассматриваемом учебном тексте созданы при помощи нейросетей Midjourney и ChatGPT.

Таблица 1
Способы презентации кросскультурного подхода в учебном пособии по РКИ для граждан Республики Кения

Описание способа	Пример из рассматриваемого текста
Диалог носителей кенийской и русской лингвокультур на фоне Спасской башни как визуализация концептов ЧЕЛОВЕК, ЯЗЫК, КУЛЬТУРА и ДРУЖБА; акварельный стиль выполняет адаптивную и символическую функцию	 (Обложка учебного текста)
Контрастная визуализация России (зимний пейзаж, храм Василия Блаженного) и Кении (летний афромаркет на фоне Найроби) как знаков культуры, быта и природно-климатического кода; функция – формирование представлений о концептах РОССИЯ и ОКРУЖАЮЩИЙ МИР	
Контрастный визуальный знак этнокультурной идентичности: представители кенийской и русской лингвокультур в традиционной одежде на фоне архитектурного символа России; иллюстрация концептов ЧЕЛОВЕК, КУЛЬТУРА, ЭТНИЧНОСТЬ, ИДЕНТИЧНОСТЬ	
Сопоставление национальных культур через визуальные образы традиционного кенийского и русского стола; презентация концептов БЫТ, КУЛЬТУРА, ЭСТЕТИКА, ГОСТЕПРИИМСТВО с энтоориентированной функцией	
Симметричное сопоставление природно-климатических ландшафтов России и Кении как визуальная презентация концептов ПРИРОДА, СРЕДА, ОБРАЗ ЖИЗНИ; усиливает кросскультурную осознанность обучающихся	

Анкета включала шкальные и открытые вопросы, направленные на выявление уровня удовлетворённости визуальными и содержательными компонентами учебника, а также специфики восприятия визуального ряда как средства концептуализации учебной информации. По результатам анализа, 71 % респондентов оценили общий уровень учебника как «отличный», ещё 18 % – как «хороший», что суммарно составляет почти 90 % позитивной рецепции. Аналогично высоко были оценены видеоуроки, размещённые на канале проекта: 76 % участников отнесли визуальный и вербальный контент видеоматериалов к категории «отличный», отмечая его ясность, культурную насыщенность и доступность по-дачи.

Следует также выделить реакцию на серию межконтинентальных онлайн-сессий, проводившихся в формате живой коммуникации: 68 % респондентов дали наивысшую оценку визуальному сопровождению и подчеркнули его роль как медиативного ресурса в осмыслиении культурно нагруженной информации. Вместе с тем в открытых комментариях были зафиксированы пожелания о более активном включении визуальных параллелей между русской и кенийской культурами, что актуализирует запрос на визуальную двойную направленность учебного текста.

Полученные результаты демонстрируют высокую степень эффективности визуального семиотического кода в учебнике РКИ как инструмента кроскультурной коммуникации. Иллюстративный материал усиливает когнитивную доступность, снижает интерпретационные барьеры и способствует более глубокой культурной адаптации обучающихся, что позволяет утверждать его обязательность как компонента концептосферы учебного текста.

Судя по реакции кенийских обучающихся, все они поддерживают этноориентированный характер преподавания и кроскультурный подход в овладении русским языком. При этом знаковая природа лингводидактической коммуникации выступает мощным фактором поддержания мотивации к обучению. Знакомство с визуальными знаками, присутствующими в рассматриваемом учебном тексте, дополняется знакомством с другими знаками, маркирующими русскую лингвокультуру: элементами национальной одежды, кухни, искусства (ил. 7).

Визуальный семиотический код в целом атрибутирует развитие вторичной языковой личности и формирование в её когнитивной деятельности фрагментов вторичной картины мира.

Ил. 7. Пример реализации лингводидактической коммуникации с использованием единиц семиотического кода. Источник: Томск.ру: городской портал. URL: <https://www.tomsk.ru/news/view/russkii-yazyk-v-serdtse-afriki-kak-tgpu-stroit-kulturnyi-most-mezhdu-rossieei-i-kenie> (дата обращения: 09.07.2025)

При этом визуальный семиотический код не следует воспринимать как просто набор отдельных картинок. Это система, упорядоченная и функционирующая в соответствии с конвенциональными требованиями. К числу правил можно отнести следующие:

1) *правила репрезентации*: в каком стиле (реалистичном, схематичном, мультиликационном) изображается знак; каков уровень детализации, ракурс, цветовая палитра (например, «тёплые» тона используются для выражения концептуального смысла СЕМЬЯ, строгие, «холодные» передают содержание концепта ОБРАЗОВАНИЕ); как знаки разных типов сочетаются друг с другом и в первую очередь с вербальным текстом; каковы правила комбинаторики видовых знаков в рамках родового текстового знака;

2) *правила интерпретации*: какой конкретный смысл актуализируется знаком в данном учебном задании или разделе (один и тот же знак, обозначающий человека, может передавать различные концептуальные смыслы – СЕМЬЯ, ДРУЖБА или НАЦИОНАЛЬНОСТЬ в зависимости от контекста);

3) *правила повторяемости и вариативности*: как ключевые концепты поддерживаются знаками на протяжении всего учебного текста (так, концепт ЧЕЛОВЕК может визуализироваться по-разному: в виде «схематичного человечка», фотографии студента, картинки с изображением семьи, пиктограммы действия).

Ключевые концепты ЧЕЛОВЕК и ЯЗЫК, как сказано выше, выступают совокупным центром, вокруг которого организуется концептосфера учебника РКИ. Семиотический код, основанный на

визуальных знаках, играет решающую роль в её моделировании и наполнении конкретными смыслами, а также обеспечивает взаимосвязь доминантных концептов с метаконцептами в рамках концептосферы лингводидактического текстового знака.

Визуализация и актуализация концепта ЧЕЛОВЕК осуществляется непосредственно через использование единиц семиотического визуального кода: фотографий, картинок или схем с изображением человека. Знаки делают образ человека, лежащий в основе одноимённого концепта, зримым, наглядным и конкретным для восприятия обучающегося. Они задают антропоцентрическую перспективу в использовании учебного материала, постоянно возвращая фокус к человеку как субъекту общения, познания и действия, что и отражает языковая практика в среде носителей любого национального языка. Изображения людей разных возрастов, профессий в разных коммуникативных ситуациях конкретизируют абстрактное понятие «человек», связывая его с различными социальными ролями (студент, учитель, мать, друг) и аспектами деятельности.

Знаки участвуют также в моделировании связей концепта ЧЕЛОВЕК с метаконцептами. Например, изображения членов семьи, родителей с детьми, семейных мероприятий визуально связывают концепт ЧЕЛОВЕК с концептом СЕМЬЯ. Сходство изображённых людей подчёркивает идею родственных связей. Знаки, отображающие людей в национальной одежде, участвующих в обрядах или праздниках (Масленица, Новый год, Рождество – концепт ПРАЗДНИКИ), за столом с традиционными блюдами (концепт ПИЩА), визуально кодируют связь человека с культурными традициями и обычаями (концепты ТРАДИЦИИ, ОБЫЧАИ, РИТУАЛЫ, ВЕРОВАНИЯ, КУЛЬТУРА, РЕЛИГИЯ и пр.), указывают на его национальную принадлежность или знакомят с русской культурой. Изображения людей (студентов, учителей) в аудитории, с книгами, у доски, за компьютером визуально связывают концепт ЧЕЛОВЕК с процессом обучения, интегрируясь с содержанием концепта ОБРАЗОВАНИЕ. Значки, обозначающие учебные действия (слушать, читать, писать), часто используют схематичное изображение человека в соответствующей позе. Иллюстрации людей в бытовых ситуациях (дома, в магазине, готовящих еду, принимающих пищу, общающихся за столом) визуально кодируют повседневную деятельность (БЫТ, ДОМ, МАГАЗИН, ОБЩЕНИЕ), помещая человека в контекст его жизнедеятельности. Изображения людей, занятых сезонными видами деятельности (зимние виды спорта, осенние работы в саду), отмечающих праздники в определённые даты или на

фоне календарей / часов, визуально связывают концепт ЧЕЛОВЕК с концептом ВРЕМЯ и его составляющими (ил. 8).

УРОК 5. СЕМЬИ В РОССИИ И В КЕНИИ
Lesson 5. Families in Russia and Kenya

Asivesikia la mkuu huvunika guu
The person who doesn't listen to the elders will break their leg.
Кто старших не слушается, тот бога не боится.
He who doesn't listen to elders, fears not God.

УРОК 11. ПРИВЕТ, Я ИЗ РОССИИ / КЕНИИ!
Lesson 11. Hi! I am from Russia / Kenya

Nakau mitata.
No worries.
Ни никаких забот.
No worries.

Задание 1 (онлайн). Послушайте, повторите, прочитайте слова.
Exercise 1. Listen, repeat, read the words

нана (мама) мама (женщина) родители dochь сын сестра брат бабуинка дедушка папа папа

Задание 2 (онлайн). Послушайте, повторите, прочитайте диалог.
Exercise 2. Listen, repeat, read the dialogue

— Это твой мама?
— Да, это моя мама.
— А это твой брат?
— Нет, это мой брат.

Ил. 8. Пример реализации текстовыми семиотическими единицами когнитивной функции: семиотические средства объективации концепта ЧЕЛОВЕК в концептосфере рассматриваемого учебного текста

Семиотический анализ концептосферы учебного текста по РКИ для кенийских обучающихся позволяет определить логику анализа конкретного визуального знака в соотнесённости с реализуемой им когнитивной функцией. Эта информация систематизирована и обобщена в табл. 2.

Визуальные знаки переводят абстрактные концепты в зримые, конкретные образы, облегчая их понимание и запоминание. Система визуальных обозначений (цветные рамки, пиктограммы-маркёры разделов) помогает структурировать материал вокруг ключевых концептов, визуально выделяя темы, связанные с человеком и его миром. Знаки, основанные на сходстве, могут опираться на универсальный или знакомый обучающимся визуальный опыт, апеллировать к их собственным представлениям о человеке, семье, еде и т.д. Тем самым создаётся «мостик» для вхождения инофона в чужую лингвокультуру.

Через выбор сцен, социально-ролевого статуса людей, предметов быта и традиций, визуализированных в знаках, авторы учебных текстов транслируют в воспринимающее языковое сознание иностранца фрагменты русской картины мира, в том числе аксиологически значимые, показывая, какие аспекты жизни человека считаются важными для изучения представителем иного лингвокультурного сообщества. В итоге визуальный знак из простой иллюстра-

Таблица 2
Анализ свойств визуального знака в лингводидактическом тексте

№ п/п	Аспект анализа знака	Форма и позиционирование знака	Когнитивный ресурс знака	Примеры из рассматриваемого текста
1	Семантическая соотнесённость с доминантным концептом ЧЕЛОВЕК	Знак изображает непосредственно человека (фигура, лицо, силуэт), действие человека (бег, говорение, письмо), объект, неразрывно связанный с человеком (одежда, инструмент, дом, книга), состояние человека, эмоции (радость, усталость), социальное взаимодействие (диалог, группа)	Если денотат знака прямо или косвенно (через признак, действие, результат) относится к сфере человеческого существования, деятельности, отношений, культуры или познания, он включается в орбиту концепта ЧЕЛОВЕК	
2	Контекстуальная связь с верbalным знаковым кодом	Иконический знак приводится в комбинации с верbalным знаком, иллюстрируя или структурируя определённые лексические, грамматические, коммуникативные темы	Иконический знак связан с содержанием концепта ЯЗЫК, если верbalный контекст явно или имплицитно апеллирует к языковедческим категориям	 <div style="border: 1px solid black; padding: 5px; display: inline-block;"> Запоминте! Наречия частоты: Всегда Обычно Часто Иногда Редко Никогда </div>

№ п/п	Аспект анализа знака	Форма и позиционирование знака	Когнитивный ресурс знака	Примеры из рассматриваемого текста
3	Обусловленность знаков спецификой лингводидактической коммуникации	Форма знака связана с учебными темами и / или действиями обучающихся: «книга» = чтение, «перо» = письмо, «ухо» = аудирование, «лампочка» = запоминать, «флаг» = страноведение	Знак сигнализирует о необходимости осуществления коммуникативной, познавательной деятельности или решения задач по социокультурной адаптации. Маркирует взаимосвязь концептов ЧЕЛОВЕК и ЯЗЫК	<p>Задание 6. а) Прочтите текст о Кении. В тексте есть пропущенные слова. Послуйте текст. Напишите пропущенные слова; б) Найдите фразы с предлогами <i>на</i> и <i>в</i> в тексте о Кении. Напишите их в тетрадь.</p> <div style="display: flex; justify-content: space-around; align-items: center;"> <div style="border: 1px solid black; padding: 5px; text-align: center;"> Грамматика <i>Grammatik</i> </div> <div style="border: 1px solid black; padding: 5px; text-align: center;"> ABC </div> </div>
4	Навигация знака			<p>Задание 8 (всем). Какое окончание?</p> <p>Exercise 8. What is the ending?</p> <div style="display: flex; justify-content: space-around; align-items: center;"> <div style="border: 1px solid black; padding: 5px; text-align: center;"> Я говорю </div> <div style="border: 1px solid black; padding: 5px; text-align: center;"> Я читаю </div> <div style="border: 1px solid black; padding: 5px; text-align: center;"> Он/она/он/она читает </div> <div style="border: 1px solid black; padding: 5px; text-align: center;"> Мы читаем </div> <div style="border: 1px solid black; padding: 5px; text-align: center;"> Вы читаете </div> <div style="border: 1px solid black; padding: 5px; text-align: center;"> Они/они читают </div> </div> <p>Задание 9. Найдите страны.</p> <p>Exercise 9. Find the countries.</p> <div style="display: flex; justify-content: space-around; align-items: center;"> <div style="border: 1px solid black; padding: 5px; text-align: center;"> Германия </div> <div style="border: 1px solid black; padding: 5px; text-align: center;"> Китай </div> <div style="border: 1px solid black; padding: 5px; text-align: center;"> США </div> </div>

ции превращается в активного участника процесса обучения языку и приобщения к культуре, формируя у инофона сложную систему представлений о русскоязычном мире, сконцентрированную вокруг образа человека, изучающего русский язык как иностранный.

Заключение

Визуальный семиотический код, реализуемый через систему знаков, является мощным инструментом моделирования концептосферы учебного текста по РКИ. Его сила заключается в способности через перцептивное сходство непосредственно репрезентировать ключевые концепты ЧЕЛОВЕК и ЯЗЫК и визуализировать их неразрывные связи с метаконцептами СЕМЬЯ, КУЛЬТУРА, ТРАДИЦИЯ, ОБРАЗОВАНИЕ, БЫТ, ПИЩА и др. Системные правила визуального семиотического кода (репрезентации, комбинации, контекстуальной интерпретации, повторяемости) обеспечивают не случайное иллюстрирование, а целенаправленное структурирование смыслового пространства текста. Визуальные семиотические знаки выступают как средство концептуализации действительности для обучающегося, облегчая понимание абстрактных категорий через конкретные образы. Они также понимаются в качестве канала ретрансляции элементов в сознание вторичных языковых личностей и формирования на основе этого фрагментов второй картины мира. На семиотическом уровне визуальный код во многом формирует антропо- и лингвоцентрическую модель концептосферы лингводидактического текстового знака, делая процесс изучения языка лично значимым и культурно ориентированным, помещая язык в контекст жизни человека. Анализ функционала этого кода позволяет выявить механизмы эффективной семиотической организации учебного материала, направленной на формирование у инофона целостного представления о русскоязычном мире через призму ключевого концепта ЧЕЛОВЕК, ИЗУЧАЮЩИЙ РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ.

Представленный опыт междисциплинарного исследования позволяет не только описать, но и оценить эффективность визуально-го ряда учебного текста по РКИ как семиотического инструмента для обучения языку и формирования межкультурной компетенции, особенно в контексте адаптации материала для специфической аудитории, в данном случае – граждан Республики Кения. Он выявляет механизмы, с помощью которых визуальные знаки дела-

ют абстрактные концепты зримыми, понятными и культурно на-
полненными для инофона.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алефиренко 2003 – Алефиренко Н. Ф. Проблемы вербализации концепта: теоретическое исследование. Волгоград: Перемена, 2003.
- Анисимова 2003 – Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Академия, 2003.
- Богданова, Забродина, Мымрина 2024 – Богданова А. Г., Забродина И. К., Мымрина Д. К. Русский язык как иностранный для кенийских обучающихся: элементарный уровень: учеб. пособие / под ред. В. Ю. Зюбанова, А. В. Агеевой, А. В. Курьянович. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2024.
- Воркачёв 2014 – Воркачёв С. Г. Воплощение смысла: conceptualia selecta. Волгоград: Парадигма, 2014.
- Воробьёва 2020 – Воробьёва Е. В. Текст учебного издания по русскому языку как иностранному: текстоведческий, лингвокультурный и pragматический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2020.
- Горбулёва 2024 – Горбулёва М. С. Семиотический оптимум и цвет: контекстуальные вызовы в образовательных технологиях // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 82. С. 297–301. doi: 10.17223/1998863X/82/27
- Гриненко 2021 – Гриненко Г. В. О природе знаков: культурно-историческая перспектива // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 3 (101). С. 31–45. doi: 10.24412/1997-0803-2021-3101-31-45
- Дерунова и др. 2025 – Дерунова Е. Н., Темиргазина З. К., Капенова Ж. Ж., Горбулёв М. С. Навигационные знаки как элемент учебника: педагогические эксперименты визуальной семиотики // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2025. Вып. 1 (43). С. 9–37. doi: 10.23951/2312-7899-2025-1-9-37
- Карагодин, Карагодина 2018 – Карагодин А. А., Карагодина И. А. Реализация концептов русской лингвокультуры в учебных текстах по РКИ // Лингвокультурологический подход в контексте развития трансграничного сотрудничества Большого Алтая / Н. Г. Барышникова, С. М. Белокурова, Н. Г. Двоежанова и др. Барнаул: Алт. дом печати, 2018. С. 102–117.
- Колесникова 2023–Колесникова С. М. От смысла к тексту: лингвокогнитивное исследование. М.: Изд-во МПГУ, 2023.
- Кораблёва 2025 – Кораблёва С. А. Полимодальные учебные материалы в процессе формирования иноязычной профориентированной коммуникативной компетенции у студентов нелингвистических направлений специальностей//Роль статуса языка в цивилизационном пространстве: сб. ст. III Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: Петерб. гос. ун-т путей сообщения Императора Александра I, 2025. С. 77–81.

- Курьянович, Драгунайте 2015 – Курьянович А. В., Драгунайте (Панкова) А. В. Место и роль визуального языка в современной коммуникации (на примере креолизованных рекламных текстов) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. Вып. 4 (157). С. 153–159.
- Мелик-Гайказян 2014 – Мелик-Гайказян И. В. Семиотика образования или «ключи» и «отмычки» к моделированию образовательных систем // Идеи и идеалы. 2014. Т. 1, № 4 (22). С. 14–27.
- Мелик-Гайказян 2022 – Мелик-Гайказян И. В. Семиотическая диагностика расщепления траекторий мечты о прошлом и мечты о будущем // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13, № 4. doi: 10.18254/S207987840021199-7. URL: <https://history.jes.su/s207987840021199-7-1/>
- Мустафин 2022 – Мустафин А. А. К вопросу о ключевых понятиях теории знаков Чарльза Пирса и Чарльза Морриса // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2022. Вып. 3. С. 32–41.
- Пирс 2000 – Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. М.: Логос, 2000.
- Подолина 2017 – Подолина О. В. Учебный текст как объект лингвистического исследования // Семантика и прагматика языковых единиц в синхронии и диахронии: норма и вариант: сб. науч. ст. Симферополь: Ариал, 2017. С. 243–248.
- Серебренникова, Курьянович 2024 – Серебренникова Е. А., Курьянович А. В. Дискурсивное моделирование концептосферы учебника русского языка как иностранного. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2024.
- Тихонова 2020 – Тихонова Е. В. Использование поликодовых текстов в учебных целях на продвинутом этапе обучения // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. 2020. № 1. С. 22–26.
- Цветков, Вознесенская 2010 – Цветков В. Я., Вознесенская М. Е. Особенности языка визуального моделирования // Современные научноемкие технологии. 2010. № 1. С. 57–58.
- Яхибаева 2008 – Яхибаева Л. М. Учебный текст как особый вид вторичного текста и составляющая учебного дискурса // Вестник Башкирского университета. 2008. Т. 13, № 4. С. 1029–1031.
- Kress, van Leeuwen 2020 – Kress G., van Leeuwen T. *Reading Images: The Grammar of Visual Design*. 3rd ed. London: Routledge, 2020.
- Selvam, Githinji 2022 – Selvam S.G., Githinji N. Secularisation and Spirituality among Lapsed-Christian Young Adults in Nairobi: An Exploratory Study of the Antecedents, Triggers, and Response // *Religions*. 2022. Vol. 13, № 10. Art. 968. doi: 10.3390/rel13100968
- Sifuna, Chege, Oanda 2022 – Sifuna D. N., Chege F. N., Oanda I. O. *Positioning Diversity in Kenyan Schools: Pedagogy and Curriculum*. Cape Town: African Minds, 2022.

REFERENCES

- Alefirenko, N. F. (2003). *Problemy verbalizatsii kontsepta: teoreticheskoe issledovanie* [Problems of concept verbalization: A theoretical study]. Peremeny.
- Anisimova, E. E. (2003). *Lingvistika teksta i mezhekul'turnaya kommunikatsiya (na materiale krelizovannykh tekstov)* [Text linguistics and intercultural communication (based on creolized texts)]. Akademiya.
- Bogdanova, A. G., Zabrodina, I. K., & Mymrina, D. K. (2024). *Russkii yazyk kak inostrannyi dlya kenijskikh obuchayushchikhsya: elementarnyj uroven'* [Russian as a foreign language for Kenyan learners: Elementary level]. Tomsk State University.
- Derunova, E. N., Temirgazina, Z. K., Kapenova, Zh. Zh., & Gorbulev, M. S. (2025). Navigatsionnye znaki kak element uchebnika: pedagogicheskie eksperimenty vizual'noi semiotiki [Navigation signs as a textbook element: Pedagogical experiments in visual semiotics]. *ПРАЭХМА. Journal of Visual Semiotics*, 1, 9–37. <https://doi.org/10.23951/2312-7899-2025-1-9-37>
- Gorbuleva, M. S. (2024). Semioticheskii optimum i tsvet: kontekstual'nye vyzovy v obrazovatel'nykh tekhnologiyakh [Semiotic optimum and color: Contextual challenges in educational technologies]. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 82, 297–301. <https://doi.org/10.17223/1998863X/82/27>
- Grinenko, G. V. (2021). O prirode znakov: kul'turno-istoricheskaya perspektiva [On the nature of signs: A cultural-historical perspective]. *Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*, 3, 31–45. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-3101-31-45>
- Karagodin, A. A., & Karagodina, I. A. (2018). Realizatsiya kontseptov russkoi lingvokul'tury v uchebnykh tekstakh po RKI [The realization of Russian linguoculture concepts in Russian as a foreign language textbook texts]. In N. G. Baryshnikova, et al, *Lingvokul'turologicheskii podkhod v kontekste razvitiya transgranichnogo sotrudничestva Bol'shogo Altaya* [The linguocultural approach in the context of developing cross-border cooperation in the Greater Altai] (pp. 102–117). Altayskiy dom pechatи.
- Kolesnikova, S. M. (2023). *Ot smysla k tekstu: lingvokognitivnoe issledovanie* [From meaning to text: A linguocognitive study]. Moscow State Pedagogical University.
- Korableva, S. A. (2025). Polimodal'nye uchebnye materialy v protsesse formirovaniya inoyazychnoi proforientirovannoii kommunikativnoi kompetentsii u studentov nelingvisticheskikh napravlenii i spetsial'nostei [Polymodal learning materials in the process of forming foreign language professionally-oriented communicative competence in non-linguistic students]. In *Rol' i status yazyka v tsivilizatsionnom prostranstve* [The role and status of language in civilizational space]. Proceedings of the III International Scientific-Practical Conference. Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University. pp. 77–81.
- Kress, G., & van Leeuwen, T. (2020). *Reading images: The grammar of visual design* (3rd ed.). Routledge.

- Kuryanovich, A. V., & Dragunaite (Pankova), A. V. (2015). Mesto i rol' vizual'nogo yazyka v sovremennoi kommunikatsii (na primere kreolizovannykh reklamnykh tekstov) [The place and role of visual language in modern communication (based on creolized advertising texts)]. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 4, 153–159.
- Melik-Gaykazyan, I. V. (2014). Semiotika obrazovaniya ili "klyuchi" i "otmyshki" k modelirovaniyu obrazovatel'nykh sistem [Semiotics of education or "keys" and "lockpicks" for modeling educational systems]. *Ideas and Ideals*, 1(4), 14–27.
- Melik-Gaykazyan, I. V. (2022). Semioticheskaya diagnostika rasshchepleniya traektorii mechty o proshlom i mechty o budushchem [Semiotic diagnostics of the split in the trajectories of the dream about the past and the dream about the future]. *Electronic Scientific and Educational Journal "History"*, 13(4). <https://doi.org/10.18254/S207987840021199-7>
- Mustafin, A. A. (2022). K voprosu o klyuchevykh ponyatiyakh teorii znakov Charl'za Pirsa i Charl'za Morrisa [On the key concepts of the sign theory of Charles Peirce and Charles Morris]. *Buryat State University Bulletin. Philosophy*, 3, 32–41.
- Peirce, C. S. (2000). *Izbrannye filosofskie proizvedeniya* [Selected philosophical works]. Logos.
- Podolina, O. V. (2017). Uchebnyi tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya [The textbook text as an object of linguistic research]. In *Semantika i pragmatika yazykovykh edinits v sinkhronii i diakhronii: norma i variant* [Semantics and pragmatics of language units in synchronic and diachronic perspectives: Norm and variation] (pp. 243–248). Arial.
- Selvam, S. G., & Githinji, N. (2022). Secularisation and spirituality among lapsed-Christian young adults in Nairobi: An exploratory study of the antecedents, triggers, and response. *Religions*, 13(10), 968. <https://doi.org/10.3390/rel13100968>
- Serebrennikova, E. A., & Kuryanovich, A. V. (2024). *Diskursivnoe modelirovaniye kontseptosfery uchebnika russkogo yazyka kak inostrannogo* [Discursive modeling of the concept sphere of a Russian as a foreign language textbook]. Tomsk State Pedagogical University.
- Sifuna, D. N., Chege, F. N., & Oanda, I. O. (2022). *Positioning diversity in Kenyan schools: Pedagogy and curriculum*. African Minds.
- Tikhonova, E. V. (2020). Ispol'zovanie polikodovykh tekstov v uchebnykh tselyakh na prodvinutom etape obucheniya [The use of polycode texts for educational purposes at the advanced stage of learning]. *International Postgraduate Journal. Russian Language Abroad*, 1, 22–26.
- Tsvetkov, V. Ya., & Voznesenskaya, M. E. (2010). Osobennosti yazyka vizual'nogo modelirovaniya [Features of the visual modeling language]. *Modern High Technologies*, 1, 57–58.
- Vorkachev, S. G. (2014). *Voploschchenie smysla: conceptualia selecta* [The embodiment of meaning: conceptualia selecta]. Paradigma.

- Vorobyeva, E. V. (2020). *Tekst uchebnogo izdaniya po russkomu yazyku kak inostrannomu: tekstovedcheskii, lingvokul'turnyi i pragmaticscheskii aspekty* [The text of an educational publication on Russian as a foreign language: Textual, linguocultural and pragmatic aspects]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
- Yakhibaeva, L. M. (2008). Uchebnyy tekstu kak osobyy vid vtorichnogo teksta i sostavlyayushchaya uchebnogo diskursa [The textbook text as a special type of secondary text and a component of educational discourse]. *Bashkir University Bulletin*, 13(4), 1029–1031.
- Shteyn, S. Yu. (2020b). Ontologiya vystavochnoy deyatel'nosti [Ontology of exhibition activity]. *Artikul't*, 3(39), 6–25. <https://doi.org/10.28995/2227-6165-2020-3-6-25>
- Smirnov, V. A. (1962). Geneticheskiy metod postroeniya nauchnoy teorii [Genetic method of constructing scientific theory]. In *Filosofskie voprosy sovremennoy formal'noy logiki* [Philosophical issues of modern formal logic] (pp. 263–284). USSR AS.
- Stepin, V. S. (2009). Geneticheski-konstruktivnyy metod [Genetic-constructive method]. In *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki* [Encyclopedia of epistemology and philosophy of science] (pp. 140–141). Kanon+.
- Tlostanova, M. V. (2011). Dekolonial'nost' znaniya i preodolenie distsiplinarnogo dekadansa [Decoloniality of knowledge and overcoming disciplinary decadence]. *Epistemologiya i filosofiya nauki*, 27(1), 84–100.
- Voishvillo, E. K. (1989). *Ponyatie kak forma myshleniya: Logiko-gnoseologicheskiy analiz* [Concept as a form of thinking: Logical-epistemological analysis]. MSU.
- Weber, M. (1990). Nauka kak prizvanie i professiya [Science as a vocation and profession]. In M. Weber, *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works] (pp. 707–735). Progress.

Материал поступил в редакцию 11.07.2025

ОТ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ К ПОНИМАНИЮ ЗАМЫСЛА (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Л. Р. ЦЕСЮЛЕВИЧА)

И. В. Черняева

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
gurkina-22@mail.ru

Г. Д. Булгаева

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
bulgaevagd@yandex.ru

Н. А. Айхлер

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
zabrodina-nataliya@mail.ru

А. С. Неборская

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
anna-neborskaya@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке
Российского научного фонда в рамках научного проекта № 24-28-00692
«Технологические особенности произведений живописи XX века:
комплексный анализ».

Статья посвящена рассмотрению технологических приёмов исследования живописи в их соотношении с задачами атрибуции, датировки и реконструкции замысла художника. Цель исследования заключается в выявлении преимуществ и ограничений методов технического анализа живописи, а также определении условий их эффективного применения в искусствоведческой практике. В качестве задач последовательно рассматриваются: определение специфики технического подхода в исследовании произведений искусства; характеристика комплекса методов, используемых при изучении живописи; анализ преимуществ каждого из методов в атрибуционной и интерпретационной работе; выявление проблем и ограничений, связанных с их применением.

Методологическая основа исследования включает совокупность оптико-физических и сравнительно-искусствоведческих методов, рассматриваемых не изолированно, а в их взаимосвязи. Особое внимание уделено методам, обеспечивающим получение объективных данных о материальной основе произведений: спектральному анализу, микроскопии, рентгенографии, инфракрасной рефлектографии. Использование этих методов позволяет выявлять подоснову живописного слоя, авторские правки, технику нанесения красочного слоя, а также сопоставлять стилистические и технологические характеристики произведения.

Результаты исследования показывают, что технологический анализ значительно расширяет возможности искусствоведа в атрибуции и экспертизе произведений живописи. Он позволяет выявлять подлинность и степень сохранности полотен, уточнять хронологию, восстанавливать отдельные этапы работы художника. Однако выявлены и ограничения: зависимость от технического оснащения лаборатории, необходимость интерпретации результатов с учётом контекста художественной культуры, возможность неоднозначного прочтения данных. Применение исключительно технологических методов не обеспечивает полного понимания произведения искусства и должно сочетаться с искусствоведческим и историко-культурным анализом.

Научная новизна исследования заключается в комплексной оценке преимуществ и недостатков технологических методов в применении к живописи. Акцентируется внимание на необходимости системного подхода, который позволяет рассматривать технологические исследования не как вспомогательную, а как равноправную составляющую современного искусствоведения. Сделан вывод о том, что интеграция технологических и гуманитарных методов создаёт условия для более точной атрибуции, всестороннего анализа произведения и углублённого понимания авторского замысла.

Ключевые слова: живопись, технологические методы, атрибуция, экспертиза, художественный замысел, искусствоведение

FROM TECHNOLOGICAL FEATURES TO THE UNDERSTANDING OF ARTISTIC INTENTION (ON THE EXAMPLE OF WORKS BY L. R. TSESYULEVICH)

Irina V. Chernyaeva

Altai State University, Barnaul, Russia
gurkina-22@mail.ru

Galina D. Bulgaeva

Altai State University, Barnaul, Russia
bulgaevagd@yandex.ru

Natalya A. Aikhler

Altai State University, Barnaul, Russia
zabrodina-nataliya@mail.ru

Anna S. Neborskaya

Altai State University, Barnaul, Russia
anna-neborskaya@mail.ru

This study presents a comprehensive examination of the paintings of Leopold Romanovich Tsesyulevich (1937–2017), one of the most distinctive

representatives of the Altai artistic school of the second half of the 20th century. The research aims to identify the technological features, artistic techniques, and semiotic interpretations of his works, as well as to attribute paintings from different periods of the artist's career. The authors employ an interdisciplinary approach that integrates methods of art history, semiotics, and advanced technological analysis of painting structure and techniques. The study utilizes ultraviolet and infrared imaging, macro and micro photography, photodocumentation, and cross-section analysis of paint layers. The focus is on two key works by Tsesyulevich: the triptych *People-Bogatyr* (1969) and the painting *Altai Roses* (1974). The triptych is analyzed as a complex semiotic system in which formal elements (geometricized forms, contrasting color schemes, and dynamic textures) are interwoven with profound symbolic meanings reflecting the ideas of historical continuity and national identity. The painting *Altai Roses* is examined through the prism of its unique technique of optical color mixing, which creates an atmospheric haze effect and symbolizes the harmony between humans and nature. Technological analysis confirms the artist's consistent use of multilayered painting, a technique rooted in the traditions of medieval and Renaissance art. The identification of this distinctive technological method within Tsesyulevich's body of work suggests that it is an inherent component of his creative process. Consequently, the presence of such characteristics in unattributed paintings may serve as indirect evidence of their authorship and provenance. The study contributes to the expansion of methodological frameworks in art history by integrating humanities-based and scientific approaches. Furthermore, it deepens the understanding of Tsesyulevich's artistic legacy as an essential part of Altai's cultural heritage. The authors argue that the combination of visual-semiotic analysis with modern technological methods enables the discovery of new aspects of the artist's creative intent and technical mastery. The findings of this research can be applied in further studies of Tsesyulevich's oeuvre, as well as in comparative analyses of Russian and international artistic schools. The methodology and technological insights derived from this research hold significant potential for applications in art conservation, museum studies, expert authentication, and artwork attribution. Additionally, the study provides valuable perspectives for examining the artistic practices of Siberian and Russian painters of the 20th century within an international context.

Keywords: painting, technological methods, attribution, expert examination, artistic concept, art history

DOI 10.23951/2312-7899-2025-4-173-195

Введение

В современном искусствоведении интеграция научных и гуманистических подходов становится важным инструментом для глубоко-

го понимания культурного наследия, особенно в контексте изучения произведений XX века, когда происходили активные поиски новых пластических и технологических решений. Применение такого комплекса подходов, включающего анализ формальных и содержательных аспектов, а также методов семиотического и технологического исследования, позволяет выявить скрытые структурные элементы художественного текста. Известно, что каждое произведение искусства представляет собой многослойную систему смыслов, где интерпретация зависит в том числе и от семиотической организации изобразительного пространства. Применение комплексных методов актуально при исследовании региональных художественных школ, где происходит взаимодействие традиционных и новаторских подходов. Алтайская художественная школа второй половины XX века объединяла мастеров, представлявших различные живописные традиции. В этот период выпускники художественных вузов Урала и европейской части страны возвращались в Алтайский край, формируя локальную живописную среду. Наряду с ними на территории региона работали художники, развивавшие свой стиль без влияния внешних академических традиций. Цель исследования заключается в выявлении преимуществ и ограничений методов технического анализа живописи, а также определении условий их эффективного применения в искусственно-ведческой практике (на примере живописных произведений Леопольда Романовича Цесюлевича (1937–2017), чьё художественное наследие отличается глубокой символичностью и оригинальными колористическими решениями).

Методы и подходы

В работе применён семиотический подход в специфическом объединении ориентаций визуальной семиотики, методов иконологического анализа и позиций структурно-семиотического анализа художественного текста. В качестве теоретической базы привлечена концепция Р. Барта [Барт 1989], рассматривающая произведение искусства как систему знаков, интерпретация которых зависит от культурного и контекстуального кода. Особую роль сыграли позиции Ю. Лотмана [Лотман 1970], исследовавшего художественный текст как сложную семиотическую структуру, обладающую внутренней организацией и смысловой многослойностью. Для раскрытия символического содержания живописных произведений применён иконологический метод Э. Панофского [Панофский

1999], предполагающий выявление скрытых значений образов через их соотнесение с культурно-историческим контекстом. Исследования Б. А. Успенского [Успенский 1970] позволяют рассмотреть взаимодействие вербального и визуального в структуре изобразительного текста, а труды Э. Гомбриха [Гомбрих 2023] дают основания для анализа механизмов восприятия живописного изображения и его связи с реальностью. Методология нашего исследования включает также структурный анализ композиции, основанный на работах М. Баксандалла [Baxandall 1988], выявивших социальные аспекты формирования художественного стиля. Ориентации визуальной семиотики, представленные в трудах Г. Роуз [Rose 2016], Г. Кресса и Т. ван Льюэна [Kress, Van Leeuwen 2020], были привлечены для выявления смысловых структур изображения.

В процессе исследования была применена комплексная методика, включающая базовые оптико-физические методы исследования живописи: УФ-лучи, съёмку в ИК-лучах, бинокулярное исследование микро- и макросъёмку. Изучение поперечных срезов (микрошлифов) живописного полотна основано на методе Джойс Плестер [Plesters 1954]. С другой стороны, для изучения живописных произведений основными стали методы описания и анализа памятников искусства, методы сравнительного анализа, типологии, историзма.

Итак, современные исследования визуальной семиотики, представленные Г. Крессом и Т. ван Льюэном [Kress, Van Leeuwen 2020], Г. Роуз [Rose 2016], развивают понимание визуального нарратива и символического значения произведений искусства. Э. Панофский [Панофский 1999] акцентирует внимание на вопросах смыслового и иконологического анализа.

Применение семиотических методов к анализу работ Л. Р. Цесюлевича позволяет выявить культурные коды, заложенные в его произведениях, а также их связь с традициями русской и сибирской художественной школы [Нехвядович 2006, Степанская 2016, Балакина, Гусева 2022]. Вопросы интерпретации художественного произведения в контексте эстетических и культурных традиций представлены в трудах Н. Д. Васюченко [Васюченко 2018]. Исследования А. С. Березиной [Березина 2020] и Д. В. Ильичева [Ильичев 2021] подчёркивают значимость междисциплинарного подхода в изучении живописи, что актуально для анализа технических и стилистических аспектов работ Л. Р. Цесюлевича.

Развитие изобразительного искусства Алтая во второй половине XX века проходило в контексте сложных художественных про-

цессов, связанных с поисками новых форм выразительности и взаимодействием различных живописных традиций. «В 1960-е гг. в искусстве Алтая развивается тенденция, направленная к усилению колористической выразительности полотна. Колоризм полотен тех лет отличался от тональной разработки цвета тем, что воспроизведение подлинных колеров воссоздаваемого участка природы заменялось стремлением к автономности цветовых композиций. Эта тенденция, развиваемая Ф. С. Торховым, В. Д. Запрудиным, С. И. Черновым, Л. Р. Цесюлевичем и другими, способствовала появлению в алтайском искусстве 1970-х годов таких произведений, для которых характерны красота и разнообразие живописной формы, декоративность красочных сочетаний» [Нехвядович 2006].

Леопольд Романович Цесюлевич¹ родился в городе Риге. «...Л. Р. Цесюлевичу присуще чувство современности, соединённое с обращением к традициям, фольклорным истокам, историчности, к разным жанрам живописи. В целом искусство художника тяготеет к символизму. Традиционному познанию мира символисты противопоставили идею конструирования мира в процессе творчества» [Степанская 2017]. Леопольд Романович учился в академии в то время, когда среди студентов и педагогов наибольшим авторитетом пользовался французский художник Поль Сезанн. Художники-преподаватели сами продолжали своё образование во Франции и Бельгии в 1920–1930-х годах. Среди этих педагогов были такие мастера, как Убан Карлис, Отто и Хуго Скулме. Они отвергали натурализм в живописи, критиковали салонную живопись, стремясь научить студентов выражать свою индивидуальность и восприятие мира через искусство. Часто студенты слышали от своих наставников фразу: «Нужно изображать жизнь средствами искусства, а не копировать её» [Черняева, Булгаева, Айхлер 2024]. Педагоги также обучали студентов техникам и приёмам живописи эпохи Ренессанса. Преподаватели поддерживали стремление студентов к самостоятельному творчеству и индивидуальным поискам. В результате

¹ Цесюлевич Леопольд Романович (1937–2017) – советский, российский художник-живописец, график, публицист, периховед, переводчик, педагог, общественный деятель. Член Союза художников СССР (1967), России. Заслуженный художник России (2006). В 1955 году окончил Рижскую среднюю художественную школу имени Я. Розенталя (учился у А. К. Грикиса). Выпускник Государственной академии художеств Латвийской ССР (выпуск 1961 года, факультет станковой живописи, педагоги-художники Эдуард Калнынь, Отто Скулме, Хуго Скулме, Конрад Убан). После окончания Академии был направлен на работу в филиал Рижского училища прикладного искусства (г. Резекне). С февраля 1964 года началась его работа в качестве художника-живописца в художественно-производственных мастерских Алтайского отделения художественного фонда РСФСР.

уже в первых своих работах Л. Р. Цесюлевич начал смелые эксперименты с цветом, используя контрасты и дополнительные оттенки. К концу учёбы он определил основную тему своего творчества.

«Работы Л. Р. Цесюлевича выделяются своим уникальным чувством цвета и фактурой живописного слоя. Его творческий метод основывается не столько на прямом отображении действительности, сколько на работе воображения, которое играет ключевую роль в создании художественного образа. Художник стремится к особому, специальному восприятию мира через живопись, что во многом связано с развитием в его творчестве художественных традиций, сформировавшихся в латвийской живописной школе 1930-х годов под влиянием западноевропейских течений, таких как импрессионизм и постимпрессионизм. Манера письма Л. Р. Цесюлевича отражает влияние таких художников, как А. Грикас, К. Убан и Э. Калнынь» [Нехвядович 2006]. Произведения мастера находятся в коллекциях России: Государственном художественном музее Алтайского края («Гостиница “Империал” в Барнауле в свои лучшие годы», 2005), Государственном музее искусства, литературы и культуры Алтая («Снега России», 2017), – а также в музеях Нью-Йорка, Японии и частных коллекциях.

Достигнутые результаты

Визуально-семиотический анализ позволил выявлять знаковые, структурные и смысловые элементы произведения, а также связанные с ним культурные коды, отражающие историко-культурный контекст и традиции его создания.

Триптих «Народ-Богатырь» (1969; ил. 1.) экспонировался в 2019 году на выставке произведений художников Алтая «Свет искусства», посвящённой 80-летию доктора искусствоведения, профессора, члена Союза художников России Т. М. Степанской, в галерее Universum факультета искусств и дизайна Алтайского государственного университета [Черняева, Булгаева, Айхлер 2024]. Триптих выполнен в экспрессивной манере, характерной для искусства второй половины XX века. Художник использует грубоватую фактуру мазков, лаконичную геометризацию форм и насыщенную, контрастную цветовую палитру. Все составляющие триптиха – центральное произведение «Бой», левое «Дума», правое «Рассвет» – несут в себе символическое начало, отражая этапы исторического пути, метафорически связанные с национальной идентичностью, борьбой и возрождением. Общая стилистика произведения демонстрирует

влияние экспрессионизма и монументального искусства: формы предельно обобщены и геометризированы, фигуры напоминают архаические скульптурные изображения, что придаёт им обобщённо-символический характер.

Визуальная структура триптиха подчинена контрасту статичности и динамики: «Дума» и «Рассвет» строятся на фронтальном размещении фигур, передавая статику размышления и продолжения жизни, тогда как центральная часть «Бой» насыщена энергией движения и конфликта. Композиционная взаимосвязь подчёркивает идею преемственности исторического процесса: прошлое, представленное образом старца, воплощает народную мудрость и память, настоящее – борьбу и преодоление трудностей, а будущее, выраженное в фигуре женщины с младенцем, символизирует надежду и продолжение рода.

Ил. 1. Цесюлевич Л. Р. Триптих «Народ-богатырь», 1969.
 «Дума» – левая часть триптиха; «Бой» – центральная часть;
 «Рассвет» – правая часть. Собрание галереи
 «Универсум», Барнаул [Черняева и др. 2024]

Колористическое решение подчинено этому смысловому строю: холодные, сдержанные оттенки в «Думе» создают ощущение глубины размышления и вековой тяжести накопленного опыта, центральная часть выполнена в драматически контрастной палитре с преобладанием красного, усиливающего ощущение напряжения и схватки, а в «Рассвете» доминируют зеленовато-охристые оттенки, которые традиционно ассоциируются с жизненной силой, обновлением и гармонией. Фактурное решение, основанное на динамичных мазках, приближает поверхность живописи к рельефу, создавая эффект материальной плотности изображения, что усиливает монументальность образов и делает их визуально устойчивыми, словно высеченными из камня. Подобная живописная манера актуализирует архаические представления о народном героическом эпосе, приближая изображение к древним наскальным росписям или резьбе по камню.

Семиотический анализ триптиха транслирует многослойность в передаче смыслов. Фигура старца с посохом в левой части композиции отсылает к архетипу хранителя традиции, связующего звена между прошлым и будущим. Центральная сцена, разворачивающаяся в виде конного поединка, апеллирует к древнерусскому эпосу, где борьба с врагом интерпретируется не только как военное столкновение, но и как духовное испытание, а контраст светлой и темной фигур подчёркивает бинарность борьбы добра и зла. Правая часть, изображающая женщину с младенцем, заключает триптих в семантическую структуру вечного обновления: народ, прошедший через войну и испытания, сохраняет жизнь и продолжает свой путь.

На картинах триптиха тень проработана холодными цветами: сине-фиолетовыми, зеленовато-серыми, а свет тёплыми – охристо-красными. Игра света и тени позволила передать различное освещение на полотнах. На левой картине свет льётся слева снизу, на центральной – справа наискосок, а на правой части источник света расположен посередине внизу. Подобное направление света придаёт изображению монументальность и значимый объём. Художник выступил как тонкий колорист. В своих произведениях он играет на сочетании таких противоположных цветов, как ультрамарин, охра и английская красная, изумрудная зелень, сиренево-фиолетовый и бордовый. На полотне «Дума» фрагментарно просматривается структура холста.

Подписи и надписи, выявленные на произведении, несут в себе важную информацию для атрибуции памятника. Основа триптиха – холст плотного полотняного переплетения двойной нити средней зернистости. Атрибутировать произведение как авторское возможно через обращение к документам Алтайского отделения Союза художников. На обороте холста нанесена надпись черным пигментом. Текст расположен в верхней части холста, крупными буквами. На первом произведении при чтении слева направо значится: «Алтайская орг. СХ РСФСР Цесюлевич Леопольд Романович 1937 «Народ-богатырь» триптих левая «Дума» х/м. 94,5 × 61,5 Барнаул Договор с фондом РСФСР», – отдельно графитом в овале «№ = 11». Аналогичная подпись с указанием местоположения картины в триптихе и её названия имеется на каждом произведении. Публикация исследуемых произведений с кратким описанием вышла в 1977 году [Изобразительное искусство Алтая 1977, 67–69]. Внизу справа на живописи каждого произведения триптиха расположена авторская подпись. Автографы выполнены плотной, укрытой однородной краской цвета английской красной.

На картине «Дума» краска авторской подписи средней консистенции, нанесена тонким слоем, который повторяет неровности основы, грунта и красочного слоя. В некоторых местах цвет подписи почти смешивается с живописным слоем. Соответственно, можно сделать вывод, что подпись была нанесена на не до конца высохший авторский красочный слой и после просушки произведения покрыта лаком. Подпись в УФ-лучах просматривается под люминесценцией неравномерного авторского лака. Аналогичное свечение – в других местах и на боковых сторонах пастозных мазков. На подписи люминесценция наиболее интенсивная. Поновлений и записей не просматривается. Данные результаты исследования свидетельствуют об отсутствии поновлений, поздних записей и покрывающих слоёв в местах авторской подписи.

На картине «Рассвет» авторская подпись нанесена тонким слоем, местами повторяющим рельеф красочного слоя картины, при этом густой мазок также присутствует в изображении букв. Можно предположить, что подпись художник наносил по слегка просушенной живописи, так как явного смешения красочных слоёв живописи и автографа не выявлено. При исследовании в УФ-лучах лак на подписи люминесцирует очень тонким слоем, выявлены значительные потёртости по всей поверхности покрывающего слоя. Наличие авторского лака сохранилось на боковых сторонах пастозных мазков, выявлено сгрибливание лака справа от подписи. Прослойки лака между живописью и авторской подписью не просматриваются.

На центральной части триптиха авторский лак сохранился неравномерно, просматривается наличие сгрибливания лака в правой части. Авторская подпись нанесена тонким слоем. На пастозных мазках авторский лак неравномерный: значительное утолщение с боковых сторон. На гладких поверхностях покрывающей слой местами потёрт. В результате макросъёмки выявлено, что уровень красочного слоя авторской живописи и подписи однороден, перепадов и значительных различий живописных слоёв не выявлено. Полученные результаты позволяют предположить, что авторские подписи на произведениях являются оригинальными.

Макросъёмка живописной поверхности триптиха, выполненная в 4-кратном увеличении, показала преобладание в произведении пастозных мазков, которые нанесены вертикально или по форме. На стыке плоскостей просматриваются нижние красочные слои, которые значительно отличаются по цвету (ил. 2). Мазки нанесены динамично, объемно, при этом контрастные цвета нанесены по-

слойно, в большинстве случаев не смешиваются друг с другом на холсте. По фону и на одежде виден приём процарапывания краски до уровня холста. Важным средством выразительности является контраст: сочетание противоположных цветов изумрудного и краплака, фиолетово-сиреневого и охры. Результаты микросъёмки с увеличением $\times 20$ показали, что художник наносил красочные слои последовательно друг на друга. Толщина и площадь нанесения слоёв различны. Нижний колористический слой может выступать из-под нескольких верхних слоёв. Мастер применяет контрастные цвета независимо от толщины лессировок, и это даёт ему возможность прибегать к оптическому смешению на полотне.

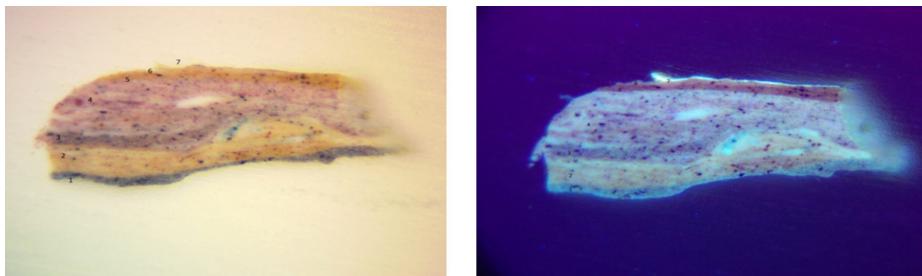

Ил. 2. Макросъёмка фрагмента «Дума» с 4-кратным увеличением.
Фото: Г.Д. Булгаева

Для исследования структуры произведения был использован метод описания поперечных срезов микрошлифов. Результаты применения методики выполнения и фотофиксации поперечных микрошлифов подтвердили наличие многослойной структуры живописи в произведениях художника. Микропробы были взяты с каждого произведения триптиха¹. Результат изучения поперечных срезов микропроб показал наличие нескольких красочных

¹Микрошлифы выполнены в 2024 году на кафедре живописи и реставрации в Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии имени А. Л. Штиглица.

слоёв контрастного цвета, нанесённых последовательно друг на друга (ил. 3). В поперечных микрошлифах правой и левой частей триптиха присутствуют схожие по пигментному составу цвета: сиренево-розовый колер с примесью синего цвета. Слои живописи последовательно нанесены друг на друга. Толщина красочных слоёв различна, больший объем занимает 4-й бордовый слой. Исследования в УФ-люминесценции показали яркое свечение покрывного слоя и контраст верхних красочных слоёв. Ярко высвечиваются вкрапления синего, бордового и фиолетового пигмента, которые встречаются во всех составляющих многослойной живописи.

Ил. 3. Микрофотографии поперечного среза микрошлифа с произведения «Дума». Внизу слева (фрагмент одежды). Прямой отражённый свет и УФ-люминесценция.

Увеличение $\times 40$: 1 – красочный слой синий; 2 – красочный слой охристый; 3 – красочный слой фиолетовый; 4 – красочный слой бордовый; 5 – красочный слой охристо-оранжевый; 6 – красочный слой светло-охристый; 7 – тонкая тёмная покрывная пленка. Фото: Г.Д. Булгаева

Таким образом, триптих «Народ-Богатырь» представляет собой сложную визуально-семиотическую систему, в которой средствами живописи передаётся идея исторической преемственности, коллективного подвига и неизменности народного духа. Автор использует выразительные художественные средства – геометризацию форм, динамическую фактуру, контрастную колористику – для создания произведения, которое выходит за рамки конкретного исторического контекста и приобретает универсальный характер мифопоэтического высказывания. Технический анализ живописной поверхности и микрошлифов подтвердил использование многослойной техники нанесения красочных слоёв, приближенной к традициям старых мастеров, что расширяет представление о технологических возможностях художника. Применение оптико-физических методов исследования позволило выявить особенности авторской колористики, основанной на сложных сочетаниях дополнительных цве-

тов и оптическом смешении пигментов. Атрибуционные исследования подтвердили подлинность произведения и его соответствие стилистическим и технологическим приёмам, характерным для художника.

Работая над произведениями, Леопольд Романович не следует одним и тем же правилам, и это лишает его творчество рутинности. Ему доступны не только сложные аллегории, отвлечённые поиски гармонии, но и внимательное изучение натуры. Эти свойства убедительно сочетаются в картине «Алтайские розы». Картина преподнесена в дар галерее автором [Балакина, Гусева 2022, 56]. Данное произведение несколько раз публиковалось в каталогах 1977–1980 годов [Изобразительное искусство Алтая 1977; Художники Алтая 1980; Алтай в изобразительном искусстве 2007].

Исследуя творчество Л. Р. Цесюлевича, искусствовед, профессор Т. М. Степанская (1939–2020) отмечала «...живописец руководствуется выбором любимой им палитры красок: сочетанием золотисто-белых, синих, лиловых, фиолетово-голубых тонов. Тончайших нюансов цвета, плавных предметных очертаний художник достигает освоенной им техникой “бесконтактной лессировки” (или набрызгом краски на холст). Благодаря такой технике изображение как бы погружено в туманную дымку и создаёт у зрителя ощущение нереальности. Это уже не картины-впечатления (как пейзажи рижской серии), а картины-видения. Стилизованное композиционное решение этих картин возникло на основе изучения и наблюдения художником строения соцветий роз и гладиолусов, им было сделано множество рисунков и набросков. Композиция в “Алтайских розах” как бы движется к центру по кругу, подобно лепесткам прекрасного цветка» [Степанская 2016].

Произведение Л. Р. Цесюлевича «Алтайские розы» представляет собой сложную художественную композицию с заложенными культурными и семиотическими смыслами. Картина наполнена экспрессивной динамикой, переданной через плавные ритмы фигур женщин, участвующих в символическом действии сбора цветов (ил. 4). Их движения вплетены в пластичную структуру полотна, что создаёт эффект единства человека и природы.

Цветовое решение играет ключевую роль в раскрытии семантического содержания произведения. Преобладание красных и зелёных оттенков можно интерпретировать как метафору жизненной энергии, плодородия и связи с землёй. Конtrаст между насыщенными тонами одежды персонажей и прохладным фоном формирует напряжённое визуальное поле, усиливающее эмоциональное

воздействие сцены. Красные платья героинь отсылают к традиционной символике жертвенности и труда, что перекликается с темой социалистического реализма, но в то же время выходит за его рамки, приобретая более глубокий экзистенциальный смысл.

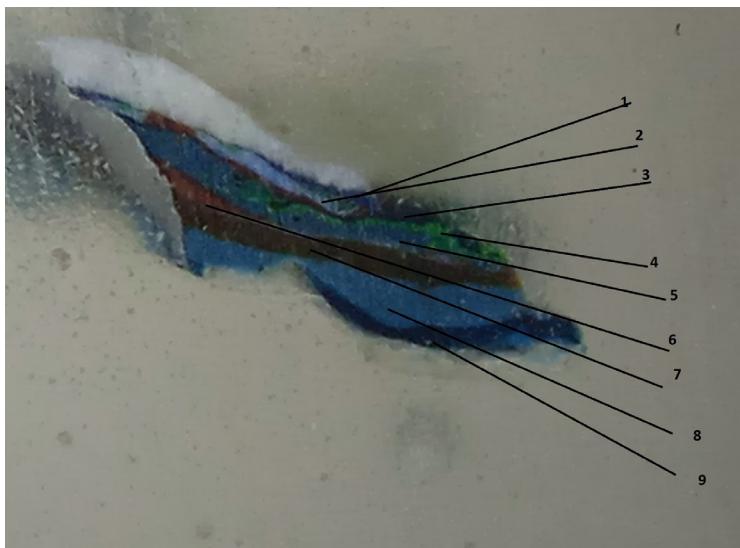
Ил. 4. Цесюлевич Л. Р. Алтайские розы, 1974. Собрание галереи «Универсум», Барнаул. Экспонировалось на персональной выставке Л. Р. Цесюлевича «Корабль счастья» (2008, Барнаул) [Черняева и др. 2024]

Композиционно фигуры женщин организованы таким образом, что создаётся ощущение гармоничного взаимодействия. Их позы и взгляды образуют визуальные связи, подчёркивающие коллективность действия. Однако в отдельных деталях прослеживается и индивидуализация героинь, что вносит в картину элемент личного переживания. Семиотический анализ жестов и расположения персонажей позволяет выявить многослойность смыслов: от мифологической трактовки сцены до её прочтения в контексте национальной идентичности и культурной преемственности.

На первый взгляд сюжет картины прост и повествует о будничном труде: пять молодых женщин собирают розы, каждая выполняет свою задачу. Однако символическая нагрузка композиции выходит за пределы жанрового мотива. Удлинённые, изящные фигуры персонажей намеренно приближены к идеализированному пластическому канону, где линии тел напоминают тонкие, переплетающиеся стебли цветов. Это сближает образы женщин и растений, подчёркивая их неразрывную связь с природой и создавая

аллегорию женского труда, требующего терпения, силы и внутренней стойкости. Особенно выразительна эмоциональная отстранённость героинь: их лица лишены явных эмоций, взгляды опущены, а позы сосредоточены на работе. Этот приём создаёт эффект отрешённости, подчёркивая монотонность труда, который, несмотря на свою тяжесть, наполнен ритуальной размеренностью. При этом композиция организована так, что зритель ощущает движение: девушки словно вплетены в круговорот непрекращающегося процесса, что метафорически связано с цикличностью жизни и труда.

Колористическая гамма произведения построена на контрастах. Доминирующие красные и белые элементы одежды персонажей усиливают декоративную выразительность сцены, а многочисленные оттенки зелёного и глубокие охристо-синие тона земли и фона создают богатую цветовую полифонию. Горизонтальный формат композиции раскрывает сюжет постепенно, создавая эффект повествовательной ленты, где каждый элемент сцены логично продолжает предыдущий.

Ил. 5. Микрофотография поперечного среза микрошлифа с произведения «Алтайские розы». Внизу слева (стебли роз).

В отражённом свете, увеличение ×40:

- 1 – красочный слой светло-синий; 2 – красочный слой светло-голубой;
- 3 – красочный слой красно-бордовый; 4 – красочный слой светло-зелёный;
- 5 – красочный слой светло-синий; 6 – красочный слой светло-бордовый;
- 7 – красочный слой красно-коричневый; 8 – красочный слой темно-голубой;
- 9 – красочный слой темно-синий. Фото: Г.Д. Булгаева

Результаты изучения поверхности живописи в ультрафиолетовых лучах выявили наличие люминесценции неравномерного покрывающего слоя. Предположительно, авторский покрывающей слой нанесён тонким слоем, местами потёрт. Авторская подпись находится под равномерным покрывающим слоем. Макросъёмка фрагментов живописи показала наличие в её структуре тонких лессировок различных цветов, нанесённых неравномерно. На исследуемом фрагменте по бордово-коричневому колеру нанесён тонкий слой сине-фиолетового цвета с вкраплениями зелёного кобальта. Микрошлиф выполнен по указанному выше методу из микропробы, которая взята с нижней левой части произведения. В результате исследования микрошлифа было выявлено девять слоёв разного цвета и толщины, нанесённых последовательно друг на друга (см. ил. 5).

Обсуждение

Полученные результаты исследования технологических особенностей произведений Л. Р. Цесюлевича соответствуют современным тенденциям в области научного изучения живописи XX века и согласуются с данными, опубликованными в ведущих международных изданиях за последние пять лет. Применённый комплекс оптико-физических методов (УФ-люминесценция, ИК-рефлекто-графия, макросъёмка, микростратиграфия) отвечает стандартам современного технологического анализа произведений искусства, что подтверждается в исследованиях И. С. Большакова и соавт. [Bolshakov et al. 2024], В. Borg и соавт. [Borg et al. 2020], а также С. В. Сирро [Сирро 2018]. Авторы подчёркивают роль неразрушающих методов диагностики, таких как терагерцовная томография и рентгеновский анализ, в выявлении скрытых слоёв живописи и особенностей авторской техники. Ф. Ю. Бобров акцентирует внимание на традиционных методах анализа поперечных срезов, которые являются актуальными для атрибуции и реставрации [Бобров 2018]. Наиболее полное представление о пигментах и связующих веществах художественных масляных красок, используемых в живописи XX века, дает исследование Ю. И. Гренберга, С. А. Писаревой (ГосНИИР), И. А. Григорьевой [Масляные краски 2018].

Выявленная в работах Л. Р. Цесюлевича техника последовательного наложения красочных слоёв соотносится с традицией многослойной масляной живописи, сформировавшейся ещё в эпоху Возрождения. Многочисленные тонкие красочные слои с технологической точки зрения являлись показателем прочности и долговечно-

сти [Лисицын, Грибанова, Кузнецова 2019]. Такой технологический подход воплотил в себе ряд понятий и характер мировоззрения эпохи, где все стремления были направлены на вечное, устойчивое [Файнберг, Гренберг 1989]. Исторически многослойность масляной живописи высоко ценилась за возможность передачи глубины цвета, пластичности формы и оптических эффектов. Камерные произведения Малых голландцев, например, иллюстрируют не только техническое мастерство, но и эстетические предпочтения заказчиков. В этом контексте использование Цесюлевичем многослойной техники приобретает особое значение: он становится единственным выявленным представителем алтайской живописной школы второй половины XX века, систематически применявшим данный метод. По результатам исследования микрошлифов нескольких произведений художника разного времени определена технологическая устойчивость мастера в применении такого метода, как последовательное наложение тонких красочных слоёв. Цвета этих слоёв зачастую являются контрастными, их толщина может быть приближена друг к другу или значительно разниться.

Проведённое исследование подтвердило важность комплексного междисциплинарного подхода в атрибуции и анализе живописного наследия Л. Р. Цесюлевича. Уточнение атрибуции произведений «Народ-Богатырь» (1969) и «Алтайские розы» (1974) осуществлена на основе сравнительного стилистического анализа, изучения архивных данных Алтайского отделения Союза художников, каталогов выставок и детального исследования авторских подписей. Макро- и микросъёмка поверхности живописного слоя выявила характерные особенности нанесения красок, соответствующие приёмам, зафиксированным в более ранних и поздних работах художника. Исследование в УФ- и ИК-лучах подтвердило подлинность произведений, отсутствие поздних записей и реставрационных вмешательств, а также стабильность технологического почерка мастера.

Анализ технологических особенностей творчества Л. Р. Цесюлевича подтвердил его подход к многослойной живописи. Художник систематически применял метод последовательного наложения тонких цветовых слоёв с контрастными оттенками, что позволяло достигать сложных оптических эффектов и глубины колорита. Данные микрошлифов показали, что его техника близка к традиционной, однако он активно использовал современные художественные материалы и экспериментировал с фактурой, сочетая пастозные и прозрачные слои. Применение методов микросъёмки

и изучение поперечных срезов микрошлифов позволили выявить характерную для Л. Р. Цесюлевича колористическую палитру: сочетание ультрамарина, охры, английской красной, изумрудной зелени и сиренево-фиолетовых оттенков. Исследование подтвердило, что произведения художника представляют собой сложные семиотические системы, в которых технические и символические элементы взаимосвязаны. В триптихе «Народ-Богатырь» формальные приёмы (геометризованные фигуры, динамичная фактура мазков, контрастная колористика) подчинены смысловой структуре, раскрывающей тему исторической преемственности и национальной идентичности. В произведении «Алтайские розы» многослойное наложение красок не только усиливает эффект цветового свечения, но и формирует особое визуальное восприятие образов, создавая ощущение мифopoэтического пространства, выходящего за рамки реалистической живописи.

Необходимо подчеркнуть, что концепция «семиотического оптимума», предложенная И. В. Мелик-Гайказян, обнаруживает и уточняет механизм формирования символических структур в визуальном тексте, что обеспечивает диагностические критерии для интерпретации скрытых слоёв и «конкурирующих» смыслов в палимпсестных композициях [Мелик-Гайказян 2024].

Заключение

На основе одновременной реализации технологических методов и методов семиотики удалось установить, как художественные приёмы Л. Р. Цесюлевича формируют восприятие его работ. Использование многослойных цветовых переходов и сложных сочетаний дополнительных оттенков придаёт изображениям особую глубину, усиливая их символическую многозначность. Применение динамичных мазков и фактурных контрастов в триптихе «Народ-Богатырь» подчёркивает героико-эпическое звучание композиции, тогда как мягкие, размытые цветовые градиенты произведения «Алтайские розы» создают атмосферу гармоничного слияния человека и природы.

Исследование произведений Л. Р. Цесюлевича показало, что систематическое применение многослойной техники наложения тонких красочных слоёв не только формирует визуальную глубину и насыщенность цвета, но и создаёт возможности для выражения художественного замысла. Микрошлифы и микростёмка выявили характерные приёмы работы с фактурой, контрастность и вариа-

тивность цветовых слоёв, что подтверждает стабильность мастерства художника и его способность сочетать традиционные методы с экспериментальными решениями.

Сопоставление технологического анализа с семиотическим подходом продемонстрировало прямую связь между техническими приёмами и смысловой структурой произведений: цветовые градации, динамика мазка и многослойность усиливают символическую выразительность образов, подчёркивают эпический или гармонический характер композиции и раскрывают замыслы художника. Таким образом, применённый комплекс подходов позволяет не только уточнять атрибуцию и хронологию работ, но и выявлять закономерности творческой практики, раскрывая взаимосвязь технологических особенностей и художественной идеи.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алтай в изобразительном искусстве 2007 – Алтай в изобразительном искусстве России ХХ–XXI веков [кatalog выставки, 20–30 сентября 2007 г., Москва]. Барнаул: Турина гора, 2007.
- Балакина, Гусева 2022 – Балакина Е. И., Гусева А. А. Алтай сакральный в жизни и творчестве художника Леопольда Романовича Цесюлевича // Культурное наследие Сибири. 2022. Вып. 3 (35). С. 51–59.
- Барт 1989 – Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с фр. Г. Косикова. М.: Прогресс, 1989.
- Березина 2020 – Березина А. С. Комплексный подход в изучении произведений станковой масляной живописи на примере картины «Мадонна в кресле» XIX века // Актуальные проблемы теории и истории искусства – IX: междунар. конф.: тезисы 2020. URL: <https://actual-art.spu.ru/publikatsii/theses/theses-2020/336-2020-interdisciplinary-methods-in-the-research-on-cultural-heritage/2306-berezina-a-s-kompleksnyj-podkhod.html> (дата обращения: 28.02.2025).
- Бобров 2018 – Бобров Ф. Ю. Основы исследования послойной структуры живописного произведения. Методика Джойс Плестерс // Научные труды / сост. А. В. Чувин, Е. М. Елизарова. СПб.: Ин-т им. И. Е. Репина, 2018. Вып. 46: Художественное образование. Сохранение культурного наследия. С. 267–283.
- Васюченко 2018 – Васюченко Н. Д. Анализ и интерпретация художественного произведения // Искусство и культура. 2018. № 4 (32). С. 54–62.
- Гомбрих 2023 – Гомбрих Э. Г. Искусство, восприятие и реальность. М.: Ад Маргинем Пресс, 2023.
- Изобразительное искусство Алтая 1977 – Изобразительное искусство Алтая: сб. очерков / сост. Л. И. Снитко. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1977.
- Ильичев 2021 – Ильичев Д. В. “Madonna del libro” в собрании Свердловского областного краеведческого музея: первые данные атрибуции и технико-

- технологического исследования картины // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 4. С. 46–59.
- Лисицын, Грибанова, Кузнецова 2019 – *Лисицын П. Г., Грибанова А. В., Кузнецова И. В. Эволюция технологии западноевропейской станковой масляной живописи в историко-культурном контексте (XV–XVII вв.)* // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Сер. 2. Искусствоведение. Филологические науки. 2019. № 4. С. 69–76.
- Лотман 1970 – *Лотман Ю. М. Структура художественного текста*. М.: Искусство, 1970.
- Масляные краски 2018 – Масляные краски XX века и экспертиза произведений живописи: состав, открытие, коммерческое производство и исследование красок. 3-е изд., СПб.: Лань; Планета музыки, 2018.
- Мелик-Гайказян 2024 – *Мелик-Гайказян И. В. Семиотический оптимум: новая концепция для мысленных экспериментов с информацией* // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 82. С. 302–315. doi: 10.17223/19988638/82/15
- Нехвядович 2006 – *Нехвядович Л. И. Творческий метод и стиль пейзажной живописи Алтая 1960–1970-х гг.* // Известия Алтайского государственного университета. 2006. № 4 (42). С. 15–19.
- Панофский 1999 – *Панофский Э. Смысл и толкование изобразительного искусства*. СПб.: Акад. проект, 1999.
- Сирро 2018 – *Сирро С. В. Исследование произведений искусства и объектов культурно-исторического наследия. Новые технологии и их применение* // В мире неразрушающего контроля. 2018. Т. 21, № 3. С. 56–59.
- Степанская 2016 – *Степанская Т. М. Русская художественная школа в процессе интеграции культур Запада и Востока на рубеже XX – начала XXI вв.* // Вестник истории, литературы, искусства. 2016. Т. 11. С. 162–185.
- Степанская 2017 – *Степанская Т. М. Л. Р. Цесюлевич (1937–2017)* // Культурное наследие Сибири. 2017. № 5 (23). С. 90–98.
- Успенский 1970 – *Успенский Б. А. Поэтика композиции: структура художественного текста и типология композиционной формы*. М.: Искусство, 1970.
- Фейнберг, Гренберг 1989 – *Фейнберг Л. Е., Гренберг Ю. И. Секреты живописи старых мастеров*. М.: Изобразительное искусство, 1989.
- Художники Алтая 1980 – Художники Алтая: живопись, графика, скульптура, монументальное, театрально-декорационное и прикладное искусство / сост. Л. Цесюлевич, Б. Лупачев. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1980.
- Черняева, Булгаева, Айхлер 2024 – *Черняева И. В., Булгаева Г. Д., Айхлер Н. А. Анализ живописи алтайских мастеров как элемент образовательного процесса в вузе: опыт оптико-физических исследований* // Bulletin of the International Centre of Art and Education. 2024. № 6. С. 168–177.

- Черняева и др. 2024 – Черняева И. В., Булгаева Г. Д., Айхлер Н. А., Калинникова А. Д. База данных оптико-физических исследований произведений изобразительного искусства Сибири [Электронный ресурс]. Свидетельство о регистрации базы данных № RU 2024625410; заявка № 2024624323 от 08.10.2024 г. Зарегистр. 22.11.2024.
- Baxandall 1988 – Baxandall M. Painting and Experience in Fifteenth-Century Italy: A Primer in the Social History of Pictorial Style. Oxford: Oxford University Press, 1988.
- Bolshakov et al. 2024 – Bolshakov I. S., Lykina A. A., Kravtsev O. V., Sirro S. V., Toropov V. Y., Tsvetkov A. R., Taday P. F., Arnone D. D., Smolyanskaya O. A. Optical and terahertz methods for the study of oil painting artworks // Opticheskii Zhurnal. 2024. Vol. 91 (5). P. 54–65. doi: 10.17586/1023-5086-2024-91-05-54-65
- Borg et al. 2020 – Borg B., Dunn M., Amg A. et al. The application of state-of-the-art technologies to support artwork conservation: literature review // J. Cultural Heritage. 2020. Vol. 44. P. 239–259. <https://doi: 10.1016/j.culher.2020.02.010>
- Kress, Van Leeuwen 2020 – Kress G., Van Leeuwen T. Reading Images: the Grammar of Visual Design. London: Routledge, 2020.
- Plestes 2004 – Plesters J. The Preparation and Study of Paint Cross-Sections (1954) // Issues in the Conservation of Paintings. Getty Publications, 2004. P. 185–193. (Readings in conservation).
- Rose 2016 – Rose G. Visual Methodologies: An Introduction to Researching with Visual Materials. London: SAGE Publications, 2016.

REFERENCES

- Anon. (2007). *Altai v izobrazitel'nom iskusstve Rossii XX–XXI vekov* [Altai in the visual art of Russia of the 20th–21st centuries]. Turina Gora.
- Anon. (2018). *Maslyanye kraski XX veka i ekspertiza proizvedenii zhivopisi. Sostav, otkrytie, kommercheskoe proizvodstvo i issledovanie kraski* [Oil paints of the 20th century and the examination of paintings. Composition, invention, commercial production and research of paints]. Lan'; Planeta muzyki.
- Balakina, E. I., & Guseva, A. A. (2022). Altai sakral'nyi v zhizni i tvorchestve khudozhnika Leopolda Romanovicha Tsesyulevicha [Sacred Altai in the life and work of the artist Leopold Romanovich Tsesyulevich]. *Kul'turnoe nasledie Sibiri*, 3(35), 51–59.
- Barthes, R. (1989). *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected works: Semiotics. Poetics] (G. Kosikov, Trans.). Progress.
- Baxandall, M. (1988). *Painting and experience in fifteenth-century Italy: A primer in the social history of pictorial style*. Oxford University Press.
- Berezina, A. S. (2020). *Kompleksnyi podkhod v izuchenii proizvedenii stankovoi maslyanoi zhivopisi na primere kartiny Madonna v kresle" XIX veka* [An integrated approach to the study of easel oil painting using the example of the 19th-century painting "Madonna della Sedia"]. *Actual Problems of*

- Theory and History of Art. <https://actual-art.spbu.ru/publikatsii/theses/theses-2020/336-2020-interdisciplinary-methods-in-the-research-on-cultural-heritage/2306-berezina-a-s-kompleksnyj-podkhod.html>
- Bobrov, F. Yu. (2018). Osnovy issledovaniya posloinoi struktury zhivopisnogo proizvedeniya. Metodika Dzhoyis Plesters [Fundamentals of studying the layer-by-layer structure of a painting. The Joyce Plesters method]. In A. V. Chuvin & E. M. Elizarova (Eds.), *Nauchnye trudy* [Scientific works] (issue 46, pp. 267–283). I. E. Repin Institute.
- Bolshakov, I. S., Lykina, A. A., Kravtsevnyuk, O. V., Sirro, S. V., Toropov, V. Y., Tsvetkov, A. R., Taday, P. F., Arnone, D. D., & Smolyanskaya, O. A. (2024). Optical and terahertz methods for the study of oil painting artworks. *Opticheskii Zhurnal*, 91(5), 54–65. <https://doi.org/10.17586/1023-5086-2024-91-05-54-65>
- Borg, B., Dunn, M., Amg, A., et al. (2020). The application of state-of-the-art technologies to support artwork conservation: Literature review. *Journal of Cultural Heritage*, 44, 239–259. <https://doi.org/10.1016/j.culher.2020.02.010>
- Chernyaeva, I. V., Bulgaeva, G. D., & Aikhler, N. A. (2024). Analiz zhivopisi altaiskikh masterov kak element obrazovatel'nogo protsessa v vuze: opyt optiko-fizicheskikh issledovanii [Analysis of paintings by Altai masters as an element of the educational process at a university: Experience of optical-physical research]. *Bulletin of the International Centre of Art and Education*, 6, 168–177.
- Chernyaeva, I. V., Bulgaeva, G. D., Aikhler, N. A., & Kalinnikova, A. D. (2024). *Baza dannykh opticheskikh i fizicheskikh issledovanii proizvedenii izobrazitel'nogo iskusstva Sibiri* [Database of optical and physical research of fine art works of Siberia] (Database Registration No. RU 2024625410) [Database]. Russian Federal Service for Intellectual Property (Rospatent). Registered 22 November 2024.
- Feinberg, L. E., & Grienberg, Yu. I. (1989). *Sekrety zhivopisi starykh masterov* [Secrets of the old masters' painting]. Izobrazitel'noe iskusstvo.
- Gombrich, E. H. (2023). *Iskusstvo, vospriyatiye i real'nost'* [Art, perception and reality]. Ad Marginem Press.
- Il'yichev, D. V. (2021). "Madonna del libro" v sobranii Sverdlovskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya: pervye dannye atributsii i tekhniko-tehnologicheskogo issledovaniya kartiny ["Madonna del libro" in the collection of the Sverdlovsk Regional Local Lore Museum: First data of attribution and technical-technological research of the painting]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(4), 46–59.
- Kress, G., & Van Leeuwen, T. (2020). *Reading images: The grammar of visual design* (3rd ed.). Routledge.
- Lisitsyn, P. G., Gribanova, A. V., & Kuznetsova, I. V. (2019). Evolyutsiya tekhnologii zapadnoevropeiskoi stankovoi maslyanoi zhivopisi v istoriko-kul'turnom kontekste (XV–XVII vv.) [Evolution of Western European easel oil painting technology in the historical and cultural context (15th–17th centuries)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i dizaina. Seriya 2: Iskusstvovedenie. Filologicheskie nauki*, 4, 69–76.

- Lotman, Yu. M. (1970). *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The structure of the artistic text]. Iskusstvo.
- Melik-Gaykazyan, I. V. (2024). Semioticheskii optimum: novaya kontseptsiya dlya myslennykh eksperimentov s informatsiei [Semiotic optimum: A new concept for thought experiments with information]. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 82, 302–315. <https://doi.org/10.17223/19988638/82/15>
- Nekhvyadovich, L. I. (2006). Tvorcheskii metod i stil' peizazhnoi zhivopisi Altaya 1960–1970-kh gg. [Creative method and style of Altai landscape painting in the 1960s–1970s]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4(42), 15–19.
- Panofsky, E. (1999). *Smysl i tolkovanie izobrazitel'nogo iskusstva* [Meaning in the visual arts]. Akademicheskiy proekt.
- Plesters, J. (2004). The preparation and study of paint cross-sections (1954). In *Issues in the conservation of paintings* (pp. 185–193). Getty Publications.
- Rose, G. (2016). *Visual methodologies: An introduction to researching with visual materials* (4th ed.). SAGE Publications.
- Sirro, S. V. (2018). Issledovanie proizvedenii iskusstva i ob"ektov kul'turno-istoricheskogo naslediya. Novye tekhnologii i ikh primenenie [The study of works of art and objects of cultural and historical heritage. New technologies and their application]. *V mire nerazrushayushchego kontrolya*, 21(3), 56–59.
- Snitko, L. I. (Comp.) (1977). *Izobrazitel'noe iskusstvo Altaya: sb. ocherkov* [Visual art of Altai: Essays]. Altayskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Stepanskaya, T. M. (2016). Russkaya khudozhestvennaya shkola v protsesse integratsii kul'tur Zapada i Vostoka na rubezhe XX – nachala XXI vv. [The Russian art school in the process of integrating Western and Eastern cultures at the turn of the 20th–21st centuries]. *Vestnik istorii, literatury, iskusstva*, 11, 162–185.
- Stepanskaya, T. M. (2017). L. R. Tsesyulevich (1937–2017). *Kul'turnoe nasledie Sibiri*, 5(23), 90–98. (In Russian).
- Tsesyulevich, L. & Lupachev, B. (Comp.) (1980). *Khudozhniki Altaya: zhivopis', grafika, skul'ptura, monumental'noe, teatral'no-dekorativnoe i prikladnoe iskusstvo* [Artists of Altai: Painting, graphics, sculpture, monumental, theatrical and decorative and applied art]. Altayskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Uspenskiy, B. A. (1970). *Poetika kompozitsii: Struktura khudozhestvennogo teksta i tipologiya kompozitsionnoi formy* [Poetics of composition: The structure of the artistic text and typology of compositional form]. Iskusstvo.
- Vasyuchenko, N. D. (2018). Analiz i interpretatsiya khudozhestvennogo proizvedeniya [Analysis and interpretation of a work of art]. *Iskusstvo i kul'tura*, 4(32), 54–62.

Материал поступил в редакцию 20.03.2025

Материал поступил в редакцию после рецензирования 29.09.2025

ВИЗУАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВЕТНИКОВ ПО ВОСПИТАНИЮ ПРИ ДИРЕКТОРАХ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ШКОЛ

Е. А. Полева

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия
poleva@tspu.ru

Н. А. Семёнова

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия
natalsem@tspu.ru

Ж. Энхтуяа

Центр русского языка Средней общеобразовательной школы № 84,
Улан-Батор, Монголия
jenkhtuya280@yahoo.com

Исследование выполнено в рамках государственного задания
Министерства просвещения Российской Федерации, тема проекта:
«Разработка содержания и методики подготовки будущих педагогов
к реализации воспитательной работы в логике формирования
ценностного отношения к целям достижения технологического
и культурного суверенитета страны».

Представлены результаты исследования семантического поля понятия «культурная идентичность» среди тех, кто занимает в настоящее время новую должность в российских школах: советник директора по воспитательной работе и взаимодействию общественными организациями. Методология включала метод свободного определения понятия с последующим выделением визуальных маркеров и свободный ассоциативный опрос. Полученные данные были категоризированы, затем реализован частотный анализ полученных визуальных образов. Результаты показали доминирование «этнографического кода»: культурная идентичность репрезентируется преимущественно через видимые, материальные и традиционные маркеры (национальный костюм, традиции, народные промыслы). Выявлен дефицит ассоциаций, связанных с духовными ценностями, историческими личностями, наукой, местностью и современной культурой. Установлен разрыв между декларируемой на государственном уровне значимостью становления культурной идентичности через систему образования и фактическим представлением педагогов, фокусирующихся преимущественно на культурно-историческом наследии, прошлом. Определено, что более половины советников работают в рамках общеобязательных воспитательных мероприятий, испытывая затруднения в выборе содержания и форматов целенаправленной работы по формированию культурной идентичности. Сделан вывод о необходимости

внедрения семиотического подхода в процессы подготовки педагогов для углубления ценностно-смыслового аспекта при реализации воспитательной деятельности.

Ключевые слова: культурная идентичность, визуальные образы, советник по воспитанию, анкетирование

VISUAL MARKERS OF CULTURAL IDENTITY IN THE PERCEPTIONS OF EDUCATIONAL ADVISORS TO PRINCIPALS OF CONTEMPORARY RUSSIAN SCHOOLS

Elena A. Poleva

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia
poleva@tspu.ru

Natalia A. Semenova

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia
natalsem@tspu.ru

Zhamyansuren Enkhtuyaа

Russian Language Center, Secondary School No. 84,
Ulaanbaatar, Mongolia
jenkhtuya280@yahoo.com

The study was conducted as part of a state assignment from the Ministry of Education of the Russian Federation. The project topic: "Development of the content and methodology for preparing future teachers to implement educational work within the logic of forming a value-based attitude toward the goals of achieving the country's technological and cultural sovereignty".

A new position has now been introduced in Russian schools: advisor to the director for educational work and interaction with public organizations. This study analyzes the results of a free-association survey conducted among three focus groups – schoolchildren, university students, and educational advisors – regarding their interpretation of the concept of "cultural sovereignty". The findings indicate that the concept is predominantly perceived from the standpoint of "ensuring independence" and "protection from destructive influence", with less association to the preservation of "cultural identity". The category of identity was present in the definitions of only 14.5% of the schoolchildren, 23.5% of the students, and 16% of the educators. Subsequently, the research focused on identifying the presence of visual markers of cultural identity. It was determined that such markers are characteristic primarily of

educators (found in 100% of their responses), indicating the presence of specific imagery in their understanding of identity. The responses of schoolchildren and students were more abstract and generalized. The visual field of the concept "cultural identity" for all the respondent groups is built around connections with folk culture: traditions, crafts, folklore, and language. Images of cultural spaces and art were also fairly common. Notably absent were visual markers demonstrating a connection to locality (cities, landscapes), science, technology, or modern achievements. This suggests a predominance of a cultural-historical perspective in the perception of sovereignty and identity, but it also points to a degree of stereotyping and a disconnect from modernity. A direct associative method implemented with the educators confirmed these results. The educational practices of the advisors are primarily concentrated on traditional formats (e.g., conversations) or officially established programs (e.g., "Conversations about Important Things"). Over half of the educators experienced difficulties in defining methodological approaches aimed at fostering a value-based attitude towards the concepts "cultural sovereignty" and "identity", highlighting a clear need for enhancing the preparation of teachers for this work. It has been concluded that there is a shortage of a semiotic approach to the implementation of this training.

Keywords: cultural identity, visual images, educational advisors, questionnaire

DOI 10.23951/2312-7899-2025-4-196-213

Актуальность проведённого исследования определяют три взаимосвязанных обстоятельства. Во-первых, Постановлением Правительства № 225 от 21 февраля 2022 года в России введена новая должность – советника по воспитанию и взаимодействию с детскими общественными объединениями. В функции советников входит не только организаторская деятельность, но и непосредственно воспитательная работа с детьми, в том числе направленная на формирование осознанного отношения к российской и мировой культуре, «настройку» механизмов культурной идентичности. Формирование культурной идентичности регулируется рядом федеральных нормативных документов, принятых в последние годы. В отмеченной здесь нормативной базе понятие «культурная идентичность» находится во взаимосвязи с понятием «культурный суверенитет страны», которое было введено в 2015 году в Указе Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», а затем конкретизировано в Указе Президента РФ от 25 января 2023 г. № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики». Согласно тексту Указа Президента РФ, культурный суверенитет – это «совокупность соци-

ально-культурных факторов, позволяющих народу и государству формировать свою идентичность, избегать социально-психологической и культурной зависимости от внешнего влияния, быть защищенными от деструктивного идеологического и информационного воздействия, сохранять историческую память, придерживаться традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [О внесении изменений в Основы государственной культурной политики... 2023]. Итак, в семантике понятия «культурный суворинитет» можно выделить две составляющие: формально-официальную, отражающую государственную задачу «быть защищенными от деструктивного идеологического и информационного воздействия», и ценностно-смысловую, связанную с идентичностью.

Вторым обстоятельством стала понятная необходимость выяснения представлений, касающихся существа данного направления воспитательной работы, у тех, кто занимает новую должность – советников директоров российских школ. Такая необходимость связана с переформатированием педагогической подготовки кадров для выполнения этой работы. В *третье обстоятельство* входит выявление возможных методологических дефицитов, восполнение которых должно способствовать оперативной реализации новой задачи, поставленной перед подготовкой будущих педагогов.

Таким образом, цель нашего исследования – как анализ уровня представлений советников о том, что ими понимается под культурной идентичностью, так и выяснение основных направлений подготовки соответствующих кадров для оперативной реализации поставленной задачи.

Методы и подходы

В своём исследовании мы исходили из того, что выяснение визуальных маркеров культурной идентичности в представлениях советников позволит выявить основное семантическое поле, которое станет стартовым пространством для определения дальнейшей работы в подготовке педагогических кадров. Эта часть исследования проводилась двумя методами: анкетирования с вопросами, предполагающими открытые ответы, и свободного ассоциативного опроса. В следующем разделе статьи будут изложены результаты анкетирования. Здесь же отметим, что анкеты составлялись с опорой на итоги работ, которые были посвящены изучению культурной идентичности (и её маркеров) и проведены в контексте педагогических исследований.

Семиотический подход в организации исследования и, самое главное, в интерпретации результатов исследования был применён в одной из его версий, представленных в работах И. В. Мелик-Гайказян. Выбор этой версии базировался на том, что именно в ней была доказана семиотическая сущность образовательной деятельности [Мелик-Гайказян 2008; Мелик-Гайказян 2014], что обеспечивает релевантность подхода к исследованиям динамики систем образования и, следовательно, к определению последствий различного рода конструирования в данной области¹. Кроме того, в рамках этого варианта предложена концепция «семиотическая диагностика», продемонстрировавшая свою методологическую эффективность для организации анкетирования [Макаренко, Мелик-Гайказян, Смышляева 2023] и обнаружения «расщепления траекторий мечты о прошлом и мечты о будущем» [Мелик-Гайказян 2022], что имеет прямое отношение к выявлению места и роли культурных кодов.

Результаты анкетирования

Прежде всего нас интересовал ответ на вопрос о понятии «культурный суверенитет»: насколько в представлении советников по воспитанию это понятие соотносится с понятием «культурная идентичность»? При анализе ответов выявлялись лексемы, связанные с понятием «идентичность», подсчитывалась частота прямого упоминания. Кроме этого, анкетирование проводилось для трёх групп респондентов, поэтому значения, полученные в результате опроса советников по воспитанию, даны в сравнении с ответами на этот же вопрос обучающихся школ и педагогических вузов. Всего было опрошено 595 старшеклассников (8–11-е классы, Томская область), 772 студента педагогических вузов шести регионов РФ (Курганская, Новосибирская, Омская, Томская области, Забайкальский край, Республика Дагестан), 74 педагога-советника по воспитанию и взаимодействию с детскими общественными объединениями из пяти регионов Российской Федерации (Московская, Кемеровская, Омская, Новосибирская области, Республика Хакасия).

В процессе обработки результатов был осуществлён анализ ответов с целью выявления и категоризации маркеров культурной идентичности, акцентировалось внимание на визуальных маркерах.

¹ В настоящее время И. В. Мелик-Гайказян осуществляет руководство проектом «Конструирование семиотического оптимума в образовательном пространстве подготовки будущих учителей», получившего поддержку в виде внутреннего гранта ТППУ.

Согласно результатам анализа массива определения понятия «культурный суверенитет» выявлено, что включили в него категорию «культурная идентичность» 14,5% школьников, 23,5% студентов, 16% советников по воспитанию. Анализ свидетельствует о преобладании формально-официального компонента над ценностно-смысловым. То есть суверенитет как комплекс социокультурных факторов в восприятии большей части респондентов не подразумевает идентичности. Анализ показывает, что, как правило, такие определения имели «защитный» характер – «противодействие деструктивному влиянию», «защита наследия». Это говорит о смещении акцентов в информационном пространстве с ценностной и семантически сложной компоненты понятия «суверенитет» (идентичность) на более понятную и формализованную (независимость).

Далее работа проводилась только с ответами той части респондентов, в определениях которых выявлена категория «культурная идентичность».

Среди выбранных ответов, связанных с идентичностью, во всех трёх группах респондентов наиболее часто упоминаемыми являлись ценностные маркеры (духовно-нравственные ценности, историческая память), маркеры, связанные с самобытностью или уникальностью. Вторая по частотности упоминания группа включала визуальные маркеры. В новейших исследованиях аргументировано, что «знаковое измерение идентичности составляют символарии, включающие совокупности культурно маркированных знаков, ядро которых формируют символы, эталоны, обереги, меры, эмблемы, бренды. Идентичность проявляется в вербальных текстах культуры» [Токарев 2024, 69]. Соответственно, дальнейший анализ был посвящён выявлению подобных визуальных маркеров: визуальных образов, значимых материальных объектов (табл. 1).

Анализ полученных данных позволяет сделать ряд умозаключений. Во-первых, визуальный ряд маркеров, связанный с понятием «идентичность», минимально проявлен у школьников (около трети респондентов), максимально – у педагогов (100%). Педагоги демонстрируют более конкретное, предметное понимание идентичности, школьники – размытое и неясное, тяготеют к формальным или абстрактным трактовкам.

Во-вторых, по тематикам и количествам упоминаний во всех трех группах респондентов наиболее значимыми маркерами являются причастные к народной культуре, материальные культурные объекты и пространства, а также искусство и языки, что в полной мере согласуется с результатами исследований других авторов: «Среди

универсальных маркеров в исследовании были выделены история народа, культура и искусство, культурное наследие» [Ковалев 2023, 71]; «Именно язык описывает культуру, он становится связующим звеном между культурой и идентичностью» [Лисенкова 2018, 61]. Школьники и педагоги практически не упоминают государственную символику, что не совпало с гипотезой исследования, так как флаг, герб, иные атрибуты государственности входят в «ядро» воспитательной работы и, как предполагалось, будут вспоминаться в связи с вопросом в первую очередь. Отсутствие упоминания можно объяснить тем, что, вероятно, респонденты воспринимают эту символику, как маркер политики, но не культуры, и культурная идентичность в их сознании связана с народными традициями, искусством и языком. Ядром концепта «культурная идентичность» выступает именно народная культура.

Таблица 1
Визуальные маркеры понятия «культурная идентичность»
(метод открытых ответов)

Категории визуальных маркеров	Частотность упоминания: школьники	Частотность упоминания: студенты	Частотность упоминания: педагоги
Народная культура			
Материальные культурно-исторические объекты (национальный костюм, народные промыслы, ремесла), деятельностиные проявления народной культуры в историческом аспекте (традиции и обычаи)	6,9%	3,2%	37,5%
Фольклор (сказки, былины, русские народные песни)	–	–	6,3%
Государственная символика			
Символика и атрибуты государства (флаг, герб, гимн)	–	5,3%	–
Материальные культурные объекты и искусство			
Пространства культуры и виды искусства (театр, балет, музей)	3,4%	10,6%	5%
Памятники, в том числе архитектурные (Кремль, памятник Пушкину, храмы)	10,3%	6,4%	18,8%
Другое			
Ценности и менталитет (уважение к старшим, гостеприимство, единство)	–	–	12,5%
История и личности (Пушкин, Гагарин, историческая память)	1,7%	3,2%	2,8%
Язык	6,9%	17%	17,1%
Без визуальных маркеров			
Нет визуальных маркеров	70,7%	54,3%	–

В-третьих, полностью отсутствуют визуальные маркеры, связывающие понятие культурной идентичности с урбанистикой, местностью, а также наукой, достижениями, современностью. Отсутствие связи понятия с достижениями науки, производством, современной техносредой говорит о концентрации на прошлом, «музейности» восприятия идентичности.

Кроме анкетирования был применён метод свободного ассоциативного опроса, который рассчитан на сбор и анализ первых реакций на слово, словосочетание или образ и «позволяет узнать больше о базовых ценностях и установках человека» [Острикова, Надолинский 2023, 153].

Советникам по воспитанию было предложено записать не менее 10 визуальных ассоциаций к понятию «культурная идентичность», что позволило собрать 246 единиц для анализа. Затем на основе собранного материала были проведены процедуры кодировки, категоризации, количественный и интерпретационный анализ. Выделены по тематическому признаку и частотности упоминаний устойчивые категории ассоциаций, составляющих семантическое поле понятия «культурная идентичность». Анализ полученных данных показал результаты, не по всем параметрам совпавшие с результатами анкетирования (табл. 2).

Таблица 2
Сравнительный анализ визуальных маркеров понятия «культурная идентичность» на основе применения двух методов (анкетирование и метод свободного ассоциативного опроса)

Категории визуальных маркеров	Анкетирование	Ассоциативный опрос
Народная культура		
Материальные культурно-исторические объекты (национальный костюм, народные промыслы, ремесла), деятельности проявления народной культуры в историческом аспекте (традиции и обычай)	37,5%	40%
Фольклор (сказки, былины, русские народные песни)	6,3%	6,5%
Государственная символика		
Символика и атрибуты государства (флаг, герб, гимн)	–	11,8%
Материальные культурные объекты, пространства и искусство		
Пространства культуры и виды искусства (театр, балет, музей)	5%	6,1%

Категории визуальных маркеров	Анкетирование	Ассоциативный опрос
Памятники, в том числе архитектурные (Кремль, памятник Пушкину, храмы)	18,8%	3,8%
Другое		
Ценности и менталитет (уважение к старшим, гостеприимство, единство)	12,5%	3,8%
История и личности (Пушкин, Гагарин, историческая память)	2,8%	1,9%
Язык	17,1%	6,9%

Данные в большей части подтверждают общую картину с преобладанием визуальных маркеров, имеющих связь с народной культурой; как и в первом случае, можно констатировать отсутствие визуальных ассоциатив с образами местности, науки, техники, достижений. Отличие состоит в упоминании государственной символики (герб, гимн). В целом визуальные маркеры несколько стереотипны: народный визуальный образ, обращение к истории.

Важно не только понимание маркеров, знаков, образов-символов культурной идентичности, но и способность так кодировать знания о них и выбирать методические инструменты, чтобы их семантика была успешно декодирована обучающимися. Иными словами, важно, чтобы советник мог работать не только на синтаксическом и сематическом, но и на pragматическом уровне семиозиса: «...культура рассматривается как процесс постоянной циркуляции символов с коллективного уровня на индивидуальный и обратно. Эти уровни образуют целостную систему – смысловое поле культуры, где символ выступает ключевым элементом, который в чувственно-воспринимаемой форме выражает, сохраняет и транслирует идеи, идеалы и ценности, основополагающие для развития общества» [Налбандян 2023, 136–137].

С этой целью советникам был задан вопрос о применяемых формах работы с визуальными знаками (маркерами) культурной идентичности, в том числе в аспекте формирования представлений и ценностного отношения к культурному суверенитету страны. Данные обобщены в табл. 3.

Полученные данные позволяют утверждать, что вопрос методического обеспечения в рассматриваемом аспекте является проблемным. Из опрошенных советников по воспитанию более половины участников опроса не смогли конкретно обозначить свои профессиональные действия. Менее половины ведут направленную работу, связанную с формированием / проявлением культурной

идентичности у обучающихся. Но из них 16% практикуют классический, проверенный набор форм патриотического и культурного воспитания (экскурсии, выставки), а 29% ограничиваются обязательными форматами.

Таблица 3
Формы и методы работы с осознанием культурной идентичности
и формированием представлений о культуре,
культурном суверенитете страны

Категория	%	Пояснение и примеры
Работаю осознанно и целенаправленно	16	Ответы, где педагог чётко указывает на свою деятельность и приводит конкретные формы и методы работы, выходящие за рамки обязательных общешкольных мероприятий. Примеры: «Водим детей в заповедник Кузнецкий-Алатау», «Проводим выставки народного мастерства», «Экскурсии на предприятия», «Практическая ориентация, квиз, игра, посещения культурных пространств», «Проводим культурные фестивали», «Организация мероприятий (с конкретными примерами)»
Работаю в рамках обязательных мероприятий	29	Ответы, где педагог указывает на работу исключительно через обязательные для всех школ РФ форматы. Эти ответы показывают исполнительскую дисциплину, но не всегда отражают личную инициативу или глубокое понимание темы. Примеры: «Провожу "Разговоры о важном"», «Да, РОВ и линейки», «Провожу классные часы», «Внеурочная деятельность» (без уточнения), «Провожу патриотические мероприятия» (обобщенно)
Не работаю / Не определился	55	Ответы, прямо указывающие на отсутствие деятельности либо не несущие смысловой нагрузки. Это самая многочисленная группа, к которой причислены респонденты, которые не дали ответа, вписали «нет» или сформулировали мысль неопределённо или уклончиво: «Пробуем», «Воздержусь от ответа», «Жизнь заставляет», «Все работаем» и т.п.

Обратим внимание на глаголы, использованные в ответах: «водим», «проводим», «проводжу», что подчёркивает субъектность педагога в процессе сопровождения становления культурной идентичности школьников, тогда как субъектность самих обучающихся остаётся под вопросом. Подчеркнём, что субъектность является неотъемлемой составляющей процесса становления идентичности:

«Личность выступает субъектом идентичности, осуществляя свободно или под управляющим влиянием выбор базовых ценностных установок жизнедеятельности» [Нагой 2022, 110].

Полученные данные в перспективе нуждаются в уточнении посредством количественных методов исследования, но с большим охватом аудитории, и качественных методов. Это позволит получить более детализированную картину методической подготовки советников по воспитанию, уровня личной и профессиональной вовлечённости в работу, степени сформированности мотивации к ведению подобной деятельности. На основе полученных данных можно прогнозировать перспективные аспекты подготовки студентов – будущих педагогов или повышения квалификации действующих советников по воспитанию.

Обсуждение

Качественное исследование культурной идентичности у определённых групп респондентов требует междисциплинарного подхода и работы с развернутым контентом. На первом же этапе уместны количественные методы исследования, с помощью которых может быть снят первый срез, обобщены данные, от которых можно отталкиваться в дальнейшем. При анкетировании задачей ставилось выявление визуальных маркеров культурной идентичности. При помощи таковых, как отметила Е. В. Матвеева, «происходит маркирование, идентификация “своих” в разных общностях, можно определить как внешние, видимые и демонстрируемые характеристики, так и ценности, которые заключены в “кодексы”, “философию”, “религию”, “верование” и др.»; «Маркировать – значит выделять некие значимые культурные символы, которые будут восприняты некоторой частью населения как “свои”» [Матвеева 2018, 522].

Постановление, со ссылки на которое была начата статья, инициировало множество отечественных исследований, обосновывающих соответствующий фокус воспитательных практик. Во-первых, на культурную идентичность влияют среда, социокультурный контекст, историческое наследие [Пакина 2024, 45]. Во-вторых, «становление идентичности происходит в большей степени по мере взросления человека в социальной среде», в период школьного обучения [Острикова, Надолинский 2023, 153], то есть именно педагог, сопровождающий этот период взросления, способен повлиять на становление культурной идентичности. В-третьих, идентичность «предполагает наличие в ней символических, социально-сконстру-

ированных значений, разделяемых обществом в целом <...> основными институтами, участвующими в формировании государственной идентичности у молодёжи, являются семья и система образования» [Розенберг, Карпова 2024, 120], что ориентирует на особую готовность педагогов к взаимодействию с воспитанниками через систему, которую составляют «общие исторические и совместные культурные коды» [Акопова, Альбеков, Полуботко 2014, 12], приобщение к культурным образцам [Нагой 2022]. Культурная идентичность формируется через взаимодействие людей, социокультурную среду, в которой они находятся [Острикова, Надолинский 2023; Пакина 2024].

Окружающая человека социокультурная среда наполнена визуальными кодами, которые помогают индивиду или группе обозначить свою принадлежность к тому или иному сообществу [Воеводина, Хубаева 2021; Лига, Гомбоева, Захаров 2025]; «визуальная культура играет центральную роль в самоидентификации и самопрезентации современного человека» [Афанасьевская 2024а, 113]. Исследования культурной идентичности носят междисциплинарный характер, они раскрываются с позиции социологии, философии, политологии, психологии, педагогики и значимы для образовательных практик, имеют «важное прикладное значение» [Иванов, Титова 2023].

В ценностно-смысловом аспекте культурную идентичность рассматривают как один из ключевых факторов, влияющих на восприятие и оценку мира: «Культурная идентичность <...> формирует ценностное отношение человека к самому себе, другим людям, обществу и миру в целом, а также предопределяет формирование у индивида устойчивых качеств, благодаря которым формируются его бинарное мышление, система оценочных суждений, возможность выбора ценностных ориентиров, что выступает основанием для построения собственной коммуникативной модели» [Водопьянов, Хамаганова 2018, 230].

Идентичность индивида может быть для него самого неопределённой, неосознанной, неосознаваемой, но в социальной среде, коммуникации с другими она проявляется через понимание / чувствование сопричастности или чуждости чему-, кому-либо, через необходимость обнаружения собственной ценностной позиции. Деятельность советников директора по воспитанию должна способствовать формированию осознанности у обучающихся их культурной идентичности. Для этого как минимум они сами должны обладать и уверенным пониманием процесса формирования идентичности, и представлением о том, в каких – в том числе условно-символи-

ческих – формах могут быть представлены маркеры культурной идентичности. Степень «определенности / неопределенности» «идентичности зависит от уровня сформированности у индивида представления о ней. Обобщённый образ <...> конструируется на основе ментальных репрезентаций, которые, в свою очередь, являются отражением ментального опыта и содержат концептуальные связи с понятием» [Эксакусто, Голубева 2025, 76].

Применительно к задаче выведения на уровень осознания обучающихся их культурной идентичности, стоящей перед советниками по воспитанию, сказанное может быть интерпретировано следующим образом. Для использования всех каналов трансляций сам советник должен осознавать единичные и системные культурные коды, уметь транслировать знаки, в том числе символического уровня, «расшифровывать» их значения на доступном обучающимся языке, владеть инструментами передачи знаковых форм в вербальных и деятельностных практиках. Советник должен уметь работать с культурным кодом, который представляет собой «совокупность знаков и систему определенных правил», применение которых связано с «проблемой перехода от мира сигналов к миру смысла. Культурный код – это то, что позволяет дешифровать преобразованные значения в смысл» [Водопьян, Хамаганова 2018, 231].

Современная культура наполнена визуальными образами и кодами, обладающими ценностным содержанием [Воеводина, Хубаева 2021]. При этом «идентичность и визуальный опыт сегодня тесно связаны, что проявляется в различных аспектах визуальной культуры, включая искусство, медиа, моду, архитектуру, Интернет и повседневные визуальные практики» [Афанасьевская 2024б, 210].

Цитируемые выводы исследований, проведённых в самые последние годы, демонстрируют, что, с одной стороны, визуальные маркеры и их означаемые вызывают живой интерес, а с другой стороны, в этих исследованиях при всей пестроте употребления терминов, синонимичных понятию «знак», собственно семиотическая методология только упоминается, но не применяется. Кроме того, определения идентичности, культурной идентичности и культурного кода фиксируют разные трактовки перечисленных феноменов. Остаётся впечатление, что под культурным кодом, оказывающим воздействие на формирование идентичности, понимают почти все формы знаков, мерцающие в коммуникативной сфере и социокультурном пространстве. Вместе с тем в концептуальной модели семиотической динамики [Мелик-Гайказян 2022], вбирающей фазы самоорганизации и стадии информационного процесса,

установлены локализации того, что соответствует означаемому в тех употреблениях термина «культурный код», которые присутствуют в рассмотренных нами исследованиях. Локализациями являются две разные стадии семиотической динамики: предшествующая трансляции форм знака и формирующаяся по вариативным итогам этих трансляций. У них разные системные функции: у первой – стандартизирующая интерпретацию идейных практик и культурных норм; у второй – когнитивная (и / или критическая [Мелик-Гайказян 2022]). Именно вторая функция обеспечивает окончательные итоги обучения и воспитания. По этой причине важным является применения семиотического подхода, игнорируемого (за редким исключением) в педагогических исследованиях. Все сказанное обозначает перспективу дальнейших исследований, связанную с развитием направления «семиотика образования» [Мелик-Гайказян 2014].

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать ряд выводов.

1. Семантическое поле понятия «культурная идентичность» педагогов-советников по воспитанию и взаимодействию с общественными организациями структурировано вокруг довольно чётко обозначенного, но недостаточно широкого круга визуальных маркеров, который можно отнести к этнографическому коду. С одной стороны, идентичность соотносится с ценностью культурно-исторического наследия, но, с другой стороны, избыточное «застревание» на музеиных атрибутах народной культуры представляет фокус идентичности, обращённый в прошлое и оторванный от современности – обрата настоящего, достижений культуры и науки в настоящем.

2. Описывая преобладающие в своей профессиональной деятельности формы работы, педагоги, как правило, акцентировали собственную профессиональную субъектность, оставляя без внимания субъектность школьников. То есть можно наблюдать определённый разрыв между обозначенной в государственных документах и медийной риторике значимостью формирования культурной идентичности и культурного суверенитета и реальным уровнем понимания данных концептов в педагогической практике. Это требует смещения акцента в подготовке педагогов на ценностно-смысловой уровене, включения в подготовку будущих педагогов содержания, позволяющего работать с культурными кодами на разных уровнях.

3. Вопросы, связанные с формированием системы ценностей, идентичности, являются сегодня важнейшей частью профессио-

нальной деятельности педагогов. Но в учебных программах их подготовки есть острый дефицит применения семиотического подхода, что является проблемой, поскольку сама современная действительность пронизана воздействием форм знаков и наполнена их разнообразными воплощениями.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Акопова, Альбеков, Полуботко 2014 – Акопова Е. С., Альбеков А. У., Полуботко А. А. Национально-государственный суверенитет в условиях глобализации: дискурс идентичности // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2014 № 4 (48). С. 11–16.
- Афанасьевская 2024а – Афанасьевская Н. В. Потенциал визуальной культуры в современных исследованиях этнокультурной идентичности // Культура и искусство. 2024. № 10. С. 110–120.
- Афанасьевская 2024б – Афанасьевская Н. В. Визуальная культура как пространство формирования и презентации этнокультурной идентичности // Ярославский педагогический вестник. 2024. № 3 (138). С. 208–213.
- Водопьян, Хамаганова 2018 – Водопьян В. Г., Хамаганова К. В. Визуальные коды культурной идентичности в современном медиапространстве // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2018. № 32. С. 229–235.
- Воеводина, Хубаева 2021 – Воеводина Л. Н., Хубаева А. М. Конструирование идентичности в актуальной визуальной культуре // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2021. № 1 (40). С. 29–35.
- Иванов, Титова 2023 – Иванов Е. В., Титова Е. В. О культурной идентичности и её значении для будущих педагогов // Человек и образование. 2023. № 4 (77). С. 54–62.
- Ковалев 2023 – Ковалев А. А. Влияние современной трансформации маркеров национальной идентичности на доминанты национального менталитета // Наука. Искусство. Культура. 2023. № 4 (40). С. 59–73.
- Лига, Гомбоева, Захаров 2025 – Лига М. Б., Гомбоева Я. З., Захаров М. А. Культурная идентичность и культурная гибридность: актуальные теоретико-методологические подходы к исследованию // Гуманитарный вектор. 2025. Т. 20, № 1. С. 33–43.
- Лисенкова 2018 – Лисенкова А. А. Особенности формирования российской культурной идентичности // Ценности и смыслы. 2018. № 2. С. 55–68.
- Макаренко, Мелик-Гайказян, Смышляева 2023 – Макаренко А. Н., Мелик-Гайказян И. В., Смышляева Л. Г. Астигматизм цифровизации образования: постановка задачи для семиотической диагностики последствий // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2023. № 3. С. 90–110. doi: 10.23951/2312-7899-2023-3-90-110
- Матвеева 2018 – Матвеева Е. В. Маркеры культурной идентичности молодёжи // Байкальские встречи – X: культурная память и культурная

- идентичность в условиях глобализации: материалы междунар. науч.-практ. конф., Улан-Удэ, 20–22 сентября 2018 г. Улан-Удэ: Изд.-полиграф. комплекс «ВСГИК», 2018. С. 521–528.
- Мелик-Гайказян 2008 – Мелик-Гайказян И. В. Моделирование образовательных систем: исследовательская программа // Высшее образование в России. 2008. № 9. С. 89–94.
- Мелик-Гайказян 2014 – Мелик-Гайказян И. В. Семиотика образования или «ключи» и «отмычки» к моделированию образовательных систем // Идеи и идеалы. 2014. Т. 6, № 4 (22). С. 14–27.
- Мелик-Гайказян 2022 – Мелик-Гайказян И. В. Семиотическая диагностика расщепления траекторий мечты о прошлом и мечты о будущем // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13, № 4. doi: 10.18254/S207987840021199-7. URL: <https://history.jes.su/s207987840021199-7-1/>
- Нагой 2022 – Нагой А. А. Уровни формирования культурной идентичности // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2022. Вып. 2 (299). С. 109–119.
- Налбандян 2023 – Налбандян Э. Н. Визуальные презентации как способ конструирования смыслов в культуре // Культурная жизнь Юга России. 2023. № 4 (91). С. 134–141.
- О внесении изменений в Основы государственной культурной политики... 2023 – О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808: Указ Президента Российской Федерации от 25.01.2023 г. № 35 // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48855>
- Острикова, Надолинский 2023 – Острикова Г. Н., Надолинский П. Е. Экспериментальное исследование культурной идентичности школьников // Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 100, № 5. С. 152–157.
- Пакина 2024 – Пакина Л. Е. Феномен культурной идентичности в контексте глобализации // Международный научно-исследовательский журнал. 2024 № 4 (142). С. 43–47.
- Розенберг, Карпова 2024 – Розенберг Н. В., Карпова М. К. Символы государственной идентичности в представлениях российской студенческой молодёжи // Наука. Общество. Государство. 2024. № 2 (46). С. 120–130.
- Токарев 2024 – Токарев Г. В. О лингвокультурологической интерпретации проблемы идентичности // Тульский научный вестник. Сер. История. Языкоzнание. 2024. № 2 (18). С. 69–75.
- Эксакусто, Голубева 2025 – Эксакусто Т. В., Голубева Ш. А. Парциальные характеристики ментальных репрезентаций этнической идентичности молодых людей // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. № 2. С. 70–79.

REFERENCES

- Afanas'evskaya, N. V. (2024a). Potentsial vizual'noi kul'tury v sovremennoykh issledovaniakh etnokul'turnoi identichnosti [The potential of visual culture in modern studies of ethno-cultural identity]. *Culture and Art*, 10, 110–120.
- Afanas'evskaya, N. V. (2024b). Vizual'naya kul'tura kak prostranstvo formirovaniya i reprezentatsii etnokul'turnoi identichnosti [Visual culture as a space for the formation and representation of ethno-cultural identity]. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 3(138), 208–213.
- Akopova, E. S., Albekov, A. U., & Polubotko, A. A. (2014). Natsional'no-gosudarstvennyi suverenitet v usloviiakh globalizatsii: diskurs identichnosti [National-state sovereignty in the context of globalization: The discourse of identity]. *Vestnik of Rostov state University of Economics (RINH)*, 4(48), 11–16.
- Eksakusto, T. V., & Golubeva, Sh. A. (2025). Partsial'nye kharakteristiki mental'nykh reprezentatsii etnicheskoi identichnosti molodykh lyudei [Partial characteristics of mental representations of the ethnic identity of young people]. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, 2, 70–79.
- Groys, B. (2023). *Politika poetiki* [The politics of poetics]. Ad Marginem Press.
- Ivanov, E. V., & Titova, E. V. (2023). O kul'turnoi identichnosti i ee znachenii dlya budushchikh pedagogov [On cultural identity and its importance for future teachers]. *Man and Education*, 4(77), 54–62.
- Kovalev, A. A. (2023). Vliyanie sovremennoi transformatsii markerov natsional'noi identichnosti na dominanty natsional'nogo mentaliteta [The impact of the modern transformation of national identity markers on the dominants of the national mentality]. *Science. Art. Culture*, 4(40), 59–73.
- Liga, M. B., Gomboeva, Ya. Z., & Zakharov, M. A. (2025). Kul'turnaya identichnost' i kul'turnaya gbridnost': aktual'nye teoretiko-metodologicheskie podkhody k issledovaniyu [Cultural identity and cultural hybridity: Current theoretical and methodological approaches to research]. *Humanitarian Vector*, 20(1), 33–43.
- Lisenkova, A. A. (2018). Osobennosti formirovaniya rossiiskoi kul'turnoi identichnosti [Peculiarities of the formation of Russian cultural identity]. *Values and Meanings*, 2, 55–68.
- Makarenko, A. N., Melik-Gaykazyan, I. V., & Smyshlyayeva, L. G. (2023). Education digitalization astigmatism: Problem setting for semiotic diagnostics of consequences. *ПРАЕХМА. Journal of Visual Semiotics*, 3, 90–110. (In Russian). <https://doi.org/10.23951/2312-7899-2023-3-90-110>
- Matveeva, E. V. (2018). [Markers of youth cultural identity]. *Baykal'skiye vstrechi-X: Kul'turnaya pamyat' i kul'turnaya identichnost' v usloviyakh globalizatsii* [Baikal Meetings-X: Cultural Memory and Cultural Identity in the Context of Globalization]. Proceedings of the International Conference. Ulan-Ude, Russia. 20–22 September 2018. VSGIK. pp. 521–528. (In Russian).
- Melik-Gaykazyan, I. V. (2008). Modelirovaniye obrazovatel'nykh sistem: issledovatel'skaya programma [Modeling educational systems: A research program]. *Higher Education in Russia*, 9, 89–94.
- Melik-Gaykazyan, I. V. (2014). Semiotika obrazovaniya ili "klyuchi" i "otmyshki" k modelirovaniyu obrazovatel'nykh sistem [Semiotics of

- education or “keys” and “lockpicks” for modeling educational systems]. *Ideas and Ideals*, 1(4), 14–27.
- Melik-Gaykazyan, I. V. (2022). Semioticheskaya diagnostika rasshchepleniya traektorii mechty o proshlom i mechty o budushchem [Semiotic diagnostics of the split in the trajectories of the dream about the past and the dream about the future]. *Electronic Scientific and Educational Journal “History”*, 13(4). <https://doi.org/10.18254/S207987840021199-7>
- Nagoy, A. A. (2022). Urovni formirovaniya kul'turnoi identichnosti [Levels of cultural identity formation]. *Vestnik Adygeiskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya “Regionovedenie: Filosofiya, Istorija, Sotsiologija, Jurisprudentsiya, Politologija, Kul'turologija”*, 2(299), 109–119.
- Nalbadyan, E. N. (2023). Vizual'nye reprezentatsii kak sposob konstruirovaniya smyslov v kul'ture [Visual representations as a way of constructing meanings in culture]. *Kul'turnaya Zhizn' Yuga Rossii*, 4(91), 134–141.
- Ostrikova, G. N., & Nadolinskii, P. E. (2023). Eksperimental'noe issledovanie kul'turnoi identichnosti shkol'nikov [Experimental study of the cultural identity of schoolchildren]. *Gumanitarnye i Sotsial'nye Nauki*, 100(5), 152–157.
- Pakina, L. E. (2024). Fenomen kul'turnoi identichnosti v kontekste globalizatsii [The phenomenon of cultural identity in the context of globalization]. *Mezhdunarodnyi Nauchno-Issledovatel'skii Zhurnal*, 4(142), 43–47.
- President of the Russian Federation. (2023). *Decree of the President of the Russian Federation of January 25, 2023, No. 35 “On Amendments to the Fundamentals of the State Cultural Policy, approved by Decree of the President of the Russian Federation of December 24, 2014, No. 808”*. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48855>
- Rezanova, Z. I. (2007). (2010). Metaforicheskii fragment russkoi yazykovoi kartiny mira: idei, metody, resheniia [The metaphorical fragment of the Russian linguistic world view: Ideas, methods, solutions]. *Tomsk State University Journal of Philology*, 1(9), 26–43.
- Rosenberg, N. V., & Karpova, M. K. (2024). Simvoly gosudarstvennoi identichnosti v predstavleniyakh rossiiskoi studencheskoi molodezhi [Symbols of state identity in the perceptions of Russian students]. *Science. Society. State*, 2(46), 120–130.
- Tokarev, G. V. (2024). O lingvokul'turologicheskoi interpretatsii problemy identichnosti [On the linguo-cultural interpretation of the identity problem]. *Tul'skii Nauchnyi Vestnik. Seriya Istorija. Yazykoznanie*, 2(18), 69–75.
- Vodop'yan, V. G., & Khamaganova, K. V. (2018). Vizual'nye kody kul'turnoi identichnosti v sovremennom mediaprostranstve [Visual codes of cultural identity in the modern media space]. *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*, 32, 229–235.
- Voevodina, L. N., & Kubaeva, A. M. (2021). Konstruirovaniye identichnosti v aktual'noi vizual'noi kul'ture [Identity construction in contemporary visual culture]. *Culture and Education*, 1(40), 29–35.

Материал поступил в редакцию 07.11.2025

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Айхлер Наталья
Александровна

Алтайский государственный университет.
Младший научный сотрудник.
Проспект Ленина, д. 61, 656049, Барнаул, Россия.
E-mail: zabrodina-nataliya@mail.ru

Ардашкін
Ігорь Борисович

Национальный исследовательский Томский
политехнический университет.
Доктор философских наук, доцент, профессор отделения
социально-гуманитарных наук.
Ул. Ленина, д. 30, Томск, 634050, Россия.
Национальный исследовательский Томский
государственный университет, профессор кафедры
истории философии и логики.
Проспект Ленина, д. 36, Томск, 634050, Россия.
E-mail: ibardashkin@mail.ru

Баситова
Шахноза
Дилшатқызы

Казахский университет международных отношений
и мировых языков имени Абылай хана.
Аспирант кафедры международных коммуникаций.
Ул. Муратбаева, д. 200, Алматы, 050026, Казахстан.
E-mail: sh.bassitova@gmail.com

Булгаева Галина
Дмитриевна

Алтайский государственный университет.
Кандидат искусствоведения; доцент.
Проспект Ленина, д. 61, 656049, Барнаул, Россия.
E-mail: bulgaevagd@yandex.ru

Гиздатов Газинур
Габдуллаевич

Томский государственный педагогический университет.
Казахский университет международных отношений
и мировых языков имени Абылай хана. Доктор
филологических наук, профессор, профессор кафедры
международных коммуникаций.
Ул. Муратбаева, д. 200, Алматы, 050026, Казахстан.
E-mail: gizdat@mail.ru

Дубина Людмила
Витальевна

Томский государственный педагогический университет.
Кандидат филологических наук,
доцент кафедры теория языка и методики обучения
русскому языку.
Ул. Киевская, д. 60, Томск, 634061, Россия.
E-mail: dubina.ludmila@yandex.ru

Дун Шухань

Международная логистическая компания «Байкал».
Менеджер по внешнеэкономической деятельности
Коммерческая площадь Юнда, д. 4, Гуанчжоу, 510400,
Китай.
E-mail: 1970994393@qq.com

Ермоленкина Лариса Ивановна	Томский государственный педагогический университет. Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории языка и методики обучения русскому языку. Ул. Киевская, д. 60, Томск, 634061, Россия. E-mail: arblar2004@rambler.ru
Жарков Евгений Александрович	Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского. Кандидат философских наук, научный сотрудник кафедры философии физического факультета. Пр. Гагарина, д. 23/3, Нижний Новгород, 603950, Россия. E -mail: flash45@yandex.ru
Ито Фуки	Университет Курасики Сакүё. Ассистент музыкального факультета, ассистент педагогического факультета, переводчик. Tamashima-Nagao, 3515, Курасики, 710-0292, Япония. E -mail: sala.virtu.7007@gmail.com
Зубанов Вадим Юрьевич	Томский государственный педагогический университет. Кандидат педагогических наук, начальник Управления международного сотрудничества. Ул. Киевская, д. 60, Томск, 634061, Россия. E -mail: zyubanovv@tspu.ru
Курьянovich Анна Владимировна	Томский государственный педагогический университет. Доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории языка и методики обучения русскому языку. Ул. Киевская, д. 60, Томск, 634061, Россия. Цзилиньский университет иностранных языков, профессор. Ул. Цзин Юэ, д. 3658, Чанчунь, 130117, Китай. Профессор. E-mail: kurjanovich.anna@rambler.ru
Мкртчян Мкртыч Сержикович	Институт языка имени Р. Ачаряна, Национальная академия наук Республики Армения. Младший научный сотрудник. Ул. Сурб Григор Лусаворича, д. 15, Ереван, 0015, Армения. Государственный университет имени В. Брюсова. Младший научный сотрудник. ул. Туманяна, д. 42, Ереван, 0002, Армения. E-mail: mkrtychyan09@gmail.com
Неборская Анна Сергеевна	Алтайский государственный университет. Младший научный сотрудник. Проспект Ленина, д. 61, Барнаул, 656049, Россия. E-mail: anna-neborskaya@mail.ru

Полева Елена
Александровна

Томский государственный педагогический университет.
Кандидат филологических наук, доцент, проректор.
Ул. Киевская, д. 60, Томск, 634061, Россия.
E-mail: poleva@tspu.ru

Семенова Наталья
Альбертовна

Томский государственный педагогический университет.
Кандидат педагогических наук, директор института
развития педагогического образования.
Ул. Киевская, д. 60, Томск, 634061, Россия.
E-mail: natalsem@tspu.ru

Серебренникова
Елена
Александровна

Томский государственный педагогический университет.
Кандидат филологических наук, старший преподаватель
кафедры теории языка и методики обучения русскому
языку.
Ул. Киевская, д. 60, Томск, 634061, Россия.
E-mail: selena224@list.ru

Суровцев Валерий
Александрович

Томский государственный педагогический университет.
Доктор философских наук, профессор, главный научный
сотрудник.
Ул. Киевская, д. 60, Томск, 634061, Россия.
Национальный исследовательский Томский
государственный университет, зав. кафедрой истории
философии и логики.
Проспект Ленина, д. 36, Томск, 634050, Россия.
E-mail: surovtssev1964@mail.ru

Черняева Ирина
Валерьевна

Алтайский государственный университет.
Кандидат искусствоведения; доцент, ведущий научный
сотрудник, зав. кафедрой искусств.
Проспект Ленина, д. 61, Барнаул, 656049, Россия.
E-mail: gurkina-22@mail.ru

Энхтуяа
Жамъянсурэн

Центр русского языка Средней общеобразовательной
школы № 84 Улан-Батора.
Директор Центра русского языка.
Баянзурх дистрикт, д. 63, Улан-Батор, 13010, Монголия.
E-mail: jenkhtuya280@yahoo.com

AUTHORS

Natalya A. Aikhler	Altai State University, Barnaul, Russian Federation. E-mail: zabrodina-nataliya@mail.ru
Igor B. Ardashkin	National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation. National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation. E-mail: ibardashkin@mail.ru
Shakhnoza D. Bassitova	Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Almaty, Kazakhstan. E-mail: sh.bassitova@gmail.com
Galina D. Bulgaeva	Altai State University, Barnaul, Russian Federation. E-mail: bulgaevagd@yandex.ru
Irina V. Chernyaeva	Altai State University, Barnaul, Russian Federation. E-mail: gurkina-22@mail.ru
Lyudmila V. Dubina	Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation. E-mail: dubina.ludmila@yandex.ru
Shuhan Dong	Guangzhou Baikal International Logistics Group Co., Guangzhou, China. E-mail: 1970994393@qq.com
Zhamyansuren Enkhtuya	Russian Language Center, Secondary School No. 84, Ulaanbaatar, Mongolia. E-mail: jenkhtuya280@yahoo.com
Gazinur G. Gizzatov	Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Almaty, Kazakhstan. E-mail: gizzat@mail.ru
Fuki Ito	Sakuyo University, Kurashiki, Japan. E-mail: sala.virtu.7007@gmail.com
Anna V. Kurjanovich	Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation. Jilin University of Foreign Studies, Changchun, China. E-mail: kurjanovich.anna@rambler.ru
Mkrtich S. Mkrtchyan	Institute of Language after H. Acharyan, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Yerevan, Armenia; Brusov State University, Yerevan, Armenia. E-mail: mkrtich.mkrtchyan@bryusov.am
Anna S. Neborskaya	Altai State University, Barnaul, Russian Federation. E-mail: anna-neborskaya@mail.ru
Elena A. Poleva	Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation. E-mail: poleva@tspu.ru

Natalia A. Semenova	Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation. E-mail: natalsem@tspu.ru
Elena A. Serebrennikova	Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation. E-mail: selena224@list.ru
Valery A. Surovtsev	Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation. National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation. E-mail: surovtshev1964@mail.ru
Larisa I. Yermolenkina	Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation. E-mail: arbalar2004@rambler.ru
Evgeniy A. Zharkov	National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation. E-mail: flash45@yandex.ru
Vadim Yu. Zyubanov	Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation. E-mail: zyubanovvyy@tspu.ru

